

УДК 32
ББК 66.3
А 18

Коллектив авторов:

*Аминов С.Р., Авдеева А. А., Валах В. В., Гусев А. В., Кошелева А.И.,
Соловьев А.А., Чердакова Л. А., Уварова Г.Г.*

А 18 Государство и общественное развитие: исторические предпосылки и современные проблемы [монография] — Москва: Издательство Перо, 2013. - 108 с.

ISBN 978-5-91940-635-8

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В монографии исследуется широкий круг проблем развития государственного управления, правового и институционального развития, в фокусе взглядов представителей различных областей социогуманитарной, юридической науки как через призму историко-экономических исследований, так и современных тенденций развития общества.

Важное место отводится анализу функционирования политической системы в целом, и ее отдельных элементов. Анализируются проблемы нормативно-правового закрепления методов государственного контроля и правовых отношений в России на современном этапе и в исторической ретроспективе.

Материалы сборника могут быть использованы научными работниками, аспирантами и студентами в научно-исследовательской, учебно-методической и практической работе.

ISBN 978-5-91940-635-8

9 785919 406358

МОСКВА, 2013

УДК 32
ББК 66.3
© Коллектив авторов, 2013
© НИЦ «Апробация», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
------------------	---

РАЗДЕЛ 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В РОССИИ

Глава 1.

Отображение русской идеи в изобразительном искусстве XIX века 7

Глава 2.

Проблемы молодёжи в научной мысли России 1990-2000-х годов..... 17

Глава 3.

Государство и церковь в эру Победоносцева: история симфонии
властей или борьбы против подчинения?..... 31

Глава 4.

Чтение как форма досуга крестьян Верхнего Поволжья в конце
XIX – начале XX века(на примере ярославской губернии) 40

Глава 5.

Проблемы безопасности в историко-культурной ретроспекции 50

РАЗДЕЛ 2

НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Глава 6.

Совершенствование концепции принципа правопреемства
в гражданском праве 72

Глава 7.

Муниципальная собственность и право муниципальной
собственности: теоретический аспект 85

Глава 8.

Морально-этические и политико-культурные аспекты
формирования и реализации политических механизмов
парирования рискованных факторов в современной
российской экологической политике 95

Предисловие

Первая глава посвящена анализу изобразительного искусства XIX века в контексте отображения русской идеи. Русская идея по мнению автора в художественной культуре нашла свое воплощение в полотнах народно-бытового, исторического жанров, и жанра сказочно-былинного эпоса.

В главе второй подробно рассматривается развитие научных исследований молодёжи как самостоятельной группы общества, имеющей характерные особенности, определённые возрастом. Значительное повышение научного интереса к молодёжной тематике после 1991 года: появление политологических, социологических, философских, юридических, а также междисциплинарных исследований как общероссийской, так и региональной молодёжной политики и проблематики. Для рассматриваемого периода характерно преобладание исследований девиантного поведения, воспитательной работы старших школьников, появление многочисленных работ по теме молодой семьи. В подавляющем большинстве работ преобладает практико-ориентированный подход – первичное научное освоение опыта работы с молодёжью, практически полностью отсутствуют системные аналитические исследования. Мозаичность, разрозненность и конъюнктурность исследований 1990-2000-х годов стала причиной отсутствия единых подходов к формированию государственной и общественной молодёжной политики, сохраняющихся до сегодняшнего дня.

В третьей главе подвергнута анализу ситуация в период после проведения церковной реформы 1860-1870-х гг. Автор обосновано считает, что эпоха Великих реформ не прошла для Церкви бесследно так как было принято немало полезных мер, создавших базу для последующих церковных реформ. Охранительная политика обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева также не способствовала преодолению сословной замкнутости духовенства и его вовлечению в жизнь общества. Нарождавшееся в России секулярное (т.н. «гражданское») общество требовало более гибких и многообразных форм пастырской деятельности.

В четвертой главе рассматриваются малоисследованные вопросы о чтении крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX века. На примере крестьянского населения Ярославской губернии исследуются пути проникновения книгопечатных изданий на село. Выявляются основные категории сельских читателей, их литературные предпочтения. Показана степень необходимости печатного слова для крестьян. Раскрывается образ типичного деревенского любителя книг, отдававшего предпочтение чтению как одной из форм досуга.

В главе пятой автор в рамках исторического подхода дает оценку обеспечения пожарной безопасности в рамках исторического подхода, базируясь на исторических данных периода Отечественной войны 1812 г.

Изучение исторических событий может осуществляться в нескольких направлениях: обучающем (для передачи знаний окружающим людям), познавательном (обнаружение в историческом описании интересных фактов), философском (анализ происходящих событий). Исторический же подход к изучению происходящего обеспечивает преемственность знаний и формирует межпредметные связи. По мнению автора, анализ различных аспектов пожарной безопасности в Отечественной войне 1812 г. немаловажен, поскольку именно эта война свои самые огромные разрушения перенесла по причине пожаров, через них определился патриотический настрой населения, определивший конечную победу русского народа.

В шестой главе отмечается, что одной из наиболее сложных проблем современного гражданского права является отсутствие общей концепции, объясняющей феномен одномоментного перехода совокупности прав и обязанностей от одного лица к другому. Как следствие, практика, постоянно сталкивающаяся с необъяснимыми трудностями, возникающими при реорганизации юридических лиц, цессии, наследовании и пр., не может получить от доктрины эффективных предложений по их решению. На основе научных изысканий и норм действующего законодательства предпринята попытка представить правопреемство в качестве институционального принципа современной цивилистики. Результатом стали конкретные предложения по совершенствованию норм гражданского законодательства.

Глава седьмая посвящена анализу понятия муниципальной собственности, права муниципальной собственности, а также полноту существующих теоретических взглядов на целесообразность выделения муниципальной формы собственности, определяется место данного института в системе права и законодательства. В отсутствие легальной дефиниции автором формулируются определения понятий указанных категорий.

В главе восьмой подробно исследованы основные тенденции, связанные с влиянием на формирование и реализацию политических механизмов парирования рискованных факторов в современной экологической политике различных политико-культурных и морально-этических аспектов. Их значение обусловлено ростом популярности в мировой политической системе различных партий и транснациональных экологических движений, которые внедряют в мировой политический дискурс морально-этическую и культурную составляющую, трансформируя тем самым поле публичной политики.

Авторский коллектив издания

Глава 1. Аминов Салават Рифгатович - к.культурологии, Сургутский государственный педагогический университет, доцент кафедры философии и социологии

Главы 2 и 4. Гусев Алексей Владимирович, заместитель министра образования Московской области, кандидат исторических наук, г. Москва

Глава 3. Кошелева Алла Игоревна - к.и.н., доцент кафедры ИОГП Пензенского государственного университета, г. Пенза

Глава 5. Авдеева Анастасия Андреевна - Научный сотрудник отдела научно-технической информации, аспирантка Смоленского государственного университета

Глава 6. Валах Виктория Владимировна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин экономико-правового факультета Одесского Национального Университета имени И.И. Мечникова (г.Одесса)

Глава 7. Чердакова Лариса Анатольевна - доцент кафедры гражданского права ВСФ ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия» г.Иркутск

Глава 8. Уварова Галина Геннадьевна - Доцент, кандидат экономических наук,

ЮРИФ РАНХиГС, Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г.Ростов-на-Дону.

Раздел 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В РОССИИ

ГЛАВА 1

Отображение русской идеи в изобразительном искусстве XIX века

Центром художественной жизни России, арбитром в различных вопросах искусства и единственным к началу XIX в. художественным высшим учебным заведением являлась Академия художеств, в которой не только проводились выставки произведений отечественных художников, но и распространялись заказы. Академическая система обучения в первой половине XIX в. благодаря своей целенаправленности обеспечивала высокий уровень профессиональных знаний и навыков. В то же время непреложное стремление следовать античным образцам, способствовало односторонности художественного восприятия, отдаляло учеников от современной жизни с ее общественными и социальными проблемами, формировала условные художественные приемы. С 30-х гг. XIX века правительство сознательно поддерживало эту систему, желая превратить Академию в глашатая реакционной идеологии. Активное вмешательство Николая I не только в административные дела Академии, но и в творческий процесс, привлечение большинства профессоров к выполнению огромных и хорошо оплачиваемых правительственных заказов, контроль над выставками – все это действительно способствовало формированию особого консервативного художественного направления, получившего названия *академизм*.

В первое десятилетие XIX века, благодаря патриотическому подъему, вызванному Отечественной войной 1812 г., большое распространение в живописи получил *классицизм*. Несмотря на то, что классицизм возник в русском изобразительном искусстве еще во второй половине XVIII в., тем не менее, именно в первое десятилетие нового столетия в художественных произведениях нашло отражение основных тенденций классицизма: утверждение идей монархической государственности, патриотизма, преданности государю, приоритета общественного долга. Многочисленные образцы высокого патриотизма художники находили в древнерусской истории. К примеру, в 1804 г. скульптор Мартос начал работать над памятником Минину и Пожарскому. Только после оконча-

ния Отечественной войны, в 1818 г. правительством было принято решение об установке памятника в Москве на Красной площади. Известие об этом вызвало живой всенародный интерес. Как пишет Леонтьева Г.К. «окрестные лавки, крыши Гостиного двора, башни Кремля были усыпаны народом, желающим насладиться сим новым и необычайным зрелищем» [1, с. 36].

В ходе войны эпизоды военных действий овладевали воображением художников и убеждали в том, что образцы воинской доблести и героического патриотизма могут быть почерпнуты не только из древности. Так, в 1813 г. появляется скульптура Демут-Малиновского «Русский Сцевола», воспевающего подвиг русского крестьянина, который, будучи пленен французами, поставившими ему клеймо на руку, отрубил ее, чтобы избавиться от позорного знака.

В первой половине XIX века особое место в живописи занял *бытовой жанр*. Предметом изображения правдивого и поэтического искусства стали прозаические мотивы повседневной русской жизни. К середине 1840-х гг. в жанровой живописи наиболее последовательно проявились реалистические и демократические веяния эпохи. Эти черты со всей полнотой и отчетливостью нашли свое отражение в работах крупнейших представителей бытового жанра – А.Г. Венецианова и П.А. Федотова.

Творчество *Алексея Гавриловича Венецианова* (1780–1847) не было связано с Петербургской академией художеств. В искусство А.Г. Венецианов пришел уже сложившимся зрелым человеком, глубоко и разносторонне знавшим русскую жизнь. Родившись в Москве, он со временем перебрался на службу в Петербург. Несмотря на то, что живопись являлась для него просто увлечением, со временем он стал упорно ею заниматься, копируя в Эрмитаже полотна знаменитых мастеров. А знакомство с В.Л. Боровиковским и с передовыми просветительскими идеями оказали на него большое влияние.

После покупки имения в Тверской области, А.Г. Венецианов полностью отдается художественному творчеству. Жизнь в имении, позволившая художнику лучше узнать труд и быт русских крестьян, высоко оценить их человеческие качества, способствовала обращению его к новой теме – изображению крестьянства, причем изображению, идущему вразрез с канонами академизма. Началом этого нового творческого пути стала пастель «Очищение свеклы». Героями своей картины художник сделал людей, какие еще никогда не появлялись в русской живописи: крестьянские женщины изображены во время работы, лица их некрасивы, руки и ноги покрыты грязью, одежда убогая и нечистая. Эта правдивость в изображении крестьян и их труда станет постоянной в произведениях А.Г. Венецианова и позднее будет отмечена современниками. Ученик художника А.Н. Мокрицкий писал: «...никто лучше него не изображал деревенских мужиков во всей их патриархальной простоте. Он передал их типически, не утрируя и не идеализируя, потому что вполне чувствовал и понимал богатство русской природы» [2, с. 247].

Следующее крупное произведение художника «Гумно» (1823): картина является поэтическим воссозданием обычного сюжета крестьянской страды – обмолота зерна. В огромном гумне, пронизанном потоками солнечного света, льющегося из раскрытых дверей и стенного проема, идет обычная крестьянская работа: мужики заводят запряженных лошадей, на переднем плане остановилась группа женщин, присел крестьянин, сметающий зерно. Заметно, что работа привычна, движения людей сноровисты, неторопливы, фигуры крестьян исполнены спокойствия, силы, внутреннего достоинства. В этой картине имеется много новаторского: художник смело противопоставил канонам классицизма новые приемы письма. В противовес академическим традициям сюжет картины

был взят не только из современной жизни (а не античной истории или мифологии), но из жизни трудовой, крестьянской. Не подвиги крестьянских героев воспевал художник, а тяжкий труд русского хлебопашца.

Кроме того, в сцене, изображенной на полотне, нет, по существу, действующего лица, которое по правилам академической школы полагалось помещать в центре картины. В центре же «Гумна» вообще никого нет, а крестьяне, размещенные по краям картины, равнозначны по степени участия в происходящем. И, наконец, совершенно новая трактовка перспективы. В произведениях художников-академистов принято было размещать изображаемую сцену на переднем плане, причем задний план играл роль декоративного фона по отношению к развивающемуся событию. В «Гумне» же действие уходит в глубокое пространство. Причем А.Г. Венецианов выступает здесь смелым новатором и в решении проблемы перспективы, используя ее как одно из средств более правдивой передачи действительности. На выставке 1824 г. художник вместе с «Гумном» экспонировал еще несколько работ на крестьянскую тему: «Крестьянка», «Крестьяне», «Крестьянка с грибами в лесу», «Крестьянка, занимающаяся чесанием шерсти в избе», «Крестьянские дети в поле», «Утро помещицы», «Вот тебе и батькин обед». Позднее были написаны тематически примыкающие к этой серии: «Спящий пастушок», «На жатве», «Лето», «На пашне. Весна» и др.

Углубляясь в «крестьянскую тему», художник все явственнее начинает ощущать сопричастность изображаемых им людей окружающей природе. Люди, работающие на земле, воспринимаются им в неразрывном единстве с этой землей, которая не только дает им хлеб, но и наделяет чувствами чистыми и добрыми. Это та нравственная основа «согласия с миром», которая так была близка самому А.Г. Венецианову и определяла внутренний настрой его картин этого периода.

Постепенно мотивы ландшафта начинают появляться на полотнах. В картине «Спящий пастушок» был впервые изображен отечественный пейзаж, созданный вне мастерской, непосредственно «на натуре». На смену фантастическим и искусственно скомпонованным пейзажам академических полотен или картинам роскошной, но чуждой итальянской природы, впервые в русской живописи появляются изображения неоглядной русской дали, небольшой речки, поросшей ольхой, неяркого неба с облачками. Родная природа, гармонично сочетаясь с образами людей, придает им поэтичность. Так, в картине «На пашне. Весна» молодая милостивая крестьянская девушка ведет на поводу двух лошадей, запряженных в борону. Праздничная, не рабочая одежда крестьянки, ясное высокое небо, мягкая поступь девушки и идущих за ней коней – все это создает впечатление гармонии человека и природы.

Далеко не сразу русское общество приняло поиски художника. Его творческий метод противоречил академической эстетике, поэтому творениям А.Г. Венецианова не придавали серьезного значения. Консервативная профессура Академии художеств решительным образом препятствовала его педагогической деятельности с использованием собственной методики. Несмотря на сложные условия, в которых приходилось работать А.Г. Венецианову, он находил в себе силы не только для создания новых живописных произведений, но и для преподавания. Из мастерской художника в Петербурге вышли десятки молодых художников.

В основу своего обучения он положил постоянное изучение природы. Его ученики особенно много работали над натюрмортами, которые составлялись из простых и знакомых предметов. Особое внимание уделялось живописи на от-

крытом воздухе. Благодаря такой системе подготовки ученики А.Г. Венецианова по своему творческому развитию во многом опережали воспитанников академии.

Большинство учеников мастера пошли по его стопам и составили венецианскую школу. Работая преимущественно в бытовом жанре, они в значительной степени расширили его сюжетные границы. Наряду с деревенскими сценами, на их полотнах присутствовали сцены из городской жизни с изображением горожан – солдат, мастеровых, своих приятелей-живописцев. Лучшими картинами мастеров венецианской школы считаются «В мастерской Венецианова» (1827) А.А. Алексеева и «Мастерская братьев Н.Г. и Г.Г. Чернецовых» (1828) А.В. Тыранова. Важная заслуга в плане обогащения жанровой живописи новыми образами принадлежит Л.К. Плахову, воплотившего в ряде своих произведений трудовые будни простых граждан. Показательны в этом отношении картины «Кучерская Академия художеств» (1834), «В кузнице» (1845), «В столярной мастерской» (1845).

Творчество А.Г. Венецианова и его приемников, подрывая каноны академизма, внесли весомый вклад в развитие и совершенствование реалистического метода в русском изобразительном искусстве. В 30-40-е годы XIX века в русском изобразительном искусстве появилось и стало интенсивно развиваться новое художественное направление – *реализм*. Демократизация общественного движения и мысли способствовала обращению художников к окружающей их жизни. Соприкосновение с действительностью ставило перед художниками ряд новых сюжетов, усиливало желание писать без прикрас, привлекать общественное внимание к ее трудностям и противоречиям.

Вторая половина XIX века в истории русского изобразительного искусства отмечена интенсивным и плодотворным развитием. Специфику этого процесса определяло, прежде всего, влияние русской действительности периода буржуазных реформ, ломки старых устоев и становление новых социальных и общественных отношений. Процесс демократизации общественной и культурной жизни способствовал появлению среди представителей искусства большого числа разночинцев, выходящих из низших слоев населения. К примеру, И.Е. Репин был сыном военного поселенца, И.Н. Крамской – мелкого чиновника, В.И. Суриков происходил из сибирской казачьей семьи и т.д. Разночинцами являлись многие художники второй половины XIX века, они хорошо знали жизнь деревни и глухих провинций, быт мелкого чиновничества, мещанства. Потому свой житейский опыт, свое демократическое мировоззрение они привносили в свое творчество, их искусство не могло развиваться изолированно от жизни. И.Е. Репин признавался: «...окружающая жизнь меня слишком волнует, не дает покоя, сама просится на холст» [3, с. 53]. Эта особая восприимчивость к социальным проблемам была присуща большинству прогрессивных художников второй половины XIX века. Отсюда проистекало стремление к познанию и анализу жизненных реалий, а, следовательно, и к познанию сущности русского человека, его социального бытия.

Далее остановимся на анализе пейзажной и исторической живописи, в которой художники смогли с максимальной реалистичностью показать повседневную жизнь русского народа, красоту природы, народный фольклор. В 60-х гг. историческая живопись в Академии стала считаться официально ведущим жанром. При этом темами исторических полотен преимущественно избирались библейские сюжеты или эпизоды из античной истории. Однако уже художники-реалисты 60-70-х гг. положили начало новому направлению в исторической

живописи. Оно отличалось усилением интереса к Отечественной истории, быту и личным переживаниям исторических деятелей.

В творчестве художников-передвижников пейзажный жанр достиг своего расцвета. Горячая любовь к родной стране выразилась в стремлении передать красоту и выразительность русской природы. И если художники-пейзажисты предшествующих лет писали, главным образом, итальянскую природу, то с начала 60-х гг. в этом жанре произошел резкий перелом, связанный с интересом живописцев к национальной теме.

Подлинным зачинателем нового эмоционально-реалистического направления в русской пейзажной живописи являлся *Алексей Константинович Саврасов* (1830–1897). Его художественная манера сложилась на основе произведений лучших мастеров прошлого, среди которых были М.И. Лебедев и А.Г. Венецианов. Характер его композиций отражало возвышенное, идеализированное видение действительности. Однако вместе с тем, художественную манеру живописца отличало стремление передать реальную красоту мира. Поэтому, А.К. Саврасов стал тем живописцем, кому удалось создать произведения, построенные на синтезе принципов реализма и романтизма.

В 1860-е гг. усилился интерес живописца к отражению национальной темы в пейзаже. В этот период он создал лирические произведения с жанровыми элементами, например «Пейзаж с избушкой» (1866), «Сельский вид» (1867). В это же время А.К. Саврасов стремился изображать внутренне глубокие, эпические образы русской природы. Особенно ярко эта тенденция обнаружила себя в картине «Лосиный остров в Сокольниках» (1869). В основу этого произведения художник положил этюд, но внес значительные изменения в художественный строй. Так, он раздвинул пространство, отодвинув лесной массив в глубь картины, который поднимается на холме, будто на постаменте, подобно строгой и торжественной стене. В результате образ природы приобрел необыкновенную широту и величественность, а национальный пейзаж идейную содержательность.

В творчестве художника большое место занимала природа Поволжья, с его широкими далями, могучей рекой, со всей ее русской красотой. Образы этих мест были запечатлены художником в таких работах как: «Радуга», «Волга», «Могилы на Волге», «Проселок». В изображении природы художник достиг глубокой содержательности. Его картины – не просто воспроизведение тех или иных пейзажей, это места жизни и деятельности русских людей. При этом полотно А.К. Саврасова исполнено жизнеутверждающего чувства – радостный солнечный свет («Проселок»), красота большой реки («Волга») рождает светлое и оптимистическое настроение. Все эти произведения ознаменовали собой новый этап в творчестве художника, который с наибольшей силой воплотился в полотне «Грачи прилетели» (1871). В этой картине с необычайной задушевностью и простотой была передана прелесть ранней весны и красота родной природы. То, что раньше считалось неинтересным, будничным и серым, теперь, согретое чувством художника, обрело проникновенную красоту. Ожидание весенней перемены в природе, солнечного света и тепла, связывалось в представлении современников с теми надеждами на прогрессивные изменения, которые питала передовая часть русского общества.

Замечательный пейзажист И.И. Левитан, ученик А.К. Саврасова, писал: «А.К. Саврасов, в отличие от своих предшественников избирал не исключительно красивые места сюжетом для своих картин, а наоборот, стараясь отыскать и в самом простом и обыкновенном те интимные, глубоко трогательные, часто печальные черты, которые так сильно чувствуются в нашем родном пейзаже

и так неотразимо действуют на душу. С А.К. Саврасова появилась лирика в живописи пейзажа и безграничная любовь к своей родной земле» [4, с. 516].

Крупнейшим пейзажистом-передвижником являлся также *Иван Иванович Шишкин* (1832–1898), который в своих полотнах стремился показать всю красоту русской природы и русского леса. «Если дороги нам картины природы нашей дорогой и милой родины Руси, – писал И.И. Шишкину В.М. Васнецов, – если мы хотим найти свои истинно народные пути к изображению и ясного, тихого и задушевного облика, то пути эти лежат и через ваши смолистые, полные поэзии леса» [5, с. 296].

Действительно, величавость природы в картинах И.И. Шишкина подобна силе русского человека, трудом своим взрастившего ниву («Рожь») или воспевшего образ могучего дуба («Дубовая роща», «Дождь в дубовом лесу»). Много полотен художника посвящено изображению могучего девственного леса («Утро в сосновом бору», «Сосновый бор», «Сосны, освещенные солнцем», «Корабельная роща»). Что бы ни писал И.И. Шишкин – сосновый лес, ржаное поле или купы деревьев на фоне широкой равнины, – природа, воспроизведенная его кистью, поражает своей красотой и монументальностью: густая рожь гнется под тяжестью колосьев, стройные сосны поднимаются до самого неба, величественные дубы стоят как исполины. Для художника русская природа прекрасна сама по себе. Он выбирал объектами своего изображения такие мотивы, в которых можно показать или выявить всю полноту сил русской природы. Одним из лучших произведений художника является «Дубовая роща» (1887). На этом полотне мощные дубы, широко и вольно раскинувшие свои ветви, в окружении солнечной поляны с яркой сочной травой как бы олицетворяли силу русской земли и ее народа. В рецензии на одну из художественных петербургских выставок Д. Успенский писал: «И.И. Шишкин – великорусский талант по преимуществу, талант уравновешенный, спокойный, сознательный. Он не только чувствует, но и изучает. Вглядитесь в любое произведение Шишкина, и вы будете поражены изумительным знанием каждого дерева, каждой травки, каждой морщины коры, изгиба ветвей, сочетания стеблей листьев в букетах трав. Но это не холодное изучение. Без искренней любви нельзя дойти до такого точного знания» [5, с. 294].

Перейдем теперь к историческому жанру живописи и остановимся на творчестве *Василия Ивановича Сурикова* (1848–1916), который в своих полотнах воссоздал монументальный, героический образ русского народа. На будущее художника огромное влияние оказала красота природы сибирского края. Позднее В.И. Суриков писал: «идеалы исторических типов воспитывала во мне Сибирь с детства. Она же дала мне дух и силу, и здоровье» [6, с. 23].

Как никто другой он смог проникнуться мятежной душой русского человека, показать ее сущность и запечатлеть ее на полотне. Пафосные картины живописца не только воспроизводят какие-либо моменты исторического прошлого России, но и отражают истинный дух русского народа, его удал, сильный характер, волю и стремление к свободе. Творчество В.И. Сурикова стало своеобразной вехой в истории развития русского живописного искусства. Знаменитый художник признан родоначальником такого жанра в исторической живописи, как народная реалистическая трагедия. Во многом ее появление было обусловлено сложившейся в России во второй половине XIX в. общественно-политической ситуацией, которая характеризовалась усилением царской власти и народного гнета. Это не могло не породить волнения и протесты в народной среде.

Изменения в жизни общества не могли не затронуть сердца мастеров различных видов искусства. Многие русские живописцы обращались к теме исторического прошлого России, ее народа. Однако у В.И. Сурикова она звучит наиболее ярко и выразительно. Его полотна изображали не только далекое прошлое русского человека, но и его настоящее: мятежный дух, стремление, во что бы то ни стало отыскать истину, удаль, свободолюбие. Картины мастера необычайно пафосные. Они отражают патриотизм автора, а также его веру в духовные силы народа. Особое впечатление на художника произвели сибирские песни и обряды. А открытые лица сибиряков, выражавшие силу, волю, смелость и непоколебимость, в дальнейшем, помогли мастеру познать русскую душу и отразить ее на полотне. Не менее яркое впечатление произвела на художника сибирская природа. Уже под руководством учителя Н.В. Гребнева, В.И. Суриков создал пейзажи, передающие лирический характер русской природы.

К известным работам художника можно отнести: «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», «Взятие снежного городка», «Степан Разин». В 1881 г. на выставке Товарищества передвижных художественных выставок В.И. Суриковым была выставлена работа «Утро стрелецкой казни». Главным героем этой живописной исторической трагедии стал народ. Уже появившись на первом показе, произведение привело зрителей в восхищение новизной замысла и художественным своеобразием. На полотне была изображена толпа людей. Ее монолитность как бы повторяют спаянные воедино части показанного чуть поодаль собора Василия Блаженного. Контраст с народной толпой составляет, возглавляемая самим Петром, группа царедворцев, позади которой виднеются виселицы, уводящие взгляд зрителя вглубь пространства. Эта группа стоит в группе обособленно, и не она является средоточием интереса художника.

Более всего автора занимало размещенный в центре композиции образ стрельца, приговоренного к смерти. Он прощается с народом, низко склонив голову. Именно фигура стрельца призвана была завершить трагическое действие, развернувшееся на полотне. «Утро стрелецкой казни» отражает один момент в русской истории. Однако нельзя говорить о том, что сюжет сводится лишь к показу исторического события. Авторская идея намного сложнее и масштабнее. Стремлением В.И. Сурикова являлось не только вынести на полотно рассказ о казни стрельцов, но и отразить народный бунтарский дух, роль народа в развитии отечественной истории и освободительной борьбе.

Другой монументальной работой В.И. Сурикова является «Боярыня Морозова» (1887). Описываемые в картине события происходили в середине XVII века, когда патриарх Никон проводил реформы Русской православной церкви. Естественно, появились и те, кто был недоволен реформами, это и привело к расколу. Вплоть до конца XVII в. движение поддерживало активную связь с народом. Тогда российское правительство начало преследовать раскольников. Пострадала от этих гонений и боярыня Морозова, принявшая незадолго до описываемых событий от раскольничьего старца монашество. Никто и ничто не могло заставить женщину изменить свое решение и принять новую церковь. Тогда власти заключили Морозову в Боровский острог, где она и скончалась в 1672 г. приняв голодную смерть.

При взгляде на полотно, зритель увидит следующее: ясным зимним утром по снежному сугробам везут в санях боярыню Морозову. Руки ее скованы тяжелыми железными цепями, но дух ее не сломлен. Женщина высоко вверх подняла правую руку и, сложив двоеперстие, как бы одновременно благословляет и призывает окруживший ее народ к борьбе. Вся ее фигура выражает решимость

и готовность идти на смерть ради идеи. Вообще в творчестве В.И. Сурикова героизм и самоотверженность придают не только мужским, но и женским образам, эти черты он считал издавна присущими русскому народу.

Несмотря на то, что образ главной героини является центральным в композиции, однако, он не заслоняет собой народ, представленный десятками лиц. Напротив, с одной стороны, он дополняет образ народа, а с другой стороны, народная толпа как бы включает его в свой круг, делая образ цельным и завершенным. Подобное построение композиции, определенное размещение отдельных деталей помогло автору решить поставленную перед ним задачу – соединить героя и народ, личность и толпу. Все образы составляют единую картину, и подчинены авторской идее – показать не просто историческое событие, силу и величие русского народа, а попытаться разгадать тайну русской души, его характер, его идею. «Боярыня Морозова» стала для художника этапной работой, ознаменовавшей период его творческого расцвета. Автор сумел найти такие приемы и способы передачи действительности, которые помогли ему решить поставленную задачу: показать единство личного и общественного, частного и общего, детализации и обобщения. Кроме того, картина повествует о русской жизни и природе русской души. Наряду с этим, живописец поднимает проблемы, касающиеся не только одной нации, но также и всего человечества. Происходит это не в открытой, а в завуалированной форме – через показ русского исторического события. Основным достижением В.И. Сурикова искусствоведами считают создание жанра реалистической трагедии в живописи. Со всей полнотой и правдивостью полотна великого мастера отражают характер и героизм русского народа, его прошлое и настоящее. Героизм образов и патетика содержания, динамизм действия и глубина характеров, реализм и поэтичность, – основные черты художественной манеры В.И. Сурикова.

Во второй половине XIX столетия появляется новая форма фольклорной, легендарной живописи, родоначальником которой стал *Виктор Михайлович Васнецов* (1848–1926). Именно он создал яркие народные образы, выразив в них поэтику русских сказок и эпоса. М.В. Нестеров его называл: «большим поэтом далекого эпоса нашей истории, нашего народа, родины нашей» [7, с. 90]. Среди его работ можно выделить не только станковые, но и монументальные произведения.

Еще во время учебы в академии В.М. Васнецов создает ряд жанровых картин, главными героями которых являются типические народные характеры, а главной темой полотен становится жизнь простого народа в ее быденном проявлении. Именно тогда появляются такие работы, как «Купеческое семейство в театре», «С квартиры на квартиру», «Книжная лавочка». В этих произведениях художник стремился показать без прикрас и идеализации обычную жизнь крестьян и простых граждан. К 1879 г. относится создание полотна «Преферанс», который завершило первый, ученический этап творчества В.М. Васнецова. Уже в этой картине видна рука мастера, умеющего тонко и верно передать поэтику действительности. С появлением «Преферанса» искусство реализма приобрело иное значение. С этого времени В.М. Васнецов постепенно отходит от повседневности и изображения реальной жизни без прикрас с ее горем, мещанскими заботами и мелкими переживаниями. В период с 1878 по 1881 гг. художник работал над заказом. Он расписывал стены одной из комнат управления Донецкой железной дороги. Именно так на свет появились росписи В.М. Васнецова: «Три царевны подземного царства» (1879), «Ковер-самолет» (1880), «Бой скифов со славянами» (1881).

Эти произведения отличались, прежде всего, от установленного традицией характера станковых работ манерой исполнения. Автор стремился создать монументальное, декоративное впечатление. Это подтверждают используемые художником светлые и яркие тона, небольшое по размеру пространство, особая пластика форм и светотеневое решение композиции. Росписи не сразу были приняты и поняты современниками художника. В то время нередки были упреки автору по поводу его стремления уйти от реальной действительности и жизни многострадального русского народа, прикрывшись фольклорными мотивами. Тем не менее, сам живописец не раз говорил о том, что подобный путь развития его творчества – явление вполне закономерное. Это не измена своим прежним взглядам и мыслям, скорее осуществление давней мечты выразить русскую душу и показать жизнь народа посредством образов и мотивов, издавна бытовавших в фольклоре и эпосе.

Интересным выступает обращение художника к произведению древнерусской литературы «Слова о полку Игореве», итогом которого становится работа «После побоища Игоря Святославовича с половцами» (1880). После этой работы В.М. Васнецова считают первым живописцем, привнесшим в изобразительное искусство традиции былинного жанра и народного героического эпоса. Картина создавалась в то время, когда живы были еще воспоминания о боях на Балканах. Русская общественность была занята обсуждением именно этого события. А потому появление этой картины было негативно встречено многими искусствоведами. К примеру, В.В. Стасов обвинял В.М. Васнецова в отступлении от основ реалистического изображения действительности.

Наряду с существованием резко отрицательных откликов о произведении, были и те, кто понял талант автора, художественный замысел композиции. По этому поводу И.Е. Репин писал: «Это необыкновенно замечательная, новая и глубоко поэтичная вещь. Таких еще не было в русской школе» [8, с. 371]. Действительно, композиция полна скорбного и торжественного величия воинской доблести. Сюжет полотна подобен неторопливому былинному рассказу, который воспевает храбрость русских воинов, их беззаветную преданность своей родине. В 1882 г. живописец обратился к сказочным и былинным образам богатырей – вечных символов народного духа, силы и ума. Так появилась картина «Витязь на распутье», в которой главный герой поставлен перед выбором того пути, который нужно будет пройти от начала и до конца. Выбор богатырем дороги, представленный в сюжете композиции – это выбор человеком своего жизненного пути. Следует отметить такое монументальное полотно как «Богатыри» (1898). На картине изображено три богатыря на своих конях. Каждый из них олицетворяет собой определенный склад человеческой души, тип русского характера. Все вместе они являются воплощением размышлений автора о сильном духом, непобедимом русском воинстве. «Богатыри» стали одним из самых замечательных произведений, выразивших патриотизм, человеколюбие и героические чувства художника. Стасов В.В. так отзывался о картине: «...в истории русской живописи «Богатыри» Васнецова занимают одно из самых первейших мест. В них показана сила торжествующая, спокойная и важная, никого не боящаяся и выполняющая сама, по собственной воле то, что ей нравится, что ей представляется потребным для всех, для народа» [8, с. 375]. К сожалению, после завершения этой картины, В.М. Васнецов практически больше не обращался к былинным и сказочным темам, а писал иллюстрации и декорации к различным театральным постановкам.

Таким образом, русская идея нашла свое воплощение в полотнах художников народно-бытового, исторического жанров и жанра сказочно-былинного

эпоса. На протяжении XIX столетия тема народа, его бытия, исторических судеб и предназначения являлась для художников актуальной, и была обусловлена социально-экономическими и политическими причинами в российском обществе. Художники в своих произведениях изображали бедственное положение народа, его духовную угнетенность, и, в то же время, присущие ему великие созидательные силы. Художники хотели понять душу русского человека, показать притягательность и красоту народных обычаев, нравов и поэзии. Живописцы верили в народ, его национальную самобытность, невероятный запас нравственных сил, благородный и глубокий ум. И потому обращались к прошлому русского народа и к его фольклору, поскольку лишь через реальное историческое событие прошлого, воспроизведенного на полотне, художники могли передать основные черты характера русского человека, его национальное своеобразие, национальную гордость, патриотизм, одним словом, свое понимание русской идеи.

Список литературы:

1. Леонтьева Г.К. *Питомцы муз. Книга о русских зодчих, ваятелей и живописцев первой половины XIX века.* Л., 1968. С.158.
2. Мокрицкий А.Н. *Воспоминания А.Г. Венецианова и его учеников. //А.Г. Венецианов. Статьи. Письма. Современники о художнике. Сост., вступ. статья А.В. Корниковой.* Л., 1980. С.391.
3. Репин И.Е. *Письма к художникам и художественным деятелям.* М., 1952. С.408.
4. Яковкина Н.И. *История русской культуры XIX века.* Спб., 2002. С.576.
5. Шишкин И.И. *Переписка. Дневник. Современники о художнике. /Сост, вступ. статья, примеч. Н.Н. Шуваловой.* Л., 1984. С.478.
6. Машковцев Н.Г. В.И. Суриков. М., Л., 1960. С.135.
7. Нестеров М.В. *Давние дни. Встречи и воспоминания.* М., 1959. С.399.
8. *История русской живописи. /Автор, сост. Е.А. Конькова. – М., 2002. С.512.*

ГЛАВА 2

Проблемы молодежи в научной мысли России 1990-2000-х годов.

Исследования молодежной проблематики является одним из приоритетов как узконаучных, так и междисциплинарных гуманитарных исследований. Несмотря на сложившийся стереотип, что 1990-2000-е годы являются своеобразным «безвременьем», губительно отразившемся, в частности на науке, исследования молодежи наоборот приобретают необыкновенный импульс в этот период. Принятие Закона СССР о молодежи, парад суверенитетов, надежды на особую роль молодого поколения в реализации общественно-государственных реформ – всё это послужило стимулом к резкому росту количества исследований в различных сферах науки. При этом, констатируя колоссальное внимание, проявлявшееся исследователями ведущих научных коллективов страны, широкой научной общественности к молодежной проблематике, исторический анализ в работах общего плана, как правило, отсутствует. В основном речь в них идет лишь о текущих проблемах социального плана, их восприятию в обществе и возможных путях решения [6;7;8;19;50]. Преобладающим мотивом большинства исследований выступают прикладные моменты. Обращает на себя внимание и тот факт, что в гораздо большей степени исследователи тяготеют к изучению проблем развития молодых людей более ранних возрастов, проблем «детства» [57;87;92].

Лишь отдельные авторы вслед за политологами и социологами [10;124] берут на себя смелость рассмотрения общей картины изменений, происходивших в государственной молодежной политике на протяжении всего постсоветского периода. Среди этих трудов особое значение имеют фундаментальные работы признанного классика исследования проблем государственной молодежной политики - И.М. Ильинского [42;43].

Прежде всего, это монография «Молодежь и молодежная политика», в которой автор акцентирует внимание именно на «истории молодежной политики,

пока еще небольшой, но по-своему трудной и интересной, знать которую совсем нелишне специалистам, молодежным работникам, исследователям и преподавателям, занятым в данной сфере». Характеризуя исследование, отметим, что очевидным его достоинством является подход автора к трактовке хронологических рамок процесса зарождения государственной молодежной политики. Как отмечал И.М. Ильинский: «История эта имеет два этапа и две ипостаси: история реальной молодежной политики в России, точкой отсчета которой можно считать 1991 год, когда распоряжением Президента РФ была введена должность Полномочного представителя Правительства РФ по делам молодежи; история идеи и создания основ теории молодежной политики, насыщения этой теории научным смыслом, а также их внедрения в общественное сознание. Идею разработки новой, сильной государственной молодежной политики в СССР не понимал и не принимал никто: ни партийные, комсомольские и государственные чиновники, ни ученые, в том числе «молодежники». День за днем, месяц за месяцем, год за годом мы бились в стены невежества, предрассудков и мифов по поводу молодежи, которыми было пронизано советское общество, прежде чем в массовое общественное сознание стало приходить прозрение и просвещение, прежде чем миллионы людей стали поддаваться нашему напору, нашим взглядам и убеждениям, начали говорить на том языке, которому мы его обучали: «молодежная политика», «комитет по делам молодежи», «социальная служба молодежи», «ювенальная юстиция», «социальный работник». Этих и множества тому подобных слов и выражений тогда просто не существовало ни в научном, ни в быденном словаре».

И.М. Ильинский обобщает итоги своих многолетних исследований по проблемам молодежи и молодежной политики, повествует о тех событиях, свидетелем, участником и, а также, в немалой степени, вдохновителем и организатором которых он являлся непосредственно. Процессы разработки и реализации государственной молодежной политики им рассматриваются на широком социально-историческом фоне, в контексте ведущих экономических, социальных, политических и духовных процессов. В основе анализа лежит междисциплинарный, комплексный подход: жизнедеятельность молодежи и общества рассматриваются с точки зрения многих наук - философии, истории, социологии, психологии, педагогики и других. Исследование содержит ряд новых данных, не публиковавшихся ранее в печати и неизвестных общественности. В связи с этим совершенно по-новому видится процесс становления государственной молодежной политики в целом.

В числе исторических исследований следует особо отметить монографию М.А. Таранцова «Молодежная политика России: исторический опыт реализации молодежной политики государства и общества в условиях смены общественно-политической системы и социально-экономических реформ (конец 1980-х - 1990-е годы)» [116]. Автор подробно исследует такие проблемы, как деятельность государства по созданию условий для развития молодого поколения в конце 1980-х - 1990-е годы; сотрудничество государства и общественных организаций в реализации молодежной политики; участие общественности в формировании и реализации молодежной политики. «Становление и развитие молодежной политики в конце 1980-х - 1990-х годах проходило во многом противоречиво. С одной стороны, в Российской Федерации на всех уровнях получила признание государственная молодежная политика как основа, ядро молодежной политики общества, как стратегическая линия государства в отношении к молодому поколению. С другой - меры в области молодежной политики государства нередко оставались мозаичными, а ресурсы недостаточными для реше-

ния крупных задач. В ряде территорий создалась неблагоприятная ситуация для реализации важнейших направлений государственной молодежной политики. Неустойчивость, нестабильность российского общества, потеря части достигнутых социальных рубежей, в первую очередь, для молодых людей, вновь поставили вопрос о значимости государственной молодежной политики и о ее необходимости.

В этой связи необходимо совершенствование всей системы государственной молодежной политики с переносом центра тяжести в организации этой работы на взаимодействие, координацию усилий и объединение всех возможностей субъектов государственной молодежной политики» [116,3].

Достоинством работы является вовлечение в научный оборот значительного количества документов, отражающих работу Комитета по делам женщин, семьи и молодежи Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

В целом, очевидно, что изучение проблем разработки и реализации государственной молодежной политики на широком историческом материале позволило отмеченным авторам воссоздать общую картину ее эволюции, обосновать ценные суждения и выводы. Подходы и оценки, отличающие данные работы, являются резко критическими. В частности, особенно критично высказался И.М. Ильинский, последовательно выступающий за проведение в России целостной и сильной государственной молодежной политики. Он отстаивает мнение о том, что в принципе на сегодняшний день невозможно однозначно ответить на вопрос есть ли в России вообще государственная молодежная политика или нет [72]. Полагая, что, учитывая постоянные преобразования в системе государственных органов по делам молодежи, а также ключевую проблему финансирования данного направления государственной политики, в принципе, в своей оценке он достаточно объективен.

Отдавая должное исследованиям, осуществленным на федеральном уровне, отметим, что весьма представительный блок литературы, посвященный изучению молодежных проблем и обобщающей большой массив ценного фактического материала, был подготовлен авторами, исследовавшими эти проблемы в рамках отдельных российских регионов [9;15;25;26;41;48;52;56;65;71;74;75;103].

Как правило, они отличаются скрупулезным анализом основных направлений государственной молодежной политики, детально, хотя нередко и несколько сухо, статистически воссоздают картину местной жизни молодежи, ее основные проблемы. К примеру, деятельности региональных органов по делам молодежи Нижнего Поволжья посвящена книга М. А. Таранцова «Региональная государственная молодежная политика» [117]. Отдельная глава монографии раскрывает вопросы политико-правового и организационного обеспечения региональной молодежной политики во второй половине 1980-х - начале 1990-х годов.

В целом, изучение публикаций, выполненных на региональном материале, показывает, что в большинстве регионов меры по реализации молодежной политики предусматривали активную поддержку молодежи, нуждающейся в помощи. Повсеместно ставились задачи создания фондов социальной защиты, квотирования рабочих мест, создания служб социальной поддержки. Вместе с тем, повсеместно мы видим крайнюю ограниченность финансирования молодежных программ, фактическую подмену масштабной, комплексной работы с молодежью проведением различного рода торжеств и массовых мероприятий - фестивалей, интеллектуальных и развлекательных игр (КВН и пр.), конкурсов,

а также фактическую самодостаточность структур, ведущих работу с молодежью преимущественно в отчетах по инстанции, пиаровских по своей сути акциях, и в Интернете.

В рамках массива работ, рассматривающих общеполитические аспекты государственной молодежной политики, следует также указать на их растущее многообразие, наметившиеся в последнее время новые темы. В данной связи, к примеру, отметим исследование ученых МГУ об участии молодежи в социальных программах сотрудничества России и Республики Беларусь [67]. Нельзя не заметить также и появления в рамках рассматриваемого периода новых категорий исследователей. В частности, некоторое значение в литературе о молодежи в это время получили публикации различного рода неправительственных организаций, в том числе и молодежных [93].

Переходя к анализу работ, посвященных отдельным частным аспектам государственной молодежной политики Российской Федерации, следует указать на направление исследований, связанное с анализом вопросов организационного и финансового обеспечения. Особенно важным представляется при этом осуществленный в них анализ процесса становления и последующей эволюции организационных структур, непосредственно занимающихся ее реализацией. Укажем также на растущее значение разработки проблем становления и развития законодательной базы, правового положения и нормативно-правового обеспечения молодежной политики [40;78].

Интерес исследователей указанной проблематики привлекали в основном проблемы текущей государственной политики. В данных публикациях рассматривается структура органов государственной власти и управления, связанных с разработкой и реализацией молодежной политики, показаны трудности, нерешенные проблемы в данной сфере. В целом, акцентируя внимание на успехах, авторы такого рода работ все же склонны считать существующую организационную структуру в центре и, особенно, на местах явно недостаточно эффективной, ограниченной в своих возможностях несовершенством законодательной базы и скудным финансированием.

Среди трудов данного плана необходимо выделить коллективную монографию Г.В. Куприяновой и В.В. Нехаева «Государственная служба по делам молодежи; возникновение, структура, направления деятельности (историко-правовой аспект)» [58], посвященную изучению особенностей становления и развития российского института государственной службы по делам молодежи. Основной акцент - анализ нормативно-правовых актов по вопросам государственной молодежной политики конца 1980-х - начала 1990-х гг., а также на их востребованности и применимости в процессе функционирования органов по делам молодежи. Данный критерий был положен и в основу предложенной периодизации становления государственной молодежной политики России, которая «во многом идентична периодизации истории нашей Родины: вторая половина 1980-х -1991 год - перестройка и разрушение Союза ССР; 1991-1993 гг. - оформление самостоятельной государственности России, ликвидация советской системы; после принятия в декабре 1993 года новой Конституции РФ - формирование правового демократического социального государства».

Отличительными особенностями отмеченных периодов являлись следующие: «На первом этапе осуществления этого процесса, в 1989-1991 годы, произошло законодательное закрепление ряда понятий молодежной политики, таких как «государственная служба по делам молодежи», «социальная служба для молодежи». Дальнейшие события, связанные с развалом СССР, радикальным образом затормозили процесс становления государственной службы по делам

молодежи, в связи с чем в последующем вышеназванные понятия не получили своего развития в нормативных документах. Без их четкого законодательного закрепления невозможно обеспечить реализацию молодежных программ в стране.

На втором этапе, в 1991-1993 годы, становление государственной службы по делам молодежи и социальной службы по делам молодежи состоялось. Учреждения и предприятия социальной службы для молодежи были созданы в большинстве регионов страны, узаконены в соответствующих нормативных правовых актах. Повсеместно образовались органы по делам молодежи в структуре исполнительной власти всех уровней. Были введены новые должности работников социальных служб для молодежи и утверждена номенклатура учреждений органов по делам молодежи. Молодежная политика оформилась де-факто в России в самостоятельную подотрасль социальной сферы, став ее неотъемлемым элементом.

Третий этап, с 1994 года, характеризуется принятием ряда федеральных нормативных правовых актов, закрепивших статус и значение молодежной политики в структуре социальной сферы и общегосударственной политики России и намечивших основные направления ее реализации. Более четко в связи с принятием новой Конституции страны определились предназначение государственной молодежной политики, ориентиры и цели социальных программ вообще, компетенция в зависимости от уровня власти. Началась планомерная реализация программ по поддержке молодежи, оформляемая соответствующими нормативными правовыми документами. Решается вопрос о принятии федерального закона, посвященного общим началам реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации. Несмотря на продолжающиеся реорганизационные мероприятия федерального органа по делам молодежи, тем не менее, в том или ином виде он сохраняется, органы по делам молодежи субъектов Российской Федерации и местного самоуправления функционируют. Принимаются законы о молодежи в субъектах Российской Федерации. К июлю 2000 года подобные законы были приняты 60 субъектами Федерации».

Оценивая отмеченные выше исследования практической законотворческой и организационной деятельности государства в сфере молодежной политики, необходимо отметить, что данное направление на сегодняшний день все еще недостаточно представлено комплексными работами, систематизирующими и обобщающими материал данного рода.

В научном поле присутствуют отдельные направления, посвященные анализу практики самореализации молодежи в различных сферах жизни. Особый интерес представляют работы по вопросам образования и воспитания, а также трудовой и профессиональной самореализации. В первую очередь образование рассматривается исследователями как составная часть социальной сферы, важнейшее условие полноценной социализации. При этом вопросы образования и воспитания справедливо рассматриваются в литературе в единстве и во взаимосвязи.

Анализ приоритетных направлений образовательной политики российского государства, причем как в рамках страны в целом, так и в рамках отдельных сегментов российского образовательного пространства, важен, поскольку результаты такого анализа в условиях динамично развивающихся реформ уже сегодня могут быть востребованы как органами образования, так и работодателями. Не случайно, на протяжении рассматриваемого периода в науке утверждался плюрализм концептуальных положений, оценок фактов, событий, происхо-

дила кристаллизация направлений и школ, формируются различные методологические подходы к исследованию проблем образовательной политики.

Выделим крупные аналитические работы, подготовленные ведущими научными учреждениями [34;37;39;44;79;80;123]. Признанными авторитетами в этой отрасли исторических знаний являются Гершунский Б.С., Жуков В.И., Тихомиров В.П., Усков В.Л., Филиппов В.М., Турченко В.Н., Квеско Р.Б., Валицкая А.П., Днепров Э.Д., Зиятдинова Ф.Г., Колин К.К., Новиков А.М., Маврина И.А. и другие ученые [2;16;20;21;22;32;35;36;39;51;54;61;81;82;91; 118;119].

Среди основных причин очевидных трудностей, переживаемых системой образования, авторы выделяют, как правило, отсутствие долгосрочной программы развития образования, остаточный принцип финансирования, девальвацию статуса специалистов, их низкую социальную защищенность, пропаганду и внедрение западных моделей без учета социально-экономических условий, национальных традиций, исторического опыта, отсутствие координации политики государства в сфере образования и в сфере социально-экономической деятельности. На данной основе идет осмысление развития системы высшего образования в России в исторической ретроспективе, а также исследуются перспективные направления образовательных инноваций [45;46;114]. Вместе с тем, исследователями еще недостаточно тесно увязываются проблемы образования и государственной молодежной политики. В данном случае авторы фактически остаются на базе декларативных положений о значении образования молодежи для успешного развития страны. Назрела необходимость в выяснении конкретного исторического опыта создания новой системы образования, причем как позитивного, так и негативного. В научных исследованиях рубежа веков преобладают исследования, посвященные рассмотрению интересующей нас проблематики исключительно в контексте общих проблем развития образования на российском и региональном уровне. Необходимо специально выделить ряд таких работ, раскрывающих роль государственных и политических институтов по перестройке и реформированию профессиональной школы [120;125].

На фоне представленного массива работ, посвященных проблемам образования молодежи, менее активно разрабатывалась тема труда, самореализации молодежи в данной сфере, а также проблемы работающей молодежи. Фиксируя тенденцию ослабления позиций молодежи на российском рынке труда, анализируя причины ее низкой конкурентоспособности, рассматривая особенности молодежной безработицы, авторы подробно останавливаются на позиции работодателей, их предпочтениях при найме и увольнении работников и делают вывод о существовании элементов дискриминации молодежи при найме и увольнении, в оплате труда, при направлении на переподготовку, продвижении по службе и т.д. Следует особенно выделить указания на принципиальную социальную незащищенность активного трудоспособного населения страны. В частности, как отмечает В.Г. Зимин, с учетом существенного падения уровня жизни большей части населения, особенно молодежи, и возрастания масштабов бедности речь идет уже не о традиционно социально уязвимых категориях населения, но и о значительной части экономически активного населения [38].

Большинство авторов склонны к выводам, схожим со следующим: «К сожалению, государственные институты, занимающиеся выработкой молодежной политики, не озабочены влиянием молодежного иждивенчества, передвижкой во все более старшие возрастные группы наступления возможности и способности молодых людей жить без посторонней помощи, выступать в качестве самостоятельных социальных субъектов. Если дело так пойдет и дальше, не ис-

ключено, что наступление экономической самостоятельности молодых людей будет преимущественно достигаться в 30-35 лет» [49,66].

Вместе с тем, в данном случае вряд ли можно ограничиваться констатацией действительного положения дел. Требуется углубленный комплексный анализ ситуации в сфере труда, выработка как теоретически нового понимания проблемы, так и рекомендаций, связанных с анализом исторического опыта трудоустройства населения в годы реформ.

На фоне растущего интереса к вопросам трудоустройства молодежи и, особенно, к вопросам образования, следует констатировать известный спад интереса к вопросам политической активности молодежи в сфере политики [11;49;53;55;105;121]. С одной стороны, это следует считать следствием известной «усталости» от данной проблематики после исследовательского «взрыва» рубежа 80-90-х годов. С другой - следствием объективного снижения политической активности молодежи в рассматриваемый период, а также усилий государства в данной сфере работы с молодежью. Между тем, в приобщении молодежи к прогрессивным преобразованиям, в общем процессе социализации политике принадлежит огромная роль. Только целенаправленные политические усилия, направленные на гражданское становление молодежи. И государство, и ученые в известной степени ослабили внимание к данной проблематике, что ощутило содействовало растущей гражданской пассивности молодежи, ее политического и гражданского пессимизма и апатии.

Социальная политика в отношении семьи – ещё одно важное направление исследований 1990-2000-х гг. Особое значение имеет обширный блок публикаций, посвященных проблемам современной российской семьи и государственной семейной политики. При исследовании государственной молодежной политики следует учитывать уровень социальной защиты жизни и деятельности как несовершеннолетних детей, живущих в родительских семьях, так и молодежи, создающей свои собственные семьи. По данному вопросу создана обширная литература, в которой имеет место как разработка проблемы в стратегическом плане, так и решение конкретных вопросов социальной защиты и помощи. Исследуя совокупность проблем социального развития, ученые все острее ставят вопрос о глобальном значении семейной политики. Подчеркивается важнейшая роль семьи, ее значение в сохранении генофонда нации, устойчивого развития России. Исследователи отмечают зависимость института семьи от общего состояния культуры, материального уровня общества, достижений в области техники, науки, общечеловеческого прогресса. В данной связи, значительное место в исследованиях занимают вопросы демографии, состояния рождаемости, существующие проблемы жизнеобеспечения.

При этом для ученых и политиков ясна ситуация обвального падения жизненного уровня большинства российских семей. В литературе также отмечается, что на государственном уровне не решен вопрос об адресности социальной поддержки наиболее нуждающихся семей, прежде всего, молодых [13;23;27;28;63;73;84;89;98;102;106;110].

Характерной чертой исследований молодежной семейной политики постсоветского периода стало стремительное смещение внимание с вопросов упрочения государственных гарантий на проблему адресной поддержки семьи. В литературе все чаще аксиоматично отмечается, что институционализация семейной политики позволяет ее конкретизировать, делать более действенной, адресной. В семейной политике выделяются системы: социального обеспечения, гарантом которой является государство и содержание которой предполагает бесплатность социального обслуживания; социального страхования на принципе соци-

альной солидарности и социальной ответственности; социальной защиты, социального обслуживания, направленных на малообеспеченную часть населения. В историографии сложился блок публикаций, рассматривающих каждую из указанных систем.

Получила разработку практическая деятельность государства по созданию системы социальных служб. Поскольку состояние общества, обострившиеся социальные проблемы потребовали объемно и качественно по-новому оформить эту сторону государственной деятельности, исследуется сложившаяся структура системы социальных служб, направления и характер оказываемой социальной помощи и поддержки семьи. Делается анализ законодательной и нормативной базы социальных служб, которая складывалась в рассматриваемый период практически заново.

Выделим также блок публикаций, посвященных проблеме здоровья молодого поколения, которые показывают прямую зависимость здоровья молодых людей от материального положения (прежде всего, их семей), их обеспеченности питанием, медицинским обслуживанием и пр. Все более в научных трудах высказываются опасения о состоянии здоровья молодежи, а, следовательно, здоровья, генофонда нации. Исследователями было убедительно доказано, что со стороны государства на первоначальном этапе перехода на рыночные отношения предпринимались шаги по поддержанию минимального прожиточного уровня, но эти меры не были эффективными в силу постоянной инфляции, обвального роста цен, прежде всего, на питание и медикаменты [18;111]. В итоге, ситуация с состоянием физического здоровья молодежи достигла в рассматриваемый период критической черты.

В рамках исследований молодежной проблематики явно недостаточно осуществлялось изучение проблемных моментов духовного развития современной молодежи, ее морали, нравственности [1;24;115;122]. Оно изначально было довольно ограничено в тематическом плане. Укажем также на то обстоятельство, что, в принципе, общее положение в данной сфере не изменило и включение в данную работу церкви, священнослужителей, активно пишущих о смысле жизни, спасении, духовности, современном мире и пр.

После того, как фактически угасло изучение широко обсуждавшихся в начале 1990-х годов проблем состояния и формирования исторического сознания молодого поколения, разработка отмеченного направления в основном оказалась связанной с изучением проблем отклоняющегося поведения молодежи.

Особый интерес исследователи проявляли к молодежным субкультурам (панкам, рокерам, металлистам, мажорам, хиппи, байкерам и пр.). В принципе он сохранился и в последующие годы [64;86]. Вместе с тем, со временем все большее значение стало приобретать изучение экстремальных проявлений в молодежной среде - движений националистического и неонацистского толка [66].

Учитывая процессы акселерации, связанные с ними, а также с ухудшающимися качественными характеристиками жизни, проблемы роста социального неблагополучия все более значительных слоев самых юных представителей молодежного поколения. Нужно отметить, что изучение данной проблематики в нашей стране имеет давнюю традицию, в связи с чем, накоплено немало ценных исследований, сохраняющих свое значение и поныне [70].

Изучение проблем отклоняющегося, девиантного поведения молодых людей заняло едва ли не ведущее место среди публикаций, посвященных молодежной проблематике [90;104]. Авторы исследуют само понятие «девиантное поведение», выявляют различные подходы к его восприятию. Это имеет прин-

ципальное значение в силу того, что характеристика девиантности населения, его отдельных групп, особенно молодежи, подростков, не может быть оценена количественными и качественными показателями без устоявшихся и принятых в обществе критериев. Справедливо отмечается, что в российском обществе, науке и практике нет единых подходов к категориальному аппарату, в результате чего допускается существенное разночтение в публикуемых данных по степени и характеру девиантности поведения. Наиболее широко по данному вопросу представлена литература философского, социологического, юридического направлений. Теоретико-методологические вопросы девиантного поведения активно выносятся учеными на научные конференции [3;5;94;95;96;112;113].

Учеными рубежа веков всесторонне рассматривалась динамика правонарушений молодежи, которая позволяет сделать вывод о серьезности ситуации, связанной с национальной безопасностью. При этом авторы рассматривают самый широкий круг вопросов, характеризующих трудности социализации детей и подростков в современных условиях.

На более серьезном, научном уровне проблемы девиантного поведения исследуются специалистами - работниками правоохранительных органов, уделяющих особое внимание проблемам профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних [29;33;88;107;108;109].

В период рубежа веков помимо монографической литературы подготовлено и защищено значительное число кандидатских и докторских диссертационных исследований, посвященных проблемам девиантного и преступного поведения молодежи. При этом особенно активно подготовка исследований осуществлялась по уголовно-правовой тематике [59;62].

В рамках разработки проблем профилактики молодежных девиаций интерес представляет, в частности, такое направление исследований, как трудоустройство и организации труда как важного средства профилактики молодежных девиаций и преступности. Как правило, авторы данных работ стремятся показать позитивные моменты, достигаемые в ходе трудовой социализации. Вместе с тем, они весьма критично воспринимают ситуацию, сложившуюся в данной сфере, указывают на растущую незанятость молодежи в сфере производительного труда, на хроническое невыполнение законодательства, требующего обеспечения квотирования рабочих мест для несовершеннолетних. Вместе с тем, они остро критикуют и сам процесс нормативно-правового обеспечения данной сферы. Обращаясь к исследованиям, посвященным проблеме отклоняющегося поведения молодежи, авторы достаточно активно изучают отдельные девиантные проявления – проституцию [69], наркоманию [33;77;99] и т.д.

Отличительной чертой литературы периода 1990-2000-х гг. стал рост внимания к междисциплинарным исследованиям. При этом поднимался и рассматривался широкий спектр проблем на стыке юриспруденции, психологии, медицины, социологии, истории.

Изучение насущных практических проблем противодействия развитию негативных явлений в молодежной среде оказалось плодотворным в контексте общих проблем социальной работы, решаемых государственными социальными органами. Молодежная проблематика присутствует также и в общих работах по социальным девиациям.

Поскольку отличительной чертой исследуемого периода являлся устойчивый рост молодежной преступности, внимание достаточно широкого круга авторов привлекали вопросы, связанные с изучением различных сторон данного социального явления.

В данной связи укажем на то обстоятельство, что практически весь блок работ, как сугубо научных [47;60], так и научно-популярных [31;83], посвященных проблемам российской преступности, представляет несомненный интерес. Это объясняется тем, что подростковая и молодежная преступность в рамках рассматриваемого периода стала преобладать, составляя более половины зарегистрированных и выявленных преступлений.

Авторы данных работ определяют молодежную преступность как наиболее социально опасную, отличающуюся групповым характером, особой тяжестью, а также дерзостью и жестокостью преступлений. Исследователи обращают внимание на то, что молодежные преступления, особенно преступления подростков, отличает крайняя жестокость, холодность рассудка, потеря элементарной нравственности.

Достаточно большое количество исследований посвящено также изучению проблем непосредственно молодежной преступности, ее профилактике. Исследователи активно рассматривают социальные и педагогические проблемы преступного поведения молодежи и несовершеннолетних, анализируют основные факторы, продуцирующие преступность молодежи и несовершеннолетних в современной России [100], влияние конкретной ситуации на поведение индивида [14].

При этом они в своем большинстве показывают, что официальные данные о снижении темпов роста преступности к концу рассматриваемого периода не отражают реального положения дел.

Ученые исследуют причины расширившейся преступности. При этом их позиции зачастую противоречивы, неоднозначны. Большинство видят их в сложившемся социальном расслоении, материальном положении россиян. В то же время исследования показывают, что весьма часто преступления совершают дети обеспеченных родителей. Поэтому исследователи все чаще обращают внимание на то, что причины детской преступности следует рассматривать на общем фоне криминальной ситуации в стране, обстановки вседозволенности [4;12;17;30;76;85;101].

Применительно к анализу проблем преступности несовершеннолетних большое внимание исследователями уделяется изучению роли отдельных социальных институтов, прежде всего, школы.

Ввиду общественной значимости проблем роста преступности молодых людей к ним оказалось прикованным внимание широкой общественности. Результатом этого, в итоге, стал значительный рост научно-популярной литературы, в том числе, подготовленной на основе обзоров прессы и пр. Такие публикации, содержащие богатый фактический материал, оказались весьма полезными для предпринятого исследования.

Подводя итоги обзора научной литературы по молодежной проблематике, созданной и опубликованной в конце XX – начале XXI вв., отметим, что вопросы молодежной политики, конкретного содержания ее эволюции, а также социализации молодежи в различных сферах социальной действительности довольно активно исследовались в отечественной литературе. Однако, хотя эти вопросы и рассматривались исследователями, тем не менее, системных работ по истории государственной молодежной политики в постсоветский период насчитываются единицы. Деятельность государства по разработке и реализации информационной молодежной политики в условиях перехода страны к рыночным отношениям исследована явно недостаточно. В науке преобладает первичный анализ повседневной деятельности, разрозненность и «мозаичность», много ра-

бот имеют временный, конъюнктурный характер. Эта тенденция, сложившаяся на рубеже столетий, сохраняется до сих пор.

Актуальными остаются вопросы комплексного научного анализа эволюции не только государственной, но общественной молодёжной политики, концептуальных подходов, идеологического содержания взаимодействия её субъектов. Заложённая на рубеже веков тенденция «мозаичности» исследований молодёжи с позиций разных научных школ и направлений, сохраняется и сегодня, что не позволяет не только системно разобраться в ключевых проблемах, но и выстроить единую концептуальную основу для законодательства и практики государственной молодёжной политики. В связи с этим огромной проблемой является отсутствие убедительных аргументов стратегического характера, мешающее теоретическому, нормативному, организационному и финансовому обеспечению стабильной молодёжной политики и её дальнейшего развития в современной России.

Список литературы:

1. Адеева И.В. Ценностные ориентации молодежи и характер их изменений в современном российском обществе (теоретико-методологический аспект социологического анализа).- М., 1995.
2. Актуальные проблемы совершенствования высшей школы.-СПб., 1992.
3. Актуальные проблемы девиантного поведения.- М., 1995.
4. Александров Ю., Олешкевич В. Подростковая психология и мотивы девиантного поведения // Правозащитник. 1997. № 1.
5. Антонян В.М. Бородин С.В. Преступность и психические аномалии.- М.: Наука, 1991.
6. Апарина А.В. О социальной защите и поддержке семьи, детей и молодежи.- М., 1996.
7. Апарина А.В. Социально-правовая защита прав и интересов молодежи // Аналитический вестник ГД ФС РФ. 1996. №14.
8. Апарина А. Проблемы социально-правовой защиты детей и молодежи в современных условиях// Диалог. 1999. № 1.
9. Арямов А.В. Молодежь Дона 2001.- Ростов-на-Дону, 2001.
10. Баранова Т.М. Особенности формирования государственной молодежной политики России в условиях реформирования общества. Дисс...канд. полит. наук.- М., 1993.
11. Бегинин В.И. Викулов А.М. Политическая культура молодежи. Опыт социологического исследования.- Саратов.- М., 1999.
12. Беляева Л. И. Отклоняющееся поведение как социальное явление.- М., 1996.
13. Бойко В.В., Оганян К.М., Копытенкова О.И. Социально защищенные и незащищенные семьи в изменяющейся России.- СПб., 1999.
14. Булатов Р.М., Исаев Г.А. Криминальная социализация казанских подростков и преступность. // Государство и право. 1992. №4. С67-72.
15. Буняшина Е.И., Кувшинкова А.Д., Маскин В.В. Опыт реализации государственной молодежной политики в Рязанской области.- Рязань, 2003.
16. Валицкая А.П. Образование в России: стратегия выбора.- СПб., 1998.
17. Васильева В.А., Васильев Ю.А. Семья и девиантное поведение подростков. М., 1993.
18. Вишневецкая Е. Здоровье детей сегодня - это здоровье нации завтра // Военные знания. 1995. № 1.
19. Володина Е.П., Щеглова С.Н. Права детей, подростков и молодежи на активное участие в жизни общества и их реализация // Молодежная политика. 1997. №146-147.
20. Высшая школа в условиях социокультурных изменений.- Казань, 1999.
21. Газман О.С. и др. Новые ценности образования: содержание гуманистического образования.- М., 1998.
22. Гершунский Б.С. Россия: Образование и будущее (Кризис образования в России на пороге XXI века).- Челябинск, 1993.
23. Головлева И.В. Молодая семья в политике Российского государства (1991-2004 годы). Дисс...канд. ист. наук.- М., 2005.
24. Горшков М.К., Тихонова Н.Е., Шерегин Ф.Э. Жизненные планы, ценностные ориентации и моральный облик российской молодежи // Вестник РАН. 1998. Т. 68, № 6.

25. Государственная молодежная политика в действии: на материалах районов, городов, областей России.- М., 1994.
26. Государственная молодежная политика в Республике Мордовия.- Саранск, 2002.
27. Гусарова Г. Самарская модель - прообраз российской семейной политики. // Человек и труд. 1999. № 1.
28. Дармодехин С.В. Семейная политика Российской Федерации: от оценки состояния к формированию стратегии // Семья в России. 1996. №2.
29. Девиантное поведение детей и подростков: проблемы и пути их решения / Под ред. В.А. Никитина.- М., 1996.
30. Девиантное поведение подростков. Профилактика и реабилитация, защита прав несовершеннолетних.- М., 1999.
31. Дикселиус М., Константинов А. Преступный мир России.- СПб., 1995.
32. Днепров Э.Д. Социально-экономические тутики образовательной политики.- М., 1999.
33. Долгова Т.П., Клейберг Ю.А. Молодежная субкультура и наркотики: социокультурные и социопсихологические факторы.- Тверь, 1997.
34. Жуков В.И. Российское образование: истоки, традиции, проблемы.- М., 2001.
35. Жуков В.И. Российское образование: проблемы и перспективы развития.- М., 1998.
36. Жуков В.И. Российское образование: истоки, традиции, проблемы.- М., 2001.
37. Жураковский В.М. Укрепление российской государственности: место и роль системы образования.- М., 2000.
38. Зимин В.Г. О некоторых проблемах реформирования доходов населения// Российские реформы: социальные аспекты: Материалы научно-практической конференции / Науч. ред. Э.Б. Гилинская и С.Н. Смирнов.- М.: ВШЭ, 1998.
39. Зиятдинова Ф.Г. Социальные проблемы образования.- М., 1999.
40. Зумакулова З.А. Государственная молодежная политика в современной России: правовые аспекты. Дисс...канд. юрид. наук.- Ростов-на-Дону, 2004.
41. Игнатов В.Г. Нифанов А.Н. Беспаленко П.Н. Региональная молодежная политика: проблемы и опыт становления. Ростов-на-Дону, 1999.
42. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика.- М.: Голос, 2001.
43. Ильинский И.М. О молодежной политике российского политического централизма.- М., 1999.
44. Ильинский И.М. О спасительной роли образования.- М., 1998.
45. Инновационная политика высшей школы России.- СПб., 1995.
46. История педагогического образования Западной Сибири.- Омск, 2002.
47. Карпец И. В. Преступность: иллюзии и реальность.- М., 1992.
48. Касьянов В.В. Государственная молодежная политика (региональный аспект).- Ростов-на-Дону, 1997.
49. Касьянов В.В. Политическая социализация молодежи в условиях современной России.- Краснодар, 1998.
50. Касьянов В.В. Слепцов Н.С. Ревенко Л.В. Социализация молодежи: сущность, особенности, тенденции.- Краснодар, 1994.
51. Квеско Р.Б. Методологические основания образования.- Томск, 1997.
52. Кириленко Е.И. Шиков И.Л. Молодежь провинции: проблемы и перспективы: социальный портрет молодежи Курской области.-Курск, 2000.
53. Козлов А.А. Формирование гражданского сознания молодых россиян.- М., 1997.
54. Колин К.К. Вызовы XXI века и проблемы образования: Лекция-доклад.- М., 2000.
55. Коробейников С.А. Политические интересы и политическая культура российской молодежи. Дисс...канд. философ. наук.- М., 1993.
56. Круглое А.Е. Интеграция молодежи в российское общество: социальный анализ: На материалах Северного Кавказа.- Пятигорск, 2000.
57. Кузнецова С.В. Социальные проблемы детства в государственной политике современной России.- Саратов, 1998.
58. Куприянова Г.В., Нехаев В.В. Государственная служба по делам молодежи: возникновение, структура, направления деятельности (историко-правовой аспект).- Тула, 2000.
59. Ливицкий Л.В. Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних. Дисс...канд. юрид. наук.- Уфа, 1998.
60. Лунеев В.В. Преступность 20 века.- М., 1997.
61. Маврина И.А. Социальность современного образования.- Омск, 2000.
62. Мелешико Н.П. Предпреступное поведение несовершеннолетних как криминологическая проблема.

63. Молодая семья.- Вып. 2.- М., 2004.
64. Молодежные субкультуры.- Казань, 1997.
65. Молодежный потенциал региона: опыт социологического анализа.- Хабаровск, 2001.
66. Молодежный экстремизм.- СПб., 1996.
67. Молодежь в контексте российско-белорусских отношений.- М., 2003.
68. Молодежь в обществе риска.- М., 2003.
69. Молодежь России. Женская проституция в Москве: (Информационный материал по результатам социологического опроса, проведенного по заказу Государственного комитета РФ по делам молодежи)// НИЦ при Институте молодежи.- М., 1999.
70. Молодежь и закон. Указатель литературы, поступившей в центральные библиотеки Москвы. Вып. 1-18.- М., 1975-1991.
71. Молодежь и молодежная политика в Орловской области: Положение молодежи в Орловской области 1999г.- Орел, 2000.
72. Молодежь и общество на рубеже веков.- М., 1999.
73. Молодежь и планирование семьи.- Хабаровск, 1995.
74. Молодежь Оренбуржья: Самоопределение в новых исторических координатах (Ежегодный доклад о положении молодежи Оренбургской области).-Оренбург, 2004.
75. Молодежь провинции: проблемы и перспективы: Социальный портрет молодежи Курской области.- Курск, 2000.
76. Мысин Н. Социальная работа и девиантное поведение // Актуальные проблемы девиантного поведения.-М., 1995.
77. Наркомания и молодежь. Вып. 1-2.- М., 2000
78. Нехаева Т.Г., Татаринов О.В. Организационно-правовые основы становления и деятельности органов по делам молодежи Российской Федерации.-Тула, 2001.
79. Нечаев В.Я. Социология образования.-М, 1998.
80. Новиков А. Российское образование в новой эпохе. М., 2000
81. Новиков А.М. Российское образование в новой эпохе: Парадоксы наследия. Векторы развития.- М., 2000.
82. Образование как основа государственного устройства России в XXI веке: Докл. на науч. совещ. по проблемам образования ПАНИ 6.10.2000 г.- СПб., 2000.
83. Овчинский В.С. Стратегия борьбы с мафией.- М., 1993.
84. Опыт реализации молодежной семейной политики.- М., 2004.
85. Петелин Б.Я. Организованная преступность несовершеннолетних// Социс. 1990. №9.
86. Петров Д.В. Молодежные субкультуры.- Саратов, 1996.
87. Платонова А.П. Детство и его социальная защита в условиях реформирования российского общества.- М., 1995.
88. Плоткин М.М., Ширицкий В.И. Семейное неблагополучие как фактор девиантного поведения детей // Семья в России. 1997. №2.
89. Плотников А.Д. Молодая семья: проблемы и перспективы// Молодежная политика. 1998. №155-156.
90. Погосян Л.А., Бондаренко С.В., Черноус В.В. Профилактика девиантного поведения молодежи Дона и Юга России.- Ростов-на-Дону, 2003.
91. Подготовка специалистов для рыночной экономики: теория и практика, современное состояние и проблемы развития.- Кемерово, 1999.
92. Положение детей в России: социальный портрет. 1992. - М., 1993.
93. Положение детей и молодежи в России. Проблемы, политика, благотворительная деятельность// Под ред. П. Ланган и Ю. Качаловой.- М.-Baltimore, 1998.
94. Правовое сознание и соблюдение законов молодежью в условиях перехода к демократическому гражданскому социальному обществу, базирующемуся на регулируемой цивилизованной рыночной экономике.- Уфа, 1994.
95. Правовой кризис в российском обществе и молодежь.- Уфа, 1995.
96. Проблемы профилактики правонарушений среди школьников и поиски путей их решения.-Н.Новгород, 1994.
97. Проблемы семьи и детства в современной России.- М., 1992.
98. Проблемы семьи и семейной политики. Вып. 1-3.- М., 1991-1993.
99. Профилактика наркомании и токсикомании среди детей и молодежи: Комплексное социолого-криминологическое исследование. Сборник.- М., 2002.
- 100.Профилактика преступности несовершеннолетних в малых и средних городах.- М., 2004.
- 101.Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних.- Киев, 1994.

- 102.Рахманова М.Н. Семья и закон. Современная семья.- М., 1992.
- 103.Рахимова Р.М. Особенности социализации и ресоциализации провинциальной городской молодежи в постсоветском обществе: На материале Республики Татарстан.- Казань, 2001.
- 104.Региональная система социального контроля, обеспечения занятости, профилактики девиантного поведения и наркотизации молодежи. Сб. научн. статей.- Волгоград, 1997.
- 105.Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России// Социс. 1998. №5.
106. Семья в кризисном обществе.- М., 1993.
- 107.Сибиряков С.Л. Допреступные и криминальные отклонения в поведении детей и подростков.- Волгоград, 2001.
- 108.Сибиряков С.Л. Ребенок в опасности: Как предупредить беду: наркоманию, пьянство, насилие, преступность.- СПб., 2002.
- 109.Собкин В., Кузнецова Н. Динамика девиантного поведения подростков // Основы безопасности жизни. Научно-методический журнал. 1999. № 10.
- 110.Современная семья: проблемы, поиски, решения.- Казань, 2000.
- 111.Социальная политика и формирование здорового образа жизни молодежи.- Чебоксары, 2004.
- 112.Социология / Под ред. А.А.Козлова и др.- СПб, 1997.
- 113.Социология молодежи / Под ред. В.Т. Лисовского. В 3-х т.- М., 1995.
- 114.Стратегия развития университетского технического образования в России.- М., 2000.
- 115.Сыч Е.А. Добрачное поведение современной молодежи и выбор брачного партнера.- Уфа, 2003.
- 116.Таранцов М.А. Молодежная политика России.- М., 1998.
- 117.Таранцов М.А. Региональная государственная молодежная политика.- М.,1996.
- 118.Турченко В.Н. Основы стратегии образования// Новая парадигма - императив устойчивого развития. (Междунар. конгр. «Образование и наука на пороге третьего тысячелетия», 4-9 сентября 1995 г.)- Новосибирск, 1995.
- 119.Тхагапсоев Х.Г. Образование: канун новой парадигмы.- М., 1997.
- 120.Федяева О.Д. Государственная политика в области образования в России (вторая половина 80-х-начало 90-х гг.)- Омск, 1995.
- 121.Харитонов Е.М. Человек в мире государственной власти современной России.- М, 1996.
- 122.Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции.- М., 1994.
- 123.Шакиров Р. В. Школа и общество: Системно-концептуальный анализ реформ образования в России в XX в.- Казань, 1997.
- 124.Шаронов А.В. Государственная молодежная политика как фактор социального развития молодежи. Дисс...канд. социол. наук.- М., 1994.
- 125.Штурба В.А. Разработка государственной политики в области народного образования и ее реализация в Российской Федерации в 60-90-е гг.: (на материалах Юга России). Дисс...докт. ист. наук.- М., 2001.

ГЛАВА 3

Государство и церковь в эру Победоносцева: история симфонии властей или борьбы против подчинения?

Русская Православная Церковь издревле была государственной и пользовалась покровительством светской власти. Особое положение православия среди прочих конфессий было закреплено законодательно: «Первенствующая в Российской империи вера есть христианское православие канонического вероисповедания» [22; с. 40, 62].

В синодальный период Русская Православная Церковь (далее РПЦ) стала элементом государственной политики, тесно афелированным с госаппаратом. Государство полностью контролировало жизнь Церкви, все более или менее важные вопросы решались при участии чиновников. Синод и обер-прокурор играли роль передаточного звена в исполнении воли государя.

В долгой истории борьбы Церкви против подчинения государству особое место занимает вторая половина XIX в. Именно с этого времени движение за преобразование системы церковного управления на соборных, канонических началах приобретает реальные социальные основания. Эпоха царствования Александра II развернула Россию навстречу требованиям противоречивого и неоднозначного нового времени. Осуществленные преобразования совершенно изменили облик страны, положение и образ жизни всего населения [3; с. 4]. В общественной жизни происходят глубокие сдвиги, связанные с отменой крепостного права и другими реформами 1860-1870-х гг.

Эпоха Великих реформ породила надежды и на церковные преобразования [5; с. 12]. Так в 1860-е гг. Церковь перестала быть изолированной, закрытой от общества средой, а общество стало фактически генератором реформаторских процессов в Церкви.

Но изменения носили не только позитивный характер: потрясение традиционного миропорядка отозвалось в России тех лет острым духовно-нравственным кризисом. Тысячи людей оказались лишенными прежних моральных ориентиров, в городах быстро росла «индустрия развлечений» (азартные игры, кабаки, низкопробные зрелища), резко увеличилось количество самоубийств. Серьезную угрозу представляло и падение религиозности крестьян-

ства, составлявшего в глазах властей важнейшую опору «старого порядка». Общество остро нуждалось в свободном и авторитетном пастырском голосе Церкви, но Церковь, говоря словами Ф.М. Достоевского, находилась «в параличе», в слишком тесных объятиях государства [9; с. 9].

После трагической гибели Александра II некоторые результаты церковной реформы были пересмотрены. Д.А. Толстой был смещен с поста обер-прокурора еще до вступления на престол Александра III. Его место занял человек, который, по оценке И.К. Смолича, кажется, более всех своих предшественников может служить олицетворением государственной церковности [2]. Назначение К.П. Победоносцева состоялось 24 апреля 1880 г., по словам С.И. Алексеевой, в условиях «кризиса верхов» [2; с. 39]. Он являлся претендентом на эту должность с 1860-х гг., но отказался занять место А.П. Ахматова по семейным обстоятельствам.

Заветной мечтой Победоносцева было восстановить в пореформенной жизни ясность, определенность, изгнать всякую неоднозначность и двусмысленность. И здесь также должна была помочь Церковь: она, как полагал Победоносцев, была близка к незамутненному народному сознанию, имела дело с вековыми и бесспорными истинами. Здесь "лежит еще запас той простоты душевной и веры, которая составляет суть народного характера и который нам надо оберегать превыше всего", - делился Победоносцев с Александром III [12; с. 302].

Для Победоносцева современное православие было застывшей догмой, а церковное принуждение стало естественным для строгого соблюдения общественного быта и нравов [7; с. 328-329].

К.П. Победоносцев последовательно отстаивал идею единства Церкви и государства. Он отрицал возможность существования безверного государства и связывал поддержание веры в народе с охранением консервативных начал [2; с. 39].

Обер-прокурор К.П. Победоносцев, пришедший к власти под флагом свертывания реформ и ограничения либеральных начал в 1880 г., получил практически полную поддержку со стороны епископата. Обер-прокурорство Победоносцева, составившее целую эпоху в жизни Церкви и государства (1880-1905), явилось непосредственным преддверием движения за церковные реформы начала XX в. С «внешней» точки зрения положение Церкви значительно укрепилось: она выдвинулась на первый план в официальной государственной доктрине и стала важной частью образа самодержавия, складывавшегося в конце XIX в. при императоре Александре III и в начале XX в. при Николае II.

В целях официальной пропаганды использовали реставрацию древних святынь, строительство новых храмов в «древнерусском стиле», юбилейные церковно-общественные торжества. Духовные власти при поддержке государства получили в свои руки надежное, казалось бы, оружие для борьбы с антицерковными течениями. Были запрещены театральные представления в Великий пост (1881), ведение питейной торговли и строительство мирских зданий вблизи храмов и монастырей» (1885, 1886, 1887). Вводились дополнительные торжественные вечера по воскресным и праздничным дням (1889), хозяевам промышленных предприятий запретили требовать работы от православных в эти дни (1893). В гимназиях расширялось преподавание церковно-славянского языка и Закона Божия. Духовные власти вмешивались в деятельность светской цензуры и бдительно надзирали за литературно-художественной жизнью страны [9; с. 12].

Последствия либеральных реформ 1860-х гг. в официозных публикациях эпохи Александра III описывались негативно, в них видели причину всех бед. П. Петрушевский в книге «Значение царствования императора Александра III» пишет: «известно, как много вреда в нашей жизни причинило так называемое либеральное направление 60-х годов. Под его влиянием в жизни высшего и среднего сословий стало развиваться легкомыслие, в вере, пренебрежение к Церкви и ее пастырям и даже совершенное неверие, в науке пустил широкие корни односторонний критицизм и скептицизм, в жизни народа (и отчасти в великосветском обществе) стало заметно усиливаться сектантство. В виду сильного распространения в обществе отрицательного направления и нравственной распущенности, необходимо было прибегнуть к более сильным и, так сказать, чрезвычайным средствам со стороны Церкви, для вразумления и исправления общества» [11; с. 25]. Так власть обосновывала свою консервативную политику.

Взгляды Победоносцева на состояние Церкви были крайне пессимистичны: он видел в ней не более чем «затерянные в глубине лесов и в широте полей... храмы, где народ тупо стоит... ничего не понимая, под козлогласованием дьячка». Тем нужнее казалось ему демонстрировать внешнюю полноту власти Церкви посредством помпезных торжеств. В 1888 г. праздновался 900-летний юбилей Крещения Руси. В 1885 г. был отмечен 1000-летний юбилей памяти святых Кирилла и Мефодия. В 1889 г. чествовали 50-летие воссоединения униатов с Православной Церковью в Белоруссии (1839). В 1883 г. было три крупных церковных торжества: 500-летний юбилей явления иконы Тихвинской Божией Матери, 100 лет со дня преставления святителя Тихона Задонского и освящение храма Христа Спасителя в Москве, происходившее с большой пышностью. С не меньшим размахом освящали в 1896 г. и собор святого Владимира в Киеве.

Храмы строились почти исключительно в старорусском или псевдовизантийском стиле. Открытие многочисленных церковно-приходских школ имело целью связать религию с националистически-монархической пропагандой. В том же направлении призваны были действовать и вновь основанные братства, из которых не менее 80 возникло в царствование Александра III.

Среди основных мероприятий Победоносцева на посту обер-прокурора было восстановление закрытых ранее 2000 приходов в 1884-1885 г. И.Г. Айвазов писал, что над судьбой церковных приходов долгое время тяготел закон 16 апреля 1869 г., направленный на сокращение числа приходов, закрытие многих церквей, сокращение штата причтов – с целью улучшения материального быта духовенства. Но опыт показал, что материальный быт духовенства не улучшился, а православное население в разных местах, лишённое возможности слушать богослужение в своей ближайшей церкви, стало охладевать к ней и переходить в раскол и сектантство. 16 февраля 1885 г. Св. Синод отменил закон 16 апреля 1869 г. и «тем внес обильную живую струю в церковно-приходскую жизнь» [2; с. 6].

В результате этих мер число священнослужителей выросло за 1881-1894 гг. на 20%, достигнув 56900, а численность черного духовенства увеличилась на 60,8% - с 27700 до 45500. Ежегодно в России 1880-х гг. открывалось около 250 храмов и 10 монастырей [8; с. 152-155].

Но энтузиазм восстановления приходов порой доходил до нелепой бессмыслицы: «...в центре посёлков, отстоящих от приходской церкви и друг от друга на значительном расстоянии ... созидалась церковь и одиноко стояла где-

нибудь на холме или поляне и возле неё, кроме церковной караулки, ни единого домика» [16; с. 50].

Увеличение числа православных храмов вызвало увеличение приходского духовенства и церковных приходских причтов. В результате действия закона 16 апреля 1869 г. число служащего приходского духовенства сократилось с 121172 лица в 1868 г. до 92217 лиц в 1885 г. – сокращение в 29000 чел. В 1885 г. были изданы новые правила относительно состава и штатов церковных причтов. Этими правилами епархиальным преосвященным предоставлялось право восстанавливать самостоятельные причты по просьбе прихожан и при наличии достаточных местных средств содержания церквей, которые по закону 1869 г. вошли в состав других приходов.

Во всех епархиях, кроме западных и закавказских, церковные причты в приходях, имеющих менее 700 душ муж. пола должны были состоять из священника и псаломщика, а где более 700 душ – там мог быть назначен и диакон. При двух священниках в приходе теперь полагалось 2 псаломщика и диакон. Разделение священников на настоятелей и их помощников отменено. Также отменено и разделение причетников на псаломщиков и исправляющих их должность, всем им присвоено звание псаломщика [1; с. 9-10].

Победоносцев считал, что «сельская школа» должна быть окончательной школой, не следует внушать ученикам беспокойного и тщеславного желания идти дальше, искать высшего или другого, и тем колебать устои социальных группировок. Народной школе Победоносцев отводил роль охранительного учреждения: «содержать людей в строгом подчинении порядку общественной жизни». Школа должна не столько давать «общее развитие», сколько развивать навыки и умения, в строгом соответствии наличной среде, — иначе сказать, она должна быть сословной и полупрофессиональной [24; с. 380].

В 1884 г. были приняты особые «Правила о церковно-приходских школах», полностью выведшие эти училища из ведения светской администрации и подчинявшие их Синоду. Несколько раз в 1880-1890-е гг. в правительстве ставился вопрос о передаче духовному ведомству всех народных школ [9; с. 12]. По инициативе К.П. Победоносцева развитию церковно-приходских школ был дан новый импульс, и они стали одной из главных форм начального образования.

Рост церковных школ для народа в 1880-1890-е гг. был внушителен. Количество таких школ в 1881-1894 гг. увеличилось в 7 раз, достигнув 31835. Число учащихся в этих школах возросло в 10 раз (с 105317 до 981076), размер казенных ассигнований на них – в 40 раз (с 17000 до 657200 руб.) [8; с. 152-155,].

Несмотря на то, что при создании сети церковно-приходских школ правительство преследовало определенные клирико-политические цели, они сыграли важную роль в распространении грамотности в народной среде.

Правительство также взяло на себя изыскание новых способов улучшения материального быта приходского духовенства. В царствование Императора Александра III был восстановлен ежегодный отпуск из Государственного Казначейства на обеспечение жалованьем всего духовенства в империи. П. Петрушевский приписывает такое благодеяние воле государя. По словам всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева, в 1888 и 1889 г. из Государственного казначейства на содержание городского и сельского духовенства было ассигновано по 6399904 руб. Но жалованье причты получали не в одинаковом размере. Причты внутренних губерний получили самое маленькое жалованье. В некоторых епархиях (Владимирской, Воронежской, Вятской, Донской, Кишиневской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Ря-

занской, Симбирской, Тамбовской, Тульской и Ярославской) жалованья от казны духовенству совсем не выдавалось [11; с. 50-51].

В 1892 г., исполняя волю императора, обер-прокурором было внесено представление в Государственный Совет об ассигновании в 1893 г. из казны на содержание духовенства 250000 руб. и о дальнейшем продолжении дополнительных ассигнований [11; с. 51-53]. Полученные в 1893 г. 250000 руб. были распределены в 27 епархиях между 592 беднейшими причтами, не получившими до этого никакого содержания ни от казны, ни из специальных сумм Синода и жившими только на местные доходы в размере менее 300 руб. в год. В 1894 г. полученные 500000 руб. распределены между 1314 такими же причтами 55 епархий и Грузинского экзархата [1; с. 27].

Выступив в роли «внешнего» попечителя, Победоносцев в качестве надежной опоры охранительного курса выбрал архиереев и принял ряд мер для расширения их прав. По почину обер-прокурора после двухвекового перерыва возродились архиерейские съезды, прежде рассматривавшиеся как недопустимая угроза прерогативам государства [9; с. 13].

В отличие от Д.А. Толстого К.П. Победоносцев понимал, что в церковной политике невозможно пренебрегать ролью епископата, который по учению Церкви вмещал в себе всю полноту апостольской власти. Он положил начало возрождению традиции окружных епископских соборов, разрешив собрать один из них в 1884 г. в Киеве [2; с. 42]. В 1885 г. был созван собор сибирских архиереев в Иркутске и поволжских в Казани для обсуждения мер против раскола и вообще к лучшей организации миссионерского дела. Оба собора издали пастырские воззвания [20; с. 226].

Вслед за окружными съездами епископов стали открываться и проектированные на Казанском соборе в 1885 г. особые миссионерские съезды из представителей низшего духовенства разных епархий. Состоялось два всероссийских съезда миссионеров в Москве (летом 1887 г. и 1891 г.). Эти съезды выработали некоторые руководственные правила об устройстве противораскольнических и противосектантских миссий в епархиях и о способах действий миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам [1; с. 7].

Но при этом Победоносцев был противником реальной самостоятельности епископата, считая, что архиерейское всевластие и соборное начало, а также традиция «оптинского православия» противоречили самодержавному принципу православия. В итоге это привело его к конфликту с иерархией, желавшей реформы Синода и расширения своих прав по управлению епархиями. Поэтому обер-прокурор был вынужден опираться на чиновников [2; с. 42].

Архиереи, соединяя в своих руках административную власть с судебной, крайне неохотно официально наказывали клириков, виновных в конфликтах с прихожанами (чтобы не создавать впечатления о неблагополучии своей епархии). Это мешало бороться против распространенных пороков духовенства – пьянства, вымогательства и др. В результате обер-прокурору приходилось все больше и больше ужесточать контроль за местным епархиальным управлением, действуя через консисторских чиновников. Епископов непрерывно перемещали из епархии в епархию, причем зачастую на значительные расстояния. Из 49 епархиальных архиереев, перемещенных в 1881-1894 гг., 8 были переведены по два, и 8 – по три раза. В среднем за год перемещалось по 3 епархиальных архиерея и по 3 викарных епископа, 4 викария получали назначения на самостоятельную кафедру; срок пребывания епархиального архиерея на одной кафедре ограничивался в среднем пятью годами [16; с. 46].

Вряд ли при Александре III какой-либо ведомственный начальник был так самостоятелен, как Победоносцев в делах Церкви. Постоянные перемещения епископов должны были воспрепятствовать сближению низшего духовенства и паствы с архиереями, а также появлению в среде иерархии людей популярных или опытных церковных политиков. Победоносцев делал митрополитами и членами Святейшего Синода людей незначительных, которых сам не ценил.

Священник с. Кичатова Краснослободского уезда Пензенской губернии А.Ф. Никольский в 1890 г. в частном письме писал: «Новый наш архиерей человек хороший, деликатный, любезный, симпатичный в обхождении..., но в делах хорошего от него заметно не часто, потому что в нем не вижу твердости и самостоятельности. Он весьма труслив ...» [19; Л. 5-6].

В марте 1881 г. выборность благочинных была заменена назначением, соборная духовенства ставилась под жесткий контроль правящего епископа. Согласно духовно-учебному уставу 1884 г. отменялись выборы учебных начальств (в семинариях эта мера коснулась и преподавательского состава), расширялись прерогативы ректора и власть архиерея над духовной школой. Уверенность Победоносцева и его ближайших сотрудников в необходимости подобных мероприятий была основана также на мнении о том, что приходскому духовенству для успешной деятельности достаточно простоты и смирения, понимаемых как безоговорочное подчинение епархиальному начальству [9; с. 13].

В начале 1880-х гг. власти предприняли попытку радикально «упростить» облик клира – привлечь в его состав начетчиков-простолюдинов, решив тем самым раз и навсегда его материальные проблемы и устранив возможность «препираться» с начальством. «Вместо бесплодного пересыпания религиозных понятий, стремления следить за современными идеями и развитием богословствующей мысли, - писал о начетчиках епископ Дмитровский Амвросий (Ключарев) в составленной по поручению обер-прокурора записке (1880), - они будут отличаться практическими подвигами благочестия... Не охлажденные рационализмом школы, они будут ревнителями церковных уставов и блюстителями дорогой для народа церковной обрядности» [21; с. 304].

Мотив «близости к простому народу» был любимой идеей и самого Победоносцева. Русские священники, подчеркивал обер-прокурор, «из народа вышли и от него не отделяются ни в житейском быту, ни в добродетелях, ни в самых недостатках, с народом стоят и падают... Избави нас Боже дожидаться той поры, когда наши пастыри... станут князьями посреди людей своих, в обстановке светского человека, в усложнении потребностей и желаний посреди народной скудости и простоты» [13; с. 214].

Подосновой «упростительских» планов, нацеленных на сближение пастыря с паствой, была идеализация народной религиозности, нежелание замечать далеко зашедший процесс ее разложения. В духовном ведомстве при Победоносцеве утвердился жесткий дисциплинарный режим; клириков, не соглашавшихся с «упростительским» курсом и пытавшихся отстаивать свои права перед лицом начальства, ждала скорая и решительная кара. «С молодыми либеральными батюшками тогда не стеснялись... - вспоминал о 1880-1890-х гг. митрополит Евлогий (Георгиевский). – Многие оказались со сломанными душами, случалось, попадали под суд и, не выдержав тяжелых испытаний, кончали идеалисты пьяницами, погибали» [5; с. 34].

Неизбежным следствием подобной политики были настроения пассивности и безразличия среди духовенства. Власти тщетно пытались «сломать» эту пассивность приказами, постоянно предписывая духовенству вдохновение при бо-

гослужении, образцовое поведение в быту и др. Результаты таких инструкций были незначительны [9; с. 14].

Курс на «опростительство» пагубно повлиял и на состояние духовно-учебных заведений конца XIX века. С начала 1880-х гг. тщательная богословская подготовка пастырей стала казаться начальству источником «опасности» и даже неким «излишеством», не оправданным условиями реальной жизни. В духовной школе уменьшалось число «светских» предметов. В академиях большинство учебных курсов стало обязательным для всех студентов, так что время для самостоятельной научной работы ограничилось. С 1887 г. штат студентов-богословов был ограничен в соответствии с потребностью духовно-учебного ведомства в наставниках, в связи с чем число учащихся в академиях сократилось за 1883-1889 гг. на треть (с 1121 до 765) [9; с. 15].

В некоторых семинариях и духовных училищах под влиянием утилитарно-прикладных установок возобновилось преподавание иконописания, медицины, агрономии. Усилилась сословная замкнутость духовной школы: вольнослушатели допускались в академии лишь в виде исключения, а своекоштные студенты – только при условии проживания в общежитии. Усложнялся доступ в семинарии лиц, не принадлежавших к духовному сословию. Повседневная жизнь воспитанников проходила под строгим надзором: запрещалось самовольно отлучаться из общежития, участвовать в публичных чествованиях общественных деятелей, собирать сходки, читать «неблагонадежную» с точки зрения начальства литературу, в число которой попали почти все периодические издания [8; с. 491-511].

Основами церковной проповеди провозглашались простота, опора на традиции, отдаленность от злобы дня. Характерно, что сам Победоносцев с большим недоверием относился ко всякому яркому деятелю в церковной среде, включая убежденных консерваторов – протоиерея Иоанна Сергиева (Кронштадского), архимандрита (впоследствии митрополита) Антония (Храповицкого) и некоторых других [9; с. 15].

Намеченная Победоносцевым реформа приходского клира, доведенная до логического финала, понизила бы духовный, интеллектуальный облик священников до уровня основной массы мирян и, по сути, привела бы к отказу от пастырской роли Церкви.

Бюрократизм духовного ведомства мешал широкому развитию движения церковных братств, не удалось нормализовать и отношения между пастырями и паствой на уровне прихода: миряне по-прежнему были лишены права распоряжаться церковным имуществом, влиять на выбор клира и неохотно жертвовали средства на обеспечение духовенства.

В 1883 г. вышло новое издание устава духовных консисторий, усиливавшее их административно-карательные права. Жизнедеятельностью приходов руководили церковные причеты через церковных старост, избранных прихожанами. Старосты заведовали церковным имуществом, собирали пожертвования на строительство и благоустройство храма, составляли отчеты о свечных деньгах. За добросовестное и ревностное служение староста мог быть награжден медалью от высочайшего имени.

В 1890 г. Синод разработал, а царь утвердил инструкцию церковным старостам, которая усиливала их роль в приходе и ориентировала на выбор старост из зажиточной части сельского населения [4; с. 28]. Однако новая инструкция не изменила положения, при котором выборы старосты проходили не при полном собрании прихожан и в церковные старосты шли далеко не лучшие люди прихода [10; с. 27].

Синодальным указом 5 апреля 1881 г. отменены выборы благочинных, назначение благочинных предоставлено власти и усмотрению архиерея. Было ограничено право архиереев распоряжаться монастырскими и церковными суммами. Распоряжением 1888 г. велено все церковные суммы хранить в государственных банковских учреждениях [20; с. 224-225].

Новые уставы духовно-учебных заведений, введенные в 1884 г., были лишены всех элементов демократизма, содержавшихся в уставах 1860-х гг.: усилилась власть архиереев и администрации, выборы ректоров в семинариях были отменены, учреждалась должность духовника, выполнявшего надзирательные функции [4; с. 28-29]. Уставы духовно-учебных заведений 1884 г., привели к резкому сокращению числа студентов в духовных академиях и возврату от научной к «служилой точке зрения на богословскую школу» [2; с. 41].

При пересмотре цензурного устава в 1885 г. окончательно упразднены существовавшие при провинциальных духовных академиях цензурные комитеты [20; с. 226].

Не менее важным шагом властей в деле укрепления авторитета и расширения влияния РПЦ в 1880 – 1882 гг. стало развитие сети церковных периодических изданий, издание церковно-назидательной литературы для народа и открытие всевозможных церковных обществ [3; с. 113]. Начавшие выходить в 1860-х гг. в отдельных губерниях «Епархиальные ведомости» к 1880-м гг. стали повсеместно органом епархий. При этом особенностью возникавших в 1880-х гг. новых изданий было их стремление отойти от роли официозного информатора о фактах церковной жизни и «войти в каждый дом» в качестве проповедника.

В 1864 г. правительство утвердило основные правила для учреждения православных церковных братств и положение о церковных попечительствах. Последних в 1868 г. было уже свыше 5 тыс., а к 1880 г. – 11,8 тыс. Братств к 1880 г. было 63. Ситуация меняется в 1880-1890-х гг.: только за 12 лет, считая с 1881 г., возникло 76 новых братств. Эти братства пользовались прямым покровительством императрицы и других членов императорской фамилии, щедро субсидировались правительством [4; с. 29].

Таким образом, охранительная политика К.П. Победоносцева не смогла преодолеть сословной замкнутости духовенства и способствовать его вовлечению в жизнь общества [2; с. 4].

Нарождавшееся в России секулярное (т.н. «гражданское») общество требовало наиболее гибких и многообразных форм пастырской деятельности. Однако укрепленная курсом К.П. Победоносцева на «опростительство» и архиерейским произволом инертность и несамостоятельность клира в условиях подъема общественного недовольства, социального брожения и роста атеистических настроений (особенно в радикальных кругах российской интеллигенции) вместе с разрушением народной религиозности представляла серьезную опасность для авторитета Православной Церкви [9; с. 22].

Практически все попытки реформирования различных сторон церковной жизни, предпринимаемые во второй половине XIX в., претерпели неудачу, по крайней мере, не была достигнута главная цель – усиление позиций Церкви среди прихожан, предотвращение нарастания церковного индифферентизма и секуляризации религиозного сознания. Т.Г. Леонтьева отмечает: «В то время, когда царизм особо нуждался в богобоязненном, законопослушном, кротком нестяжательном, но при этом предприимчивом и максимально управляемом труженике, который мог составить естественную базу российской модернизации, коллизии, вызываемые «государственной верой», всё больше игнориро-

вавшей собственно духовную жизнь на индивидуальном уровне, были чреватые самыми неожиданными для властей последствиями. Они проявлялись в растущем равнодушии к вере в низах народа, духовных сомнениях самих «пастырей» ... углублялись неуклонной секуляризацией сознания образованных слоев населения» [6; с. 170].

Некоторые новации имели противоречивый или взаимоисключающий характер. Эффект преобразований проявлялся годы спустя, особенно в провинциальных епархиях, где сознание пастырей и прихожан было очень инертно. Но, тем не менее, запущенный процесс «огосударствления» РПЦ так и не был завершен. Приходское духовенство не превратилось в чиновников, получающих жалованье из казны. Однако принуждающее положение Церкви в государстве приводило к постепенному упадку живой веры, распространению сектантства в народе и усилению неверия в обществе.

Список литературы:

1. Айвазов И.Г. Церковные вопросы в царствование императора Александра III. - М., 1914.
2. Алексеева С.И. Святейший синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856 – 1904 гг. - СПб., 2003.
3. Беликова Н.Ю. Православная Церковь и государство на Юге России (конец XIX – первая треть XX вв.). - Краснодар, 2004.
4. Борисов А.В., Велитченко Н.С., Смирнова Ю.Б. Государство, церковь, общество в России в XVIII – XIX вв. - Ярославль, 2002.
5. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. - М., 1994.
6. Леонтьева Т.Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX - начало XXв.) // Отечественная история. - 2001. - №23.
7. Никулин М.В. Православная церковь в общественной жизни России (конец 1850-х - конец 1870-х гг.): дис. ... канд. истор. наук : 07.00.02. - М.: 1997.
8. Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. - СПб., 1901.
9. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковных реформах. Т. I. - М., 2004.
10. Папков А. Необходимость обновления православной церковно-общественного строя. - СПб., 1902.
11. Петрушевский П. Значение царствования благовернейшего Государя императора Александра III для нашей церкви и пастырства. - Киев, 1895.
12. Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. - М., 1925.
13. Победоносцев К.П. Московский сборник. - М., 1896.
14. Победоносцев К.П. Сочинения. - СПб., 1996.
15. Полонский А. Православная церковь в истории России: синодальный период // Преподавание истории в школе. - 1996. - № 1.
16. Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. - М., 1996.
17. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. - М., 2010.
18. Преподавание истории в школе. - 1996. - № 1. – С. 12.
19. РГИА. Ф. 1109. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 5-6.
20. Рункевич С.Г. Русская Церковь в XIX веке. – СПб., 1901.
21. Савва (Тихомиров), архиепископ. Хроника моей жизни. Т. VI. - Сергиев Посад, 1906.
22. Свод законов Российской империи. Т. 1. - СПб., 1857.
23. Смолч И.К. История русской церкви. 1700-1917. часть первая. Изд-во Спасо-преображенского валаамского монастыря. М., 1996. // <http://www.sedmitza.ru>
24. Флоровский Г. протоиерей. Пути русского богословия. - Париж. 1937.

ГЛАВА 4 Чтение как форма досуга крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX века (на примере ярославской губернии)

В конце XIX – начале XX века в российской деревне постепенно наметились значительные изменения в досуговых предпочтениях простых сельских жителей. Появлению новых черт в досуге крестьян способствовали усилившиеся связи сел с городом. Большое количество информации крестьяне стали получать из книгопечатной продукции, проводя свободное от сельскохозяйственных трудов время за чтением книг и периодических изданий.

До сих пор ещё в приобщении крестьян к чтению бытует мнение, что в дореволюционной России крестьяне были почти поголовно безграмотными. Подобное суждение, безусловно, является одним из самых больших заблуждений. К счастью сохранились документальные свидетельства, которые помогают развеять миф о темноте, невежестве и неграмотности российских крестьян в конце XIX – начале XX в.

Эпоха политических и экономических реформ Александра II была отмечена отмиранием сложившихся традиций отношения к книге и существенными переменами в круге чтения. Вторая половина XIX в. (особенно 1890-е гг.) значительно увеличила число читателей, главным образом, за счет представителей низших социальных слоев, в которых книга из диковинки постепенно превращалась в привычный атрибут образа жизни.

Немалую роль в приобщении крестьян к чтению сыграло открытие церковно-приходских и министерских школ. Однако самой жизнеспособной оказалась земская школа, которая постепенно охватила значительную часть сельского населения и существенно повлияла на рост уровня грамотности в деревне. Так, численность учащихся в сельских школах страны выросла с 717,8 тыс. человек (1861 г.) до 3 млн. 239,3 тыс. (1897 г.), т.е. более чем в 4 раза [1, с. 69].

В результате уровень грамотности крестьян в среднем по Российской империи вместо 5 – 6 % (1860-гг.) к концу XIX в. составлял уже 17,4 % [2, с. 36].

Сельское население Ярославской губернии в 1897 г. было одним из самых грамотных в России. Так, среди крестьян-мужчин грамотных в это время насчитывалось 49,7 %, а среди женщин – 21,6 %. В среднем по губернии процент грамотных составлял 36,2 (седьмой показатель по стране) [3, с. 291, 308]. Неудивительно, что книгочеев среди ярославцев хватало. Однако важен даже не столько рост уровня грамотности крестьянства, сколько изменение отношения к книге в этой среде. Постепенно в последней трети XIX в. чтение светской литературы перестало считаться на селе предосудительным занятием и превратилось в весьма значимую форму крестьянского досуга.

Как свидетельствовали опросы, в Пошехонском уезде Ярославской губернии в конце XIX в.: «Крестьяне неграмотные, грубые, конечно, говорят, что чтение – это не мужицкое дело, что отцы и деды наши без грамоты жили, а не хуже нас были. К счастью, таких крестьян в настоящее время остается уже очень и очень немного. Большинство же крестьян смотрят на чтение, как на дело серьезное и полезное» [4, с. 295]. При этом отношение селян к книгам было своеобразное – всё прочитанное в них они считали непреложной истиной, не думая, как правило, о возможности критики содержимого.

Безусловно, в деревнях читал далеко не каждый грамотный. Во-первых, в приводимых сведениях к числу грамотных, согласно принятым в дореволюционной практике критериям, отнесены малограмотные (т.е. те, кто не окончил полный курс начальной школы и научился лишь читать, но не умел писать), а для них сам процесс чтения часто представлял немалую трудность. Во-вторых, многие крестьяне, даже окончившие начальную школу и учившиеся читать, в дальнейшем из-за недостатка книг практически не пользовались этим умением, постепенно забывая грамоту.

При этом в ярославских деревнях не было прямой зависимости между материальной обеспеченностью крестьянских семей и покупкой ими книг. Селяне свидетельствовали: «Есть богачи-крестьяне, к слову заметим грамотные, а в доме у них невозможно найти ни одной книги, кроме разве календаря, да песенника. Впрочем, такие «идолы» (буквальное выражение одного грамотного крестьянина, любившего читать) за последнее время встречаются всё реже. Чаще бывает так, что кто любит почитать, у того нет денег на покупку книг, а у того есть деньги, тот не любит читать» [4, с. 296].

Тем не менее, книжная культура в конце XIX – начале XX в. всё прочнее входила в жизнь российского крестьянина. Её двигателями были начальные школы, церковь, семья, офени-коробейники, отходники, привозившие в деревню печатную продукцию самого разного характера.

До массового открытия сети земских бесплатных библиотек (начало их учреждения относится к середине 1890-х гг.) печатная продукция попадала в деревню следующими основными путями: 1) покупка печатных изданий у офени-коробейников; 2) приобретение литературы на ярмарках; 3) привоз книг возвращавшимися домой из города крестьянами-отходниками; 4) выписка периодических изданий (прежде всего газет и еженедельных журналов).

До середины 1890-х гг. главным распространителем книги в сельской местности выступал офеня (коробейник, ходибщик) со своей лубочной литературой. Офеня являлся не только торговцем, он был для деревни носителем и проводником городской культуры. Селяне обычно бывали рады бродячим продавцам, т.к. от них можно было узнать кое-какие новости и слухи.

Лубочная книга, как особый комплекс печатной продукции, характеризовалась следующими признаками: 1) низкая цена (1–5 коп.); 2) небольшой объем; 3) доступность информации, нередко переходящая в примитив; 4) устойчивость

сюжетов; 5) откровенная назидательность; 6) специфика оформления. Рассмотрим в общих чертах качественный состав лубочной литературы.

Самой старой по времени возникновения разновидностью лубка были религиозные книги (Евангелие, Псалтырь, Часослов, Апостол, жития, поучения и т.д.). Безусловно, духовно-нравственная литература занимала важное место в репертуаре читательских пристрастий ярославских крестьян (особенно старшего поколения). Сельские опросы гласили: «Пожилые люди более любят читать Евангелие и различные жития Святых, а молодежь – светские книги. В Великий Пост иные большаки семьи запрещают чтение светских книг, читаются только одни божественные». Книги Священного Писания, как правило, в деревенских избах встречались на старославянском языке, трудном для понимания. Один из корреспондентов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева в Пошехонском уезде писал: «Евангелие на русском языке у крестьян встречается весьма редко, что касается до Библии на русском языке, то такой я не встречал у крестьян ни одного экземпляра». В религиозно-нравственных книгах сельских жителей интересовали, прежде всего, чудеса, подвиги и строгость жизни Святых. Самыми читаемыми у ярославцев были «Житие Святой Параскевы, наречённой Пятницы», «Житие Святого великомученика Георгия Победоносца» и «Житие Святой Марии Египетской» [4, с. 296]. «Понаблюдайте крестьянина, когда он читает «божественную книгу»: он весь преобразается, – писал один из статистиков Ярославского губернского земства, – ибо на него с этих строгих строк веет далекой и неведомой жизнью, где всё так не похоже на эту приглядевшуюся, будничную, унылую действительность» [5, с. 91].

Важной составляющей лубка являлись авантюрные рыцарские повести и романы в примитивном изложении, проникшие в Россию в XVIII в. Одним из самых известных была «Сказка о Еруслане Лазаревиче». Но 1890-е гг. популярность подобных произведений в ярославских деревнях и селах заметно снизилась. «Лубочные повести, а именно «Повесть об английском милорде Георге», «Гуан» встречаются у крестьян за последнее время всё реже и реже» [4, с. 296].

Ещё одним источником лубочной литературы выступала русская народная сказка (сказки А.Н. Афанасьева на долгие годы обогатили этот вид лубочной книги), а также фольклор в виде песен. Причём сказками среди ярославских крестьян интересовались как дети, так и взрослые. Маленькие дети буквально воспитывались на сказках, слушая их в пересказах своих дедушек и бабушек. Иногда даже неграмотные старики, не умеющие читать, на память знали сказки А.С. Пушкина. Из сельских опросов следует: «Когда ребенок начнет затем учиться в школе, и вдруг придет в деревню коробейник или офеня с книжками, то естественно, что ребенку родители стараются купить преимущественно сказку как вещь для него более интересную... Из сказок более нравятся народу такие сказки, в которых сильнее преобладает элемент чудесного. Сказки наших первоклассных писателей встречаются нередко, но чаще в лубочных изданиях... Также крестьяне (конечно молодежь) интересуются и песенниками» [4, с. 296, 298].

Русский исторический роман тоже был широко представлен в лубке. Наибольшей популярностью пользовались романы в сокращенном виде (Н.И. Зряхов «Битва русских с кабардинцами», И.И. Лажечников «Ледяной дом», М.И. Загоскин «Юрий Милославский» и др.).

Иногда среди лубков можно было встретить произведения известных авторов: И. Крылова, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, В. Жуковского. Публикации книг классиков чаще всего мешало авторское право, т.к. лубочные издатели не хотели тратиться на покупку прав у наследников. Однако и здесь

находились обходные пути – переделка произведений. Так, повесть Н.В. Гоголя «Вий», неузнаваемо переделанная, была издана под названием «Страшная красавица или три ночи у гроба», роман Мельникова–Печерского «В лесах» – под заголовком «Пещера в лесу или труп мертвеца» и т.д. [6, с. 96].

Несмотря на примитивность подобной литературы, ее популярность долгое время оставалась огромной. В 1894 г. суммарный годовой тираж лубочных книг составлял 10 млн. экземпляров, в конце 1890-х гг. – уже 15 млн. [7, с. 6]. Лубочная литература многими крестьянами легко воспринималась на слух, в процессе коллективных чтоток в кругу семьи, соседей или отходнической артели. На селе существовала традиция коллективного чтения по воскресным и праздничным дням, а зимой и в будни.

В 1890-е гг. правительство активизировало выпуск так называемой «литературы для народа», в число которой попали и произведения русских классиков. Сельские статистики в Пошехонском уезде свидетельствовали: «Что касается до отдельных наших первоклассных писателей, то они с каждым годом распространяются всё шире и шире. Рассказы Л. Толстого, В. Короленко и В. Гаршина встречаются довольно часто среди крестьян и читаются крестьянами охотно. Басни Крылова заучиваются крестьянскими детьми в школе. У одного крестьянина д. Гари Трушковской волости, мы встретили полные собрания сочинений А.С. Пушкина и Н.А. Некрасова. Сочинения Ф. Достоевского, И. Тургенева, Т.Г. Шевченко, М.Е. Щедрина (Салтыкова), Д.В. Григоровича, Г.И. Успенского мало или, пожалуй, даже и совсем неизвестны» [4, с. 296-297].

Следует отметить, что ярославские крестьяне читали поэтические произведения. Многие стихотворения вошли даже в репертуар крестьянской песни. Безусловным лидером среди поэтов, к чьим стихам с удовольствием обращались селяне, конечно же, был А.С. Пушкин. В 1899 г. (в год столетия великого писателя) интерес к Пушкину по всей России был особый.

Относительно знакомства крестьян с сочинениями А.С. Пушкина нам доступны отзывы сельских учителей Даниловского, Любимского и Романово-Борисоглебского уездов Ярославской губернии. Вот выдержки из них: «Пушкин – любимец школы и народа, его стихотворения с особенной любовью заучиваются учениками. Сказки же его «О рыбаке и рыбке», «О мёртвой царевне» знают даже безграмотные старухи... Приходится встречать и таких лиц, которые очень живо обрисовывают Гринёва из повести «Капитанская дочка» и других действующих лиц, хорошо знают Пугачёва... Крестьяне, хотя и не очень давно, стали приобретать некоторые из сочинений Пушкина, но желание это всё увеличивается... Сочинения Пушкина всё время переходят из рук в руки... Очень увлекаются повестями Пушкина подростки 17-18-тилетние и молодёжь... Крестьяне, читавшие произведения Пушкина, отзываются о них с хорошей стороны и говорят, что написаны они просто, весело и умно... Во многих местах население сознательно чтит и уважает имя Пушкина как величайшего народного поэта» [8, с. 86-87].

О безусловной популярности сочинений А.С. Пушкина в ярославских деревнях говорит и тот факт, что очень многие его стихотворения вошли в число местных народных песен. Среди них, прежде всего, следует назвать такие произведения: «Сквозь волнистые туманы пробирается луна», «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя» (пелась как плясовая), «Талисман», «Бесы», «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты», «Птичка», «Песнь о Вещем Олеге», «Зимнее утро», «Узник», «Я Вас любил», «У лукоморья дуб зелёный», «Анчар» [8, с. 87-88]. Большинство из перечисленных стихотворений проникли

в сельскую среду из школы, некоторые были занесены из городов крестьянами-отходниками.

В конце 1890-х гг. ярославские крестьяне всё чаще стали обращаться к книгам по истории. «В исторических описаниях, – по свидетельствам статистиков Этнографического бюро, – крестьянские читатели интересуются, главным образом, описанием войн, личностями царей и полководцев. Рассказы о позднейших эпизодах и лицах русской истории (начиная с императора Николая I) читаются с большим интересом, чем эпизоды древнейших времен. С особым интересом читаются анекдоты об исторических лицах» [4, с. 297].

Книг по естествознанию, сельскому хозяйству, медицине, географии, юриспруденции, общественным наукам крестьяне либо совсем не читывали, либо читали, но в примитивной форме. Хотя интерес к подобной литературе у них существовал.

Ярмарки играли важную роль в экономике и культуре пореформенной России и были ещё одним местом приобретения книг для селян. Наряду с другими товарами на ярмарки из Петербурга и, особенно из Москвы (после пожара Апраксина двора в Петербурге, где располагались издательства, выпускавшие лубочную литературу), привозились значительные партии книгопечатной продукции, которая раскупалась посетителями. Среди них присутствовали и крестьяне, располагавшие деньгами.

Москва (продукция Никольского рынка) занимала монопольное положение в продаже народных изданий. Недаром лубок называли «московским товаром». В Москве, на Никольской улице, находились фирмы лубочных издателей: П.Н. Шарапова, Е.А. Губанова, Г.Т. Бриллиантова, И.А. Морозова, А.И. Манухина, С.И. Леухина («Манухины–Леухины» стали символом низкопробного издателя). Позднее здесь же основал свое книжное дело И.Д. Сытин. Он же вспоминал: «Никольский рынок сам творил и сам издавал, сам искал и находил свои, особые пути к полуграмотному деревенскому читателю» [9, с. 85].

На ярмарках даже в конце XIX в. крестьяне весьма охотно покупали лубочную литературу. Большой популярностью у них пользовались различные книги-предсказания («оракулы»), брошюры, толковавшие сновидения («сонники») и календари. Вот о чем свидетельствовали сельские статистики: «Календари различных наименований встречаются у крестьян довольно часто. Наиболее часто мы встречали календари Сытинские «Крестовый» и «Всеобщий». При чтении календарей крестьяне интересуются, прежде всего, отделом «святцев»... Интересуются крестьяне и фазами луны, т.к. большинство крестьян верит, что погода стоит в тесной зависимости с переменами фаз луны... С интересом прочитывают крестьяне и предсказания. Предсказаниям этим крестьяне верят безусловно. Различными статистическими сведениями крестьяне интересуются мало. Зато юридические сведения, помещённые в календарях, читаются весьма многими крестьянами с интересом. Большой интерес представляют помещённые в некоторых календарях медицинские и сельскохозяйственные сведения. При выборе календарей руководствуются, главным образом, красотой и разнообразием картинок как в самом календаре, так особенно на обложках» [4, с. 298-299].

Подобные календари действительно играли большую роль в жизни крестьян даже в начале XX в. Подтверждение этому находим в «Вестнике Ярославского земства» за 1905 г.: «Из всех книг, более или менее широкими потоками вливающих в деревенские захолустья, едва-ли не самой популярной является календарь. От него деревенский житель ждёт гораздо большего, чем, например, люди интеллигентных слоёв: хотят, чтоб жизнь во всём её разнообразии и мно-

гогранности отпечатлелась в этих «малых энциклопедиях»... Оттого ежегодно сотни тысяч календарей выбрасываются на книжный рынок, и деревенская масса, так неудержимо рвущаяся к свету, жадно их поглощает» [5, с. 90].

Также важным каналом проникновения книги в деревню были поездки крестьян в город, главным образом для работы (отхожие промыслы). Возвращаясь домой, отходники обычно привозили в семьи «гостинцы», в том числе и печатные издания. Часто крестьяне обменивались книгами, газетами и журналами между собой, давая почитать друг другу. Следует признать, что сельские жители плохо ориентировались в выборе книжного товара. Как правило, селяне в первую очередь старались приобретать книги толстые и по самой низкой цене, естественно обращая внимания на яркие, красочные картинки на обложках и завлекательные названия. Земские статистики свидетельствовали: «Книги привозятся разнообразного содержания, без всякого выбора, какие пришлось купить подешевле или потому что соблазнило название книги или, что чаще, достались даром» [10].

Ещё одним каналом проникновения печатного слова на село была выписка периодических изданий. Его, безусловно, нельзя назвать основным. Слишком немногие крестьяне могли себе позволить выписывать газету или журнал. Если это происходило, то нередко только в результате складчины. Периодика начала проникать в деревню с 1880-х гг., но массовое чтение и слушание чтения газет и журналов в крестьянской среде получило распространение только на рубеже XIX и XX в.

При выписке периодических изданий главным мотивом для крестьян была их цена, а также рекомендация односельчан. Одной из самых доступных по стоимости для деревенских жителей была газета «Сельский вестник». Так, в конце 1890-х гг. через Трушковское волостное правление Пошехонского уезда данное периодическое издание получали двенадцать крестьянских семей. Грамотные зажиточные крестьяне могли позволить себе выписать и другие газеты, например, «Свет» и «Сын Отечества». При этом свидетельствуют анкеты опрошенных селян: «Что касается до «Ярославских губернских ведомостей», то издание это по своей высокой цене для крестьян недоступно (восемь руб. в год), и крестьянами оно никем не выписывается» [4, с. 301].

Точно определить, сколько тратила на печатные издания среднестатистическая крестьянская семья Ярославской губернии, весьма сложно. Как правило, покупка книг и периодики на селе была делом нечастым и случалась далеко не каждый год. Из земских опросов 1890-х гг. следует, что «если крестьянин потратил на книги 30-50 коп. в год, то это много... Меньше ругани бывает из-за пропитого рубля, чем из-за копеечных книг, ибо пьянство считается злом неизбежным, с которым бороться бесполезно, книги же – блажь» [11, с. 166, 170]. Зажиточные сельские жители иногда все-таки могли потратить на книгопечатную продукцию в год даже рубль.

Однако не только цена препятствовала выписке периодических изданий в деревнях. Не последнюю роль играла плохая доставка газет и журналов. Вот свидетельства самих сельских жителей: «Лет шесть тому назад в нашей деревне Михайловском в 55 домах выписывали газеты 8 человек, а сейчас – только я один. Газеты перестают выписывать по случаю худой передачи их (крестьянин Пошехонского уезда П.И. Рахманов)... Я именно из-за недоставки перестал выписывать газеты и журналы (крестьянин Угличского уезда А.А. Кузнецов)» [12, с. 253].

Чтобы обеспечить возможность чтения крестьянами периодики по распоряжению Ярославской губернской администрации каждое трактирное заведение

должно было обязательно выписывать «Сельский вестник» и «Ярославские губернские ведомости». «В трактирах с. Белого (Пошехонского уезда), – отмечали статистики Этнографического бюро, – мы видели «Свет», «Биржевые ведомости», «Развлечение», «Осколки» и «Русское слово». Все эти газеты выписываются потому, что из крестьян в настоящее время находится весьма много любителей почитать в трактире за чашкой чая какую-нибудь газетку. Таким образом, газеты являются в трактирах в некотором роде приманкой для публики» [4, с. 301].

Из периодики, попадавшей в сельскую местность Ярославской губернии самыми популярными у крестьян были газеты «Свет» и «Сельский вестник», иллюстрированные журналы «Вокруг света» и «Нива», а также весьма примитивный, но очень дешевый (всего 1 руб. в год) ежемесячник «Журнал для всех».

В периодических изданиях ярославцев, прежде всего, интересовали местные корреспонденции, какие-либо сенсационные случаи, заметки о царской фамилии, внутренние российские известия. Передовые статьи, фельетоны, как правило, оставались непрочитанными. Любили крестьяне просто рассматривать картинки различных юмористических журналов: «Осколки», «Будильник», «Шут» и т.д.

Большое распространение на селе периодика (особенно газеты) получила во время русско-японской и Первой мировой войн. Вот что писал один из земских корреспондентов в 1905 г.: «Война расчистила газете широкую дорогу в деревню. В эти тревожные дни, когда жадно ловят каждую весточку с войны и трепетно прислушиваются к отголоскам небывалой трагедии, разыгравшейся на дальнем Востоке – в эти дни газета властно вошла в обиход самой захолустной деревни. И, конечно, многие месяцы чтения газеты бесследно промелькнули не могут. Привыкший читать, деревенский обыватель внесёт эту привычку в дальнейшую свою жизнь» [5, с. 92-93].

Одной из причин кризиса офенского промысла в конце XIX в. было ускоренное строительство железных дорог, по которым необходимый товар (в том числе и книжный) распространялся гораздо быстрее, дешевле, регулярнее и в больших количествах. Поэтому число книжных лавок в провинции в эти годы резко возросло. Такие торговые точки появились даже в деревнях и селах. Однако в Ярославской губернии на рубеже XIX-XX в. даже в некоторых уездных городах не было книготорговых заведений, не говоря уже о сельской местности. Например, крестьяне Пошехонского уезда свидетельствовали: «Книжных магазинов в Пошехонье нет, но некоторые из торговцев, между прочим, занимаются и продажей книг. Картины и книжки религиозно-нравственного содержания продаются в лавочке местного собора» [4, с. 300]. Стационарных книготорговых заведений в ярославской деревне не насчитывалось и десятка. Не будь в сельской местности распространен офенский лубочный промысел, они, естественно, не смогли бы удовлетворить запросы крестьян в чтении.

Нужно также подчеркнуть роль земских книжных складов в деле распространения книгопечатной продукции на селе. В Ярославской губернии первый земский склад был создан в 1892 г. К 1909 г. губернский книжный склад имел 4 отделения, но все они находились в уездных городах [13, с. 557]. Поэтому не следует преувеличивать возможности подобных складов в приобщении крестьян к печатным изданиям. Хотя, безусловно, они помогали комплектовать сельские земские библиотеки, снабжали учебниками начальные школы, отпускали книги офеням. В конце XIX в. появился особый тип «земских офеней», которые брали товар на этих складах. Среди них числились как профессиональные торговцы, так и учителя, врачи, чиновники, священники.

Распространением книг на селе пытались заниматься и уездные комитеты попечительства о народной трезвости. Однако их деятельность была вялой. В Ярославской губернии комитеты смогли открыть к 1906 г. всего 4 книжных склада (в Угличском уезде – 2, Даниловском – 1, Пошехонском – 1). Из них только один находился в сельской местности (село Большое Угличского уезда), т.е. ближе к читателю-крестьянину. Данный склад был лучшим в губернии, продавая ежегодно более 6500 книг и брошюр. Однако подобные показатели были скорее исключением, чаще всего организация работы таких складов оставляла желать лучшего. Иногда попечительство присылало в лавки книги без указания цен, поэтому литература лежала нераспечатанной по несколько месяцев. По этой причине продажи оставались мизерными, составляя менее тысячи экземпляров на уезд [14, с. 8].

Таким образом, бесспорным нужно признать тот факт, что ярославские крестьяне в конце XIX – начале XX в. читали немало, и необходимость в общении с книгой на селе была очевидной. Прежде всего, это касается молодежи, которая имела возможность получить начальное образование в земских, церковно-приходских и других школах. Типичным крестьянином-книголюбом выступал молодой человек, как правило, до 30 лет. Большой процент среди читателей составляли дети и подростки. «По моему мнению, - считала некая учительница Рыбинского уезда, - потребность в чтении стала значительно увеличиваться, и я нахожу, благодаря школьному влиянию. Книжки, выдаваемые ученикам для прочтения на дом, немало стали интересовать и взрослое местное население, вследствие чего несколько крестьян и крестьянок заявили ко мне за книгами» [10]. Активных читателей среди женщин было гораздо меньше. Чаще всего девушки читали до замужества, а затем с головой погружались в рутину семейных дел по воспитанию детей и по хозяйству, часто забывая азы грамоты.

Не следует думать, что старшее поколение крестьян совсем не читало. Если молодежь отдавала предпочтение песням, сказкам, историческим и приключенческим повестям, то взрослые – духовно-нравственной литературе. Интересно отношение к светским книгам одного пожилого крестьянина из Угличского уезда. «В них пишется то только, – говорил он о светских изданиях, – что мы постоянно делаем, только складно, а вот в житиях Святых – там люди убежали от суеты, а из этих книг как будто приходится учиться этой суете» [15, с. 37]. В целом же по России к 1914 г. в чтении крестьян наметился постепенный переход от изданий религиозных к светским, от житийной литературы к романам и повестям.

Не нужно полагать, что крестьяне читали каждый день и в любое время года. Безусловно, это не так. Времени для досуга у селян было немного. «Глубокая осень и зима, – свидетельствовал один из земских корреспондентов, – вот сезон чтения в деревне. В это время чтение – прямое спасение от гнетущего однообразия впечатлений, от тяжелой картины грязных улиц и часто от бестолкового безделья. Словом, досужего времени для деревенских читателей немного» [16, с. 47]. Таким образом, время досуговых занятий, прежде всего, зависело от сельскохозяйственных работ. Поэтому крестьяне чаще читали в осенне-зимний период и ранней весной.

Из всех способов распространения книги на селе, о которых шла речь выше, наибольшее значение, безусловно, имел офенский промысел. Именно через офеней русский крестьянин познакомился с лубочной книгой – самой понятной для него по содержанию и доступной по цене. Можно сказать, что коробейник свел мужика с книгой. Лубочные произведения отвечали духовным запросам крестьян, были посвящены волновавшим их проблемам. Если раньше весь мир

крестьянина замыкался в пределах общины, то теперь они осознали себя жителями определенной страны – России. Кроме того, лубочные рассказы сообщали полезные сведения по таким темам, как здоровье, работа, отношения в семье. Они приводили примеры старательности, упорства, энергичности, сообразительности и инициативности, без которых невозможно было достичь успеха, а также показывали ценности школьного образования. Через дешевые лубочные издания грамотные сельские жители получали хотя бы элементарные представления об устройстве природного мира, что приносило им авторитет и уважение среди товарищей. Поэтому следует согласиться с неким книгоношей, который записал в своем «Дневнике»: «В скором времени я отправлюсь разносить свет... Конечно, свет, да свет! Даже в этих Бовах, Ерусланах и милордах и в них есть свет» [17, с. 7]. Безусловно, прав Д. Брукс, считавший, что «даже такая элементарная информация о мире, которая содержалась в дешевой «народной» литературе, имела ценность и значение для тех, кто выбирал ее для чтения» [18, с. 98].

«Душе на спасение и сердцу в утеху», – сказал один из крестьян Рыбинского уезда, отвечая на вопрос о причинах чтения книг в деревне [19, с. 102]. С этим трудно поспорить. Основной мотив чтения у среднестатистического ярославского сельского любителя книг в конце XIX – начале XX в. был именно такой.

Вместе с тем, несмотря на произошедшие перемены, в начале XX в. патриархальные традиции в крестьянском досуге, безусловно, сохранялись. Их устойчивость обуславливалась слабым развитием сельской экономики, низким образовательным и культурным уровнем крестьянства, а также изоляцией подавляющего большинства сел и деревень от городских культурных центров.

Список литературы:

1. Богданов И.М. Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР. (Историко-статистические очерки). / И. М. Богданов. – М.: Статистика, 1964. – 195 с.
2. Рашин А.Г. Грамотность и народное образование в России в XIX и XX вв. // Исторические записки. – 1951. – Вып. 37. – С. 36-40.
3. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.). Статистические очерки / А.Г. Рашин. – М: Госстатиздат, 1956 – 356 с.
4. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Ярославская губерния. Пошехонский уезд / Авт.-сост. И.И. Шангина. – СПб: Навигатор, 2006. – Т. 2. – Ч. 1. – 607 с.
5. Книга в деревне // Вестник Ярославского земства. – 1905. – №5. – С. 90-93.
6. История книжной торговли / Под ред. А.А. Говорова. – М., 1982. – 288 с.
7. Вахтерев В.П. Внешкольное образование народа / В.П.Вахтерев. – М., 1896. – 380с.
8. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Ярославская губерния. Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды / Авт.-сост. В.Г. Холодная. – СПб: Навигатор, 2006. – Т. 2. – Ч. 2. – 551 с.
9. Сытин И. Д. Жизнь для книги. / И.Д. Сытин. – М.: Книга, 1985. – 416 с.
10. Государственный архив Ярославской области. Ф. 642. Оп. 1. Д. 23773. Л. 2, 5.
11. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева / Сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. – СПб: издательство Европейского Дома, 1993. – 472 с.
12. Флеров А.К. Сельская почта в Ярославской губернии. // Вестник Ярославского земства. – 1905. – №6. – С. 133; №7. – С. 253.
13. Веселовский Б. История земства за сорок лет / Б. Веселовский. – СПб, 1909. – Т.1. – 725 с.

14. Отчет о деятельности Ярославского попечительства о народной трезвости за 1904 г. – Ярославль, 1906. – С. 8.
15. Свирицевский А.Р. А.С. Пушкин в сельском населении и школе Ярославской губернии // Труды Ярославского губернского статистического комитета. – Ярославль, 1899. – Вып. X. – С.37-39.
16. Вестник Владимирского губернского земства. – 1901. - №9-10. – С. 47-49.
17. Книга и читатель 1900-1917: Воспоминания и дневники современников / Сост. А.И. Рейтблат. – М.: РГБ, 1999. – 205 с.
18. Брукс Д. Грамотность и печать в России, 1861-1928 гг. // Чтение в дореволюционной России: Сб. научн. тр. – М.: РГБ, 1992. – 152 с.
19. Костоловский И.В. «Отрадное явление в жизни деревни» // Вестник Ярославского земства. – 1904. – №20. – С. 102-103.

ГЛАВА 5

Проблемы безопасности в историко-культурной ретроспекции

Изучение исторических событий может осуществляться в нескольких направлениях: обучающем (для передачи знаний окружающим людям), познавательном (обнаружение в историческом описании интересных фактов), философском (анализ происходящих событий). Исторический же подход к изучению происходящего обеспечивает преемственность знаний и формирует межпредметные связи. Анализ различных аспектов пожарной безопасности в Отечественной войне 1812 г. немаловажен, поскольку именно эта война свои самые огромные разрушения перенесла по причине пожаров, через них определился патриотический настрой населения, определивший конечную победу русского народа.

Жизнь человека тесно связана с огнем, поэтому современная противопожарная безопасность – динамично развивающаяся отрасль науки и техники, постоянно внедряющая инновации. Она характеризуется востребованностью и гуманизацией. Востребованность знаний в этой области знаний определяет актуальность открытий, нововведений и усовершенствований. Гуманизация подчеркивает принадлежность науки к значению человеческой жизни, за сохранение которой люди и ведут постоянную борьбу с огнем. Современные направления развития пожарной безопасности разнообразны:

- акцент на развитии робототехники;
- переоценка последствий чрезвычайных ситуаций для предотвращения их повторения [1];
- сбор и анализ статистических данных;
- составление и утверждение специальных правил и норм на государственном и региональном уровнях и др.

На примере изучения истории пожаров, произошедших во время Отечественной войны 1812 г., можно проиллюстрировать и проанализировать соци-

альные и культурные особенности пожарной безопасности начала XIX в., оценить последствия пожара, как бедствия общегосударственного масштаба, определить историческое значение чрезвычайных ситуаций. Целью данной работы является не историческое описание военных действий на территории Российской Империи в 1812 г., а анализ причин возникновения стихийных пожаров, оценка ущерба, определение социального и культурного их значения.

Пожар – это неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства [2, с. 256]. Возникновение пожара – это совокупность процессов, приводящих к пожару [3, с. 19]. Пожары, возникающие в результате ведения военных действий, имеют более разрушительную силу по сравнению с чрезвычайными ситуациями мирного времени по нескольким причинам:

- военный пожар – это сознательное причинение ущерба территории и населению, для осуществления которого используется специальная техника;
- применение средств противопожарной обороны для ликвидации возгораний затруднительно, поскольку население и специальные подразделения осуществляют оборонительные мероприятия;
- специальная техника, применяющаяся для реализации мероприятий по противопожарной защите, по своим масштабам рассчитана на чрезвычайные ситуации мирного времени;
- площадь распространения возгорания значительно выше из-за трудности осуществления действий по локализации возгорания;
- осуществление медицинской помощи пострадавшим усложняется большим количеством потерпевших, имеющим различные виды ранений;
- рекреация территории, подвергшейся военным действиям, более длительна, так как может осуществляться только после полного прекращения военных действий.

Самые крупные сражения наполеоновских войн происходили отнюдь не на территории населенных пунктов. Естественный географический рельеф местности (например, долина реки, равнина) позволял императору французов продуманно размещать тысячи людей, осуществлять их передислокацию, видеть происходящее на поле боя в подзорную трубу. Штурм же городов затруднителен по следующим причинам:

- битва на открытой местности длится 1–2 дня, за это время уже определяется победитель, осада же городов может затянуться на месяцы;
- Наполеон рассматривал захваченные города как место стоянки и отдыха своей армии, поэтому ему было предпочтительнее привести свою армию в населенный пункт, не подвергшийся разрушению, имеющий запасы пропитания и места для проживания;
- город, не пострадавший от военных действий, представляет также и материальную ценность, его богатства реквизируются победителем.

На территории России Наполеон столкнулся с совершенно непонятной ему манерой ведения обороны – полным уничтожением социального, экономического и культурного пространства, нежеланием сохранить для неприятеля даже клочка несожженной земли, а ведь он победителем прошел через половину Европы. Его войска вынудили капитулировать сильные прусских крепости Кюстрина, Штеттин и Магдебург. В последнем городе располагался мощный 22-тысячный гарнизон, который сдался французам уже после символического обстрела из нескольких мортир [4, с. 161].

22 июня 1812 г. солдатам Великой армии было зачитано обращение императора: «Солдаты! Вторая Польская война началась... Она будет столь же славной

для французского оружия, как и Первая...» [5, с. 287]. Такими словами началась Русская кампания Наполеона, унесшая сотни тысяч жизней, разрушившая древнюю столицу и бесчисленное количество городов, сел, деревень и усадеб. Самым большим разрушениям по причине пожаров подверглись города Смоленск и Москва. Они были практически стерты с лица земли, чтобы заново возродиться из пепла в самом прямом смысле слова. Глубокое эмоциональное потрясение русского народа, наблюдающего гибель красивейших городов, вызвало мощный подъем патриотического движения, что привело к истинно народной оборонительной войне, закончившейся изгнанием Великой армии.

Оборона и пожар Смоленска

К 1812 г. Смоленск представлял собой крупный административный и торговый город-крепость. Его опоясывала высокая крепостная стена, построенная в XVI–XVII вв., высотой до 19 м, длиной 6,5 км, толщиной более 5 м с башнями [6, с. 111–112], пространства уничтоженных до этого башен были засыпаны землей или заложены бревнами, поэтому враг не смог бы пробраться в город беспрепятственно. Для упорной обороны стена вполне годилась, мешали лишь предместья, они же и стали первыми жертвами огня [7, с. 35].

В городе насчитывалось 2 517 казенных и частных домов, 27 церквей и 345 лавок. В 1804 г. наблюдательный священник Никифор Мурзакевич в «Истории губернского города Смоленска» дал интересную характеристику смолянам, сравнивая их с москвичами: «...все почти роста среднего... в поступках просты, в речах медлительнее, сложением крепки. ... Женщины деятельны, они не ограничивают себя исправлением домашней экономии, но входят во многие мужские дела, производят торги, ездят за товарами в Москву и Белоруссию» [8, с. 33]. В начале XIX в. приграничное с Белоруссией положение определяло экономическую ориентацию города на ведение торговли, осуществление транспортировки товаров из Литвы. Многочисленные барские усадьбы Смоленской губернии специализировались на ведение сельского хозяйства.

Под стенами древнего Смоленска неприятель рассчитывал дать генеральное сражение, однако, двухдневные бои 16–18 августа 1812 г. и отступление русской армии к Москве, нарушили все планы Наполеона. Подготовка к героической защите города началась еще в июне, когда Губернский Предводитель, пригласив в экстренное Собрание дворян, находившихся в Смоленске и ближайших уездах, предложил им обсудить меры для защиты и разработать вопрос о дальнейших действиях [9, с. 4]. Кроме сил регулярной армии дворянство выставляло в помощь 20 тыс. ратников, приняв на себя их обмундирование, снаряжение и снабжение провиантом на месяц. Пожертвование Смоленского дворянства было принято Александром I, а проект организации набросан им собственноручно на четвертушке простой бумаги [9, с. 5].

Смоленское ополчение, почти полностью состоящее из крестьян, находилось под начальством Главнокомандующего армией и самостоятельных действий не предпринимало, считаясь в составе действующей армии. Все ополчение было пешим. Только около 200 конных, главным образом от Вяземского уезда, образовали особый «казачий эскадрон». Ополченцам полагалось казенное вооружение, однако, ополченцы не умели владеть огнестрельным оружием, к тому же оно было очень плохого качества. Поэтому главным оружием против неприятеля стали казенные пики и взятые из дома топоры. Особой формы одежды у ополченцев тоже не было. От крестьян они отличались лишь крестами на шапках (розданных впоследствии) и наличием сапог, тогда как обычно крестьяне ходили в лаптях [9, с. 6].

Вопрос оказания медицинской помощи в регулярной армии, и особенно перед генеральными сражениями особо актуален, поскольку при ее отсутствии даже небольшое ранение может привести к летальному исходу. Медицинская же помощь в ополчении не была организована. Врачи имелись лишь при действующих войсках, поэтому заболевшим ополченцам особой помощи не оказывалось, на них смотрели не как на строевые части, а как на помещичьих людей, забота о которых должна лежать на самих владельцах. Процент заболеваемости среди партизан был чрезвычайно высок, ведь важнейшие события происходили осенью и в начале зимы. Лазаретов и госпиталей в начале военных действий в Смоленской губернии не было, и заболевшие оставались на попечение местных жителей и крестьян, а так как последние все скрывались от неприятеля по лесам, то и больным приходилось испытывать ту же участь. Имеется упоминание, что больным лечил бесплатно своими медикаментами штаб-лекарь Май, имение которого было разорено французами [9, с. 8–9].

Историки единогласны в выделении основной причины возникновения Смоленского пожара – это артиллерийская атака вражеских войск. Город, почти весь деревянный, несмотря на наличие в нем средств пожарной безопасности, запылал, а население, ответственное за тушение пожаров, было занято оборонной. Вообще, ситуация с реализацией мер противопожарной безопасности в провинциальном городе, конечно, оставляла желать лучшего, однако, для местных локальных возгораний она вполне годилась.

Ответственность за обеспечение пожарной безопасности в городе возлагалась на правоохранительные органы по охране общественного порядка. Эта обязанность исполнялась институтом губернаторов, а Смоленская губерния, как отдельное административное образование, была создана одной из первых – в 1708 г. Губернаторы заведовали городскими укреплениями, ведением судов по уголовным и административным делам, пожарной полицией, ремонтом дорог, регистрацией въезжающего и выезжающего населения, надзором за торговлей и нравственными вопросами повседневной жизни. В 1782 г. В связи с принятием Устава благочиния (иными словами полицейского) во всех городах стали создаваться управы благочиния. В состав Смоленской управы входили следующие должностные лица: городничий, подчиняемые ему приставы уголовных и гражданских дел, 2 заместителя (ратманы) и стряпчий, представлявший прокуратуру [10, с. 103]. В деятельности смоленской полиции вопросы обеспечения противопожарной безопасности занимали существенное место, поскольку города Смоленской губернии были застроены в основном деревянными зданиями, а бытовые пожары являлись самыми распространенными чрезвычайными ситуациями, причиняющими урон хозяйству. Сами полицейские принимали участие в тушении возникших пожаров, при полицейской команде получали жалование печники и трубочисты. Финансирование жалования пожарной команды осуществлялось из взносов, осуществляемых горожанами. Данная функция городской полиции сохранилась за ней и в 1785 г. после издания «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» [10, с. 106].

Еще при Анне Иоанновне в 1736 г. законодательно были определены строительные нормы, учитывающие вероятность возникновения возгорания: предписывалось строить дома на расстоянии 5 сажень (примерно 10 м) друг от друга, между домами возводить огнестойкие каменные стены, держать в каждом городском дворе минимум один колодец [10, с. 112]. С 1792 г. за счет государственной казны начали приобретать лошадей для перевозки пожарных инструментов. Лишь осенью 1802 г. в Российской Империи было высочайше повелено приступить к формированию постоянных профессиональных пожарных ко-

манд. Примером послужили аналогичные пожарные команды заграничных государств. Кадры для новых подразделений выделялись из полицейской службы.

До войны 1812 г. в Смоленске насчитывалось 74 пожарных служащих и 50 ночных сторожей. Их заработная плата выплачивалась городской думой и составляла 120 руб. в год [10, с. 116].

Однако оперативность и эффективность выполнения поручений законодательной власти в провинциальных населенных пунктах всегда была ниже, чем в столице. Например, крестьянам селений удельного ведомства было приказано на случай пожара иметь несколько крюков, по 3–4 лестницы. Пожарный инвентарь обычно хранился при церкви. Если в населенном пункте имелось несколько храмов, то инструменты разбивались по приходам. В каждом дворе около труб на крышах летом предписывалось иметь небольшие чаны, наполненные водой. Мерой предупреждения распространения пламени служила обсадка строения деревьями (согласно Указу Павла I от 1797 г.) [11, с. 48], а средством, препятствующим распространению горящего пламени, разрушение близко расположенных деревянных строений. В домах печи должны были быть с трубами и топиться не из сеней, трубы надлежало чистить еженедельно, за их чистотой следили десятские. По ночам запрещалось ходить со свечами и лучинами, а также с закуранными трубками [11, с. 50]. В целом, можно сделать вывод, что в небольших населенных пунктах основное направление средств противопожарной безопасности было направлено на предотвращение самого факта возгорания, поскольку техника тушения пожаров оставалась примитивной, и пожар уничтожал все добро, расположенное в горящем помещении.

24 июня 1803 г. Высочайшим указом Императора Александра I обыватели городов были освобождены от содержания пожарных работников, а для тушения пожаров было повелено составить особую команду из солдат, неспособных к фронтальной службе, с ежегодной заработной платой примерно 100 р. в год. В состав новой команды вошли брандмейстеры, погонщики, обоз и лошади. В первые годы своего формирования пожарная команда входила в состав полицейской службы [12, с. 17]. На нижние чины команды, кроме обязанностей по тушению пожаров, возлагалось также зажигание уличных фонарей, а брандмейстеры также следили за освещением населенного пункта.

Примерная ведомость обоза в городской команде представлена в табл. 1 [12, с. 22].

Таблица 1

Ведомость обоза в городской пожарной команде

Название обоза	Количество
Холодные трубы (большие)	11
Трубы средние с медным коробом	11
Малые трубы с коробами	22
Бочки (зимой – чаны)	33
Линейки для пожарных служителей	11
Повозки с лестницами, баграми и крючьями	11
Трубы большого размера с печами для работы зимой	5
Насосы для накачивания воды в бочки	4
Ведро для наливания воды в бочки и короба	110
Роспуски под средние трубы	11
Роспуски под бочки	33
Дровни под средние трубы	11
Дровни под малые трубы	22
Дровни под бочки	33
Большие вилы	22
Крюки (багры) большие и малые	66
Большие крючья (ломовые веревки с цепями)	22
Войлочные щиты	66
Швабры	66
Факелы	11
Топоры	528

Как видно из табл. 1, обоз пожарной команды был не только ориентирован на масштаб возгорания, но и адаптировался к климатическим особенностям Российской Империи. Пожарная команда оперативно справлялась с возгоранием, осуществляла меры по предотвращению распространения огня, оповещала о произошедшем население, т. е. выполняла все те же функции, которые возложены на нее сегодня.

На пожары, обычно, команда выезжала в следующем порядке:

1. брантмейстер верхом;
2. средняя труба;
3. 3 бочки;
4. линейка для пожарных служителей;
5. повозка с лестницами и баграми.

Модернизация пожарного дела в начале XIX в. столкнулась с трудностями организационного характера. Например, не существовало методик обучения пожарному делу, практически отсутствовали мастера, умеющие делать пожарные трубы. Только в начале 1812 г. в Петербурге было учреждено первое пожарное депо с мастерскими [12, с. 23].

Обеспечение своевременного внедрения инноваций, реализация поручений законодательной власти во многом зависят от личности руководителя территориального образования. Только долговременная и продуктивная работа руково-

дителя может привести к качественному исполнению задания. Отличительной чертой работы на должности губернатора Смоленской губернии была ее непродолжительность, что не могло не определить качество выполнения поручений императора. С 1796 по 1812 гг. губернаторы Смоленской губернии неоднократно менялись, бывали периоды, когда параллельно в губернии назначались и военные, и гражданские губернаторы [13, с. 148–184]:

1796–1798 гг. – Михаил Михайлович Философов – смоленский и псковский военный губернатор;

1797 г. – Николай Иванович Аксаков – гражданский губернатор, он занимал свой пост самое непродолжительное время (с 10 ноября по 11 декабря 1797 г.), после чего был переведен в Ярославль;

1798 г. Андрей Григорьевич Розенберг – военный губернатор;

1798–1800 гг. – Лев Васильевич Тредьяковский – гражданский губернатор;

1800–1802 гг. – Князь Иван Карлович Гика – военный губернатор;

1802–1803 гг. – Дмитрий Яковлевич Геденон – гражданский губернатор;

1803–1807 гг. – Степан Степанович Апраксин – военный губернатор и «управляющий гражданской частью», запомнился как один из самых деятельных руководителей губернии: открывал учебные заведения, организовал первую типографию губернского правления;

1804–1805 гг. – Петр Алексеевич Пенский – гражданский губернатор;

1805–1807 гг. – Франц Абрамович Фон Брин – гражданский губернатор;

1807–1820 гг. – барон Казимир Иванович Аш.

Личность губернатора Смоленской губернии, на плечи которого легла ноша по подготовке города к сражению и восстановлению губернии после ухода вражеских войск, неоднозначна. Сам долгий срок работы губернатором говорит о доверии главы государства по отношению к К.И. Ашу. Современники считали его толковым губернатором. Он постарался оперативно подготовить к эвакуации службы и ценности Смоленска. Однако неизвестность планов Барклая-де-Толли, от которого он находился в непосредственной зависимости, не дали ему возможность осуществить мероприятия по эвакуации всего необходимого. Только накануне приближения французской армии к городу Барклая-де-Толли распорядился о вывозе присутственных мест и «всего казенного». На следующий день Багратион разрешил эвакуацию чиновников. В спешке многие архивные документы были потеряны, а оставшиеся в городе погибли от пожаров. Однако губернатор сумел спасти городскую казну в размере 3 млн руб. Вместе с этим обозом Казимир Иванович покинул город и отправился в Кострому, где находился вплоть до освобождения Смоленска от французов.

Город стал готовиться к встрече с неприятелем. Поскольку вступление французской армии в пределы Смоленской губернии произошло для обывателей совершенно неожиданно, местные административные органы не успели осуществить ряд обязательных мероприятий: согласование порядка перевозки из присутственных мест различных документов, дел и архивов (вывоз документов производился поспешным образом, вследствие чего масса бумаг осталась не вывезенной и впоследствии сгорела при пожарах [9, с. 25]); осуществление мер по обеспечению противопожарной безопасности в городе, почти все здания которого были деревянными.

Неприятель наступал на Смоленск 200 тыс. войском и мощной артиллерией. Город защищало примерно 150 тыс. чел. – отряды регулярной армии а также Смоленское ополчение. Необходимость дать бой под стенами Смоленска обуславливалась тем, что это дало возможность воссоединиться Первой и Второй русским армиям под командованием Барклая-де-Толли и Багратиона. Двух-

дневные кровопролитные бои в буквальном смысле спасли отечественную армию, отвели ее на более выгодные позиции. Поэтому кровопролитная двухдневная защита города признается историками необходимой мерой в тот исторический момент.

Бой за город начался 16 августа с раннего утра и продолжался до позднего вечера – 12 ч подряд. Накануне все попытки французских отрядов проникнуть в город не увенчались успехом. Теперь сражение продолжалось перед и непосредственно на стенах города. Примерно в 3 часа дня Наполеон заметил, что 2-я армия начала отходить по Московской дороге. Он, наконец, понял, что генерального сражения не состоится, и бой за Смоленск – всего лишь отвлекающий маневр для отвода основных военных сил. Именно в этот момент французский император и отдал приказ жечь город, чем положил начало самому крупному пожару с момента начала Русской кампании.

Воспоминания очевидцев происходящего иллюстрируют жуткую картину артиллерийской атаки, штурма и возникшего пожара древней крепости. И. Орловский описал, что в 3 часа дня из бивуака Наполеона взвилась ракета, ядра и гранаты из 250 орудий, тысячи пуль посыпались на город, и «французы тучами двинулись на приступ» [14, с. 37]. Несмотря на непрекращающуюся канонаду многие горожане не только принимали участие в обороне города, но и выносили раненых, женщины приносили утомленным солдатам ведрами воду, подавали ядра. Отец Никифор Мурзакевич все с сыном обходили и причащали раненых.

Вплоть до 7 ч вечера французы не могли проникнуть в город, это вызывало сильное раздражение Наполеона, тогда он отдал приказ о тотальной бомбардировке города разрывными бомбами, после чего Смоленск запылал в огне, и отдельные очаги пожара стали вливаться в более крупные. Ф.Н. Глинка в «Описании отечественной войны 1812 года до изгнания неприятеля из России и переход за границу в 1813 году» следующими словами описывает эту жуткую картину штурма города: «Тучи бомб, гранат и чиненных ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и башни обнялись пламенем – и все, что может гореть, – запылало! Опламененные окрестности, густой разноцветный дым, багровые зори, треск лопающихся бомб...: вот что представлялось нашим глазам!... Толпы жителей бежали из огня, полки русские шли в огонь...» [15, с. 97].

В Смоленске началась паника. Ночью из города вынесли икону Смоленской Божьей Матери. Черно-багровое облако застыло над городом, из которого, вслед за отступающей армией, устремились и жители. Казаки прямо в седлах вывозили детей, бесконечные обозы загрохотали из города.

Спорным остается вопрос о причастности к возникшему пожару самих жителей города. Факт сознательного поджога отходящей армией пороховых складов бесспорен (он подтверждается и отечественными и иностранными историческими источниками), но новый очаг лишь увеличил площадь возгорания, а не явился его причиной. Воспоминания очевидцев неприятеля подтверждают факты поджогов отступающей армией и населением. Де-ла-Флиз описывал отход русской армии следующими словами: «...русские решили отступить, потеряв 12 000 человек убитыми, ранеными, пленными, и перед отступлением зажгли город со всеми его магазинами. Общий пожар охватил город...». Дюверже писал следующее: «...от семи до восьми тысяч раненых были покинуты русскими в слободе, ...они все погибли, истребленные пожаром, который их соотечественники зажгли, чтобы задержать отступление...» [14, с. 136]. В своих воспоминаниях барон Денне описывал Смоленск следующими словами: «...вид го-

рящего города, от которого скоро останутся только груды пепла, был благодаря темноте ночи еще ужаснее. Покидая город, русские подожгли его и оставили после себя только одни развалины...» [14, с. 135].

Также остается открытым вопрос тушения Смоленского пожара. По сведениям Дюверже «довольно много домов не были охвачены пламенем, были употреблены всевозможные усилия, чтобы остановить пожар» [14, с. 135]. Скорее всего это были единичные случаи. Вполне возможно, что пожар погас сам собой, невысокая этажность деревянных построек не позволяла ему продолжаться дальше.

Горестна судьба церкви Смоленска. Большая их часть была построена из камня, поэтому не была уничтожена огнем, примыкающие к ним деревянные постройки сгорали, а сами они в основном пострадали от разграбления. Несмотря на Указ епископа Иринии, изданный еще в середине июля 1812 г., об употреблении всех возможных средств для сохранения церковного имущества, ценности не были эвакуированы. Сами священники второпях пытались прятать иконы, золотые и серебряные чаши, деньги. К сожалению, большая часть этих сокровищ попала в руки неприятеля, а само здание храма использовалось для нужд вражеской армии. Ниже приведен список храмов г. Смоленска на начало кампании 1812 г., а также описана их судьба [7, с. 138–142]:

1. Летний Успенский собор – остался невредим, максимально сберег свои ценности, особо охранялся французским караулом, стал убежищем для местного населения и раненых;
2. Теплый Богоявленский собор – не сгорел, был обращен в лазарет, подвергся разорению;
3. Церковь при соборе во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи уцелела от пожара, но была разграблена;
4. Каменный двухэтажный дом с церковью во имя 12 апостолов сгорел. На архиерейском дворе уцелели некоторые постройки;
5. Храм Авраамиевского монастыря от пожара не пострадал. На верхнем этаже жили французы, на нижнем располагался хлебный склад;
6. Каменная церковь во имя Ведения во храм Пресвятой Богородицы уцелела, но была превращена в конюшню;
7. Храмы Троицкого монастыря уцелели, но подверглись разграблению;
8. Вознесенский женский монастырь не сгорел, но был разграблен;
9. Надворотная Богоматерская церковь уцелела, но была превращена в хлебный магазин, окна и иконы в ней были испорчены;
10. Нижнее-Благовещенская церковь уцелела, была превращена в хлебный магазин;
11. Покровская церковь уцелела, в ней сгорел только пол, была разграблена;
12. Георгиевская церковь – уцелела, подверглась разорению;
13. Двухэтажная Спасская церковь от пожара не пострадала, была превращена в тюрьму;
14. Одигитриевская церковь уцелела, 3 дня использовалась в качестве лазарета, затем в ней разместили русских пленников;
15. Ильинская церковь уцелела, была превращена в винный склад;
16. Казанская церковь сгорела;
17. Духовская церковь сгорела;
18. Церковь во имя Сошествия Св. Духа сгорела;
19. Кладбищенская Окопская церковь на Рачевке уцелела, была превращена в винный и хлебный склад;

20. Богословская церковь уцелела, была разграблена;
21. Свирская церковь уцелела, была разорена;
22. Деревянная Всесвятская церковь в Солдатской слободе сгорела, она не пострадала во время штурма, однако сгорела несколько дней спустя, видимо, из-за халатности;
23. Верхнее-Николаевская церковь в Офицерской слободе уцелела, служила конюшней князю Понятовскому, затем использовалась как провиантский магазин;
24. Нижнее-Николаевская церковь сгорела;
25. Петропавловская церковь сгорела;
26. Церковь Тихвинской Божией Матери на Тихвинском кладбище сгорела; церковь во имя Покрова Пресвятыя богородицы уцелела, была разорена;
27. Крестовоздвиженская церковь сгорела;
28. Кладбищенская церковь во имя Св. муч. Гурия, Самона и Авивы была повреждена ядрами;
29. Георгиевская церковь на Покровской горе использовалась для содержания пленных.

Большая часть каменных церквей Смоленска уцелела во время пожара, это было связано с тем, что строились церковные здания обособленно от строений обывателей, рядом с храмом всегда выделялось место под специальные службы и кладбище. В них хранились материальные ценности, следовательно, их защита от возгораний была приоритетной. Уже после вхождения в город неприятельских войск именно церкви стали служить самым надежным местом для хранения пропитания и организации госпиталей для осуществления медицинской помощи жертвам пожаров и военных действий.

Оказание медицинской помощи раненым в Смоленске легло на плечи вступающей вражеской армии. Как уже упоминалось, несколько тысяч русских раненых, эвакуированных из под г. Могилева и после боев под с. Красным, сгорело в Старом городе. Сравнительно небольшое количество вывезла с собой отходящая русская армия. Поэтому судьба оставшихся в стенах Смоленска была вверена неприятелю. Ларрей приводит примерное число русских и французов, собранных в госпиталях Смоленска – почти 10 тыс. человек. По его словам «русские лежали вперемежку с нашими и пользовались одинаковым с ними уходом» [14, с. 142]. Недостаток медикаментов и перевязочных средств вынуждал докторов использовать все подручные средства – в ход шла бумага из архива, в котором расположился стихийный госпиталь, пакля и тонкая береста заменяли корпию. Несгоревшие здания переоборудовались под госпитали, в них безостановочно проводились операции. Предметом особой гордости медиков было то, что, несмотря на отсутствие медикаментов, все операции были сделаны в течение первых суток после ранения. Обеспечение раненых ежедневным рационом также было возложено на французскую сторону, но в связи с отступлением русской армии и массовым поджогом окрестных сел и деревень, эта задача была трудновыполнимой. То малое, что осталось в сгоревшем городе, было разграблено солдатами.

Пострадавшие (и русские, и французы) имели огнестрельные ранения, заражения крови, ожоги тела и дыхательных путей, отравления токсичными веществами, возникающими в процессе термодеструкции твердых материалов. Отравлениям подвергались и мирные жители, проводившие эти страшные сутки в пылающем городе, и солдаты, вынужденные вести оборонительную или наступательную операцию в окружении горящих построек. Воздействие частиц пыли при пиковых концентрациях уменьшает скорость ее выведения из легких.

Установлено, что при вдыхании запыленного воздуха действие пыли носит накопительный характер. Попадание пыли в легкие зависит от свойств частиц, скорости и направления движения воздуха в зоне дыхания. Также немаловажным является тот факт, каким способом осуществляется дыхание: через нос или через рот. Значительная часть пыли (90 %) задерживается слизистой оболочкой носа, носоглотки, трахеи, бронхов по мере прохождения ее по дыхательному тракту. Другая часть проникает в нижние дыхательные пути и там задерживается. При длительном воздействии пыли на дыхательные пути, сопровождающемся высокой температурой вдыхаемого воздуха, уменьшается защитное действие слизистой оболочки, что приводит к изменениям в верхних дыхательных путях [16, с. 17–19]. Это означает, что в медицинской помощи нуждались буквально все люди, находящиеся внутри горящего города, а не только те, кто получил внешние увечья.

К сожалению, пожары в городе не прекратились, но теперь их причиной стала не артиллерийская бомбардировка, а несоблюдение правил пожарной безопасности, халатность и умысленные поджоги. В дневнике священника Н.А. Мурзакевича упоминаются отдельные возгорания, случившиеся уже после вхождения войска неприятеля и не относящиеся к ведению военных действий [17, с. 33–40]:

- 19 августа повар одного французского генерала зажег деревянную избу, в результате чего сгорело 7 купеческих дворов и каменных лавок Одигитриевского прихода;
- 23 августа в Вознесенском приходе и Богословской слободе было выжжено 10 дворов, но Вознесенский девичий монастырь не сожгли;
- 26 августа ночью сгорел дом Як. Текоцкого и деревянная кладбищенская церковь Всех Святых;
- 6 сентября в результате неумелой работы хлебопеков в Казанском приходе выгорело 5 дворов. Французы не умели топить русскую печь: они полностью набивали ее дровами, не открыв как следует трубы, что приводило либо к их смерти от угара, либо к новому пожару;
- 8 сентября на Егорьевском ручье сгорели дома Денгуба и Сухинова. Они были подожжены харчевником, который не понес за это никакого наказания, поскольку в нем очень нуждался его полк;
- 10 сентября у Одигитрии сгорела баня кондитера Саввы Козлова;
- 19 сентября в Солдатской слободе сгорел двор – французы праздновали взятие Москвы.

Оставление армией неприятеля Смоленска вызвало последнюю волну пожаров. Удивительно, что в практически уничтоженном городе, в котором за время французской оккупации не производилось никакого массового строительства, оставались здания, которые вражеские солдаты намеревались предать огню. Теперь мотивом поджогов стала месть за потери под Бородином, оставление Москвы, голод и прочие лишения, которые принесла им так радужно начинающаяся Русская кампания. 16 ноября раненые французы зажгли каменный архиерейский дом, уходившие из города поляки рассыпали по полу порох и поджигали его [17, с. 39]. В ночь на 17 ноября сгорел Магистрат с архивами и всеми Смоленскими привилегиями, дарованными городу чужеземными захватчиками, их пренебрежительно забыл сберечь градский голова [17, с. 40].

Выпиющим актом вандализма, уже совершенно неоправданного, стал приказ Наполеона подорвать крепостные стены гордого города. Проходя снова через сожженный Смоленск, оставляя его уже навсегда, окруженный голодной и раздетой армией, поверженный император отдает приказ о взрыве древней кре-

пости. 9 башен взлетели на воздух. 18 ноября население ждало все новых взрывов башен. Герой Смоленска Горихвостов успел обезвредить взрывные устройства у 8 башен, ему также удалось вынуть из подкопов до 15 бочек пороха.

Наполеон покинул Смоленск, но его соотечественники, оставшиеся в стенах города, продолжали поджоги. 19 ноября раненые французы сожгли у Свирской церкви каменный дом купцов Хлебниковых, 20 ноября сгорел дом Николаева. 22 ноября на улицах было велено расжигать костры для «наводу от заразы» [17, с. 40], начался долгий этап уборки города от тысяч трупов.

Основными причинами гибели Смоленска от пожара являются:

- отсутствие мероприятий по осуществлению мер противопожарной безопасности накануне вторжения неприятельских войск;
- практически повсеместная плотная деревянная застройка города;
- мощная артиллерийская атака, продолжавшаяся более 12 часов;
- невозможность локализации и тушения возгораний, возникающих в различных частях города во время хода боевых действий;
- сознательное сожжение уцелевших пороховых складов отступающей русской армией;
- отсутствие действий по оперативному тушению возникших очагов пожара;
- умышленные и случайные поджоги в связи с несоблюдением правил пожарной безопасности в быту.

Вступив в стены города, неприятель не позаботился даже прекратить возникший от бомб пожар, уничтоживший почти весь город, не говоря уже об имуществе, которое было разграблено. Ввиду недостаточности топлива солдаты жгли костры из бумаг, взятых в разных присутственных местах, а из планов, найденных в чертежной, устраивали навес для защиты от солнца. Следствием этого явилась утрата очень многих важных документов и архивных дел. По произведенному подсчету из 2 250 домов было сожжено и разорено 1 988, 317 лавок, разных заводов и промышленных заведений около 200. Убыток от пожара, подсчитанный позже, составил 6 292 396 руб. [9, с. 27].

После окончания оккупации в Смоленске остались целыми лишь каменные дома, принадлежащие следующим помещикам:

- 1) Анне Повало-Швйковской;
- 2) Марии Корсаковой;
- 3) Елизавете Шевандиной;
- 4) Ивану Мезенцеву;
- 5) Афанасию Сомову (Офицерская слобода 1-я линия);
- 6) Малолетним Вонлярлярским;
- 7) Марии Пасек;
- 8) княжнам Елизавете и Екатерине Богдановым Друцким-Соколинским;
- 9) Аграфене Филипповой;
- 10) Ивану Максимовичу Шембель.

Для приведения города в благообразный вид владельцев этих домов после окончания Отечественной войны обязали особой подпиской о скорейшем их исправлении, но все вышеперечисленные помещики от этого отказались, ссылаясь на недостаток средств и отказ правительства в выдаче на это ссуды или пособия [9, с. 27–28]. Число владельческих и крестьянских домов, сожженных и разоренных в Смоленской губернии, представлено в табл. 2.

Сведения, представленные в табл. 2, показывают, что в среднем на территории Смоленской губернии было уничтожено около 78 % владельческих и 55 % крестьянских домов. В ряде уездов (Смоленском, Вяземском, Поречском, Юхновском) уничтожению подверглось более 90 % владельческих строений. По-

речский уезд, как ближайший к Витебску, все время был наполнен французскими отрядами, которые забирали последнее и разоряли селения; поэтому в нем после окончания военной кампании почти не осталось ни одной помещицкой усадьбы, и 163 деревни были сожжены дотла. Крестьяне, объединенные оставшимися помещиками, одними из первых образовали партизанские отряды, вооруженные пиками и отбитым у неприятеля оружием

Таблица 2

Сведения о сгоревших и разоренных владельческих и крестьянских домах [9, с. 51]

Уезды и города Смоленской губернии	Число домов				Уничтожено в %	
	До нашествия		Сожжено и разорено			
	Владельческих	Крестьянских	Владельческих	Крестьянских	Владельческих	Крестьянских
Смоленский	548	5611	533	4748	97	85
Дорогобужский	251	7495	100	2255	40	30
Вяземский	198	7376	192	7376	97	100
Гжатский	60	11765	56	8111	93	69
Краснинский	–	–	62	389		
Ельнинский	521	7206	227	132	44	2
Поречский	187	2455	187	2455	100	100
Рославльский	137	1817	34	668	25	37
Сычевский	114	5672	66	987	58	17
Духовщина	413	4352	246	3951	60	91
Белый	–	–	–	–		
Юхнов	30	2305	28	227	93	10
ИТОГО:	2459	56057	1941	30589	78	55

[9, с. 26]. Сами помещики поджигали свое имущество, уничтожали урожай, уводили скот, оставляли после себя пепелище, не дающее вражеской армии приюта и пропитания. Уцелевшие строения усадеб и простые крестьянские избы служили для временного пристанища обеим армиям. Подчас в них оставляли раненых, рядом хоронили умерших, там находили приют бежавшие из сгоревших усадеб, устраивались партизанские засады (солдаты отступающей французской армии могли приблизиться для пополнения продовольственных запасов). Эти островки жизни постоянно подвергались опасности, однако их существование спасло тысячи жизней.

Относительно молодая структура пожарной охраны, общая ситуация в городе, отсутствие людских ресурсов, занятых тушением возникающих возгораний – все вышеперечисленное определило невозможность борьбы с возгораниями в течение 2 суг штурма Смоленска. Вступление в город неприятельских войск, уставших и искавших на развалинах пропитание и кров, не спасло город от разрушения и разорения.

Пожар Москвы

Москва стала самым крупным городом, пострадавшим от пожаров осенью 1812 г. В отличие от Смоленска, под стенами города не велось боевых действий, и он не подвергался артиллерийской атаке. Однако пожар древней столицы определил ход всей Русской кампании Наполеона. До московского пожара французская армия, несмотря на огромные потери, ощущала себя победительницей. Пожар определил все последующие трудности, с которыми столкнулась уходящая неприятельская армия: сгоревший город не дал возможности разместить войска на зимние квартиры, не обеспечил кровом и пропитанием тысячи солдат, усилил разложение внутри многонациональной армии. Потеря в огне города подобного масштаба воодушевила московское ополчение, подняла патриотизм русского народа на небывалую высоту, что впоследствии и определило победу русского народа.

В Москве, как и в Санкт-Петербурге, была образована самая новаторская на тот исторический момент система противопожарной безопасности. Это, прежде всего, определялось, социальным, культурным и экономическим значением города. Конечно, пожары сопровождали историю города, однако, в начале XIX в. технология борьбы с этим бедствием приобрела государственное значение – город был сосредоточием материальных ценностей, сохранение которых было возложено на государственную власть. К 1812 г. в Москве функционировало 20 профессиональных пожарных частей, в каждой из которых постоянно дежурили специалисты, а личный состав пожарных доходил до 1 500 сотрудников. Интересен факт пополнения лошадьми пожарных частей, ведь до появления автомобильного транспорта перемещение населения и грузов по суше осуществлялось лишь гужевым транспортом. Пожарные подразделения пополнялись лошадьми тех граждан, которых оштрафовывали за неосторожную езду по улицам города. Московской пожарной охраной руководил брандмайор, во главе каждой пожарной части стоял брандмейстер.

Основным средством тушения пожаров являлась заливная труба, снабженная наливным ящиком (коробом), который наполняли водой. Подача основного тушащего средства – воды – требовала больших физических усилий, поэтому обслуживание одной пожарной трубы требовало участия примерно 50 чел. 12 чел. качали коромысла нагнетательного механизма (насоса), 8 чел. обслуживали выкидные рукава и ствол, остальные, выстроившись рядами, подносили к трубе воду ведрами. Дальность действия водяной струи в самых мощных трубах достигала 20 м, в среднем она равнялась 10 м. Первые фабрики по производству пожарных труб появились именно в Санкт-Петербурге и Москве, на них осуществлялось не только производство, но и обучение технологии производства пожарного оборудования мастеров из других губерний. Поэтому к осени 1812 г. в Москве было сосредоточено 96 больших и малых пожарных труб. Эта цифра не включает число труб, хранившихся у богатых домовладельцев. Государственная власть была заинтересована в качественном тушении и предупреждении возгорания.

Подобная слаженная система противопожарной безопасности появилась благодаря принятию нормативных актов, касающихся охраны не только частного сектора. Крупный город, естественно, имел на своей территории и заводы, и фабрики, и общественные склады. В 1782 и 1799 гг. издаются указы, определяющие специальные правила пожарной безопасности у городских амбаров [11, с. 119]. Подобные склады являлись сосредоточением городского продовольственного и непродовольственного добра, поэтому их охране и защите от огня также придавалось большое значение. Амбарные инспектора были обязаны круглосуточно осуществлять надзор за территорией, проверять наличие и

пригодность пожарных инструментов. В случае пожара в непосредственной близости от амбаров следовало употреблять все меры для нераспространения пламени на территорию складов. Рядом с охраняемой территорией было запрещено разводить костры, зажигать свечи, ставить самовары и даже курить табак. На деревянных крышах всегда должны были стоять кадки с водой, а печные трубы регулярно прочищаться.

Подобные качественные преобразования в сфере обеспечения пожарной безопасности такого крупного города, как Москва, конечно, являются результатом оперативной и последовательной работы всего московского аппарата чиновников. Государственная важность сохранения от пожара московских ценностей активно осознавалась жителями, которые старались беречь строения от огня. На фоне большого количества должностных лиц, оказавшихся на ответственных постах летом 1812 г., особо выделяется фигура графа Федора Васильевича Ростопчина – военного губернатора Москвы, которому приписывают ответственность за возникновение пожаров во время нахождения в городе армии неприятеля.

Граф Ф.В. Ростопчин (1763–1826) происходил из старинного дворянского рода. Первую половину своей жизни он посвятил военному служению – принимал участие в русско-шведской войне 1788–1790 гг., в русско-турецкой войне 1787–1791 гг., был при штурме Очакова, битвах при Фокшанах и Рымнике, заслужил особое расположение Павла I, с 1796 г. генерал-адъютант, с 1812 г. генерал от инфантерии. Попад в немилость в 1801 г., был отправлен в отставку с приказанием выехать в свое подмосковное имение в с. Вороново. Отдалившись от военных дел, активно занялся сельским хозяйством, часто писал императору Александру I, не любившему его, предлагая всестороннюю помощь и свои услуги в любом качестве. Его назначение на пост генерал-губернатора Москвы состоялось в мае 1812 г., то есть всего за 4 месяца до разрушительных московских пожаров, однако именно этому человеку и предназначалась та роль в истории, которая до сих пор овеяна тайнами и легендами. Граф Ростопчин был незаурядным, очень запоминающимся человеком. Его отличительными чертами была образованность (он свободно говорил по-французски, был исключительно эрудирован), общительность, даже словоохотливость, он сразу оказывался в центре внимания, запоминаясь современникам своими острыми высказываниями. Еще сама Екатерина II наградила его прозвищем «сумасшедший Федька» за острословное ерничание. Среди личных качеств окружающие отмечали его честность и искренность, он старался всячески оказывать помощь и никогда не забывал о просьбах людей, к нему обращающихся. Его супружеская жизнь также была неоднозначна – супруга Екатерина Петровна тайно перешла в католичество и пыталась склонить к этому детей [18, с. 328–329].

Перед графом, как генерал-губернатором, стояла непростая задача – в момент общего хаоса, удаления от императорского двора, в непосредственной близости от линии фронта организовывать жизнь в огромном городе. Именно в этот поворотный момент истории Федор Васильевич и постарался максимально проявить всю неординарность своего характера. Сложно судить о поступках человека, не зная конечного результата его действия. То, что современникам накануне вторжения Наполеона в город казалось смешным и нелепым, оказалось очень полезным впоследствии. Ведь Москва, несмотря на всеобщий пожар, не похоронила под собой москвичей, как это случилось с жителями Смоленска. Пожар, о причинах возникновения которого спорят уже 200 лет, уничтожил строения и ценности, но сохранил жизнь и поднял моральный и патрио-

тический дух москвичей. Не стоит также забывать, что восстановлением города после пожара занимался также граф Ростопчин, и делал он это последовательно и основательно, требуя вкладывать средства не в возведение исторических монументов, а в оказание конкретной помощи. Сам губернатор, кстати, открещивался от своей причастности к пожару, он даже издал в Париже книгу «Правда о пожаре Москвы», в которой последовательно, пункт за пунктом доказывал свою невиновность в гибели города от огня. Поэтому даже спустя 200 лет найти эту самую правду тяжело, следует обратиться к конкретным делам Ф.В. Ростопчина, ведь сама история доказала, что его «нелепые действия» привели к спасению многих тысяч жизней, ценность которых гораздо выше материальных.

Основными задачами военного губернатора в те непростые дни были следующие: подготовка города к обороне (в случае сражения за Москву); осуществление эвакуации ценностей, архивов и присутственных мест; подготовка складов с пропитанием и боеприпасами; эвакуация населения, неспособного принимать участия в обороне Москвы. Политическая ситуация после Бородина менялась ежечасно. Решение о сдаче Москвы было принято буквально накануне вступления войск неприятеля. Надо отметить, что со своей задачей военный губернатор справился.

По отчету П.А. Ивашкина от 20 января 1812 г. население Москвы составляло 270 184 чел., по полицейской «Ведомости» 275 281 чел. [19, с. 13]. Примерно 56 % населения города составляли дворовые и помещичьи крестьяне, а также крестьяне казенные, около 7 % - воинские чины, расквартированные в Москве, 2 % - рабочие. Иными словами, основная часть населения вверенного губернатору города была неграмотна, несвободна в своем передвижении, суеверна и склонна к панике. Современникам граф Ростопчин запомнился своими «афишками», которые цитировались на всех углах. Они были написаны простым, понятным всем языком, вызывали смех, способствовали успокоению населения, укреплению веры в неприкосновенность города. Первая такая «афишка» повествовала о мешанине Корнюшке Чигирине, который вел диалог с самим Наполеоном Бонапартом следующими словами: «Полно тебе фиглярить...вить солдаты твои карлики да щегольки...от капусты раздуются, от каши перелопаются, от щей задохнутся, а которые в зиму то и останутся, так крещенские морозы поморят...». Такими простыми словами он обращался к тем, на чьи плечи, вполне возможно, могла лечь вся тяжесть защиты Москвы от неприятеля, поскольку судьба города до последнего момента оставалась неясной. У крестьян не было подвод и телег, на которых они могли бы выехать из города и вывести свое имущество, которое также ценностью не отличалось. Зажиточная же часть жителей стала покидать город еще в июле 1812 г., вывозя, по возможности, все свое добро. Обращаясь с юмором к жителям, он одновременно пишет главнокомандующему Кутузову: «Извольте мне сказать, твердое ли вы имеете намерение удержать ход неприятеля на Москву и защищать град сей?» [20, с. 5]. Как видно, никакого фиглярства и шуточек, лишь забота о вопросе начала эвакуации.

Враг приближался к древней столице, а настроение обращений Ростопчина к народу становилось все бодрее: «Все у нас в Москве хорошо и спокойно! Хлеб не дорожает, и мясо дешевлеет...». И одновременно он руководит вывозом из московских архивов документов, материальных ценностей, церковных святынь, а также собирает ополчение.

Иностранцы, жившие в Москве, не любили графа Ростопчина. Они говорили, что он только по своей воле выслал на барках многие семьи французов –

почтенных и уважаемых в городе граждан [20, с. 91]. Однако высылка из страны представителей определенных национальностей и сегодня считается первой политической мерой в случае угрозы от родной страны высланных. Каждый иностранец подозревается в шпионаже в пользу вражеского государства.

Отдельно необходимо остановиться на истории с «секретным оружием», о котором говорила вся Москва, в чудесное изобретение которого верили одни и над которым потешались другие, в ней до сих пор остается много загадочного. Изготовлением воздушного шара занимался немец Ф. Леппих, данное устройство предполагалось выставить против французской армии, «на котором 50 человек полетят, куда захотят, и по ветру, и против ветра; а что от него будет, узнаете и порадуйтесь» - писал в своей афишке губернатор. Испытания данный объект не прошел, он с трудом поднял двоих и практически не поддавался управлению, однако именно большой летящий предмет видели многие очевидцы накануне вступления французов в Москву, падение которого вызвало взрыв и пожар. Аббат Сюгюр рассказывал: «В самый день эвакуации из Москвы...огненный шар, который взорвался в Яузской части, казался, подавал жителям сигнал» [21, с. 79]. Также из воспоминаний Сегюра: «В первую же ночь...огненный шар опустился на дворец князя Трубецкого и сжег его. Это был сигнал. Тотчас же после этого загорелась биржа...» [20, с. 418].

Губернатор Ростопчин еще в середине августа рассылает указания по эвакуации ведомств и служб, анализирует количество транспортных средств и сроки вывоза имущества. Например, Вотчинному Департаменту было направлено следующее: «Вотчинный Департамент должен уложить все дела свои и иметь оные в готовности к отвозу в безопасное место...а нужное количество лошадей на отвоз сих дел...сам бы от себя спросил от Московского гражданского губернатора» [20, с. 126].

Эвакуация населения – самый серьезный вопрос при любом чрезвычайном происшествии, тем более, когда идет речь о городе с населением примерно 270–280 тыс. чел. Необходимо отметить, что аристократия и помещики имели беспрепятственную возможность покинуть Москву, увезя с собой своих крепостных, поэтому уже в августе из города потянулась длинная вереница карет, телег и подвод в провинцию. Обычно при здании оставалось несколько человек простого происхождения, на которых возлагалась обязанность сторожить здание от мародеров. Ростопчин пишет в своем печатном объявлении: «А я рад, что барыни и купеческие жены едут из Москвы для своего спокойствия. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить и мужей, и братьев...» [20, с. 127]. Другими словами, он не препятствует выезду из города женщин и детей, прекрасно осознавая опасность для их жизни в случае вооруженного взятия Москвы, но задерживает в нем мужчин, способных город защитить. Тем же числом подписано письменное приказание Московскому Магистрату, чтобы он не выдавал паспортов людям купеческого и мещанского сословия, кроме женщин и детей [20, с. 128]. Нельзя сказать, что данное решение противоречит здравому смыслу в сложившейся чрезвычайной ситуации. Уже накануне сдачи Москвы, когда в дер. Фили было принято столь трудное решение, Ростопчин оповещает оставшихся жителей о грядущей опасности и многотысячная группа людей покидает столицу, вместе с которой уезжает из города и градоначальник. Можно сделать вывод, что все желающие покинуть город имели подобную возможность. Из отечественных и французских источников видно, что в городе остались только те жители, которые не могли его покинуть по личным причинам – не покинула Москву большая группа иностранцев (примерно 10 тыс.

чел.), ждавших французов как освободителей; осталась дворня, охраняющая дома владельцев.

Особую группу оставшихся в городе составляли так называемые поджигатели – люди, на которых возлагают ответственность за разрушительный пожар, настигший армию Наполеона в Москве. Крупный пожар – единственный способ быстрого уничтожения или ослабления противника, тем более столь многочисленного, как императорская армия. Увидев пустой огромный город, вражеская армия будет прежде всего думать об отдыхе, а не о поддержании бдительности, тем более, что в Москве остались нетронутыми винные склады, и иностранцы не знакомы с топографией населенного пункта. До сих пор не опубликовано ни одного официального подтверждения распоряжений Ростопчина о выводе из строя системы пожарной безопасности города. Однако, желающие потушить начавшееся возгорание столкнулись с полным отсутствием в городе пожарных труб и выведенными из строя насосами. Во многих домах в печи был засыпан порох, в помещениях лежали кучи соломы, способные быстро воспламениться.

Считается, что поджигателями города выступали московские преступники, выпущенные накануне входа в город французской армии, с приказанием поджигать строения. Данная мера не нова и часто использовалась во время войн – люди, которым уже нечего терять, могут ценой своей жизни стать национальными героями. Сержант полка фузилеров-гренадеров Молодой гвардии Бургонь описал встреченных им «людей с длинными бородами и зловещими лицами», несущих свои факелы, и поджигающих строения [20, с. 265]. Арестованные поджигатели давали свои показания специальной военной комиссии, они говорили о выполнении ими приказа военного губернатора Ростопчина и начальника полиции Ивашкина. В течение всех дней страшного пожара задерживались поджигатели, теперь среди них оказывались и агенты полиции, переодетые казаками, чиновниками и семинаристами [20, с. 465]. Историки практически все единогласны в запланированном характере Московского пожара. Сегюр в своих воспоминаниях писал, что от Москвы не скрывали ее участи: «Ночью эмиссары стучали во все двери и предупреждали о пожаре. Зажигательные снаряды были вложены во все подходящие отверстия и в особенности в лавках, крытых железом, в торговом квартале. Пожарные насосы были увезены» [20, с. 404].

Подробное описание пожара, 2–8 сентября 1812 г., дается во многих научных трудах и воспоминаниях современников, в рамках настоящей работы поднимается вопрос о причинах, средствах ликвидации и последствиях этого бедствия.

Основными причинами московского пожара являются:

- намеренный поджог строений специальными поджигателями;
- отсутствие средств пожаротушения;
- сухая ветреная погода, не препятствующая распространению пламени (пожар полностью прекратился лишь с началом дождя);
- неумелое и неоперативное тушение строений;
- халатное отношение к вопросам пожарной безопасности во время пребывания иностранной армии в городе.

Перед вступлением французской армии в городе осталось примерно 10 тыс. жителей [19, с. 23], (всего город до войны обслуживало 1 500–2 000 специалистов пожарной охраны), т. е. числа жителей вполне бы хватило для тушения возгорания. Но большинство оставшихся составляли иностранцы, ожидавшие армию Наполеона как освободителя, и дворовые и помещичьи крестьяне,

оставленные для охраны барского имущества. Вышеперечисленные социальные группы не были заинтересованы в оперативном тушении возгорания. Поэтому первыми на борьбу с пожарами бросились солдаты императорской армии, они же первые и обнаружили отсутствие средств пожаротушения. Из донесения А.Д. Бестужева-Рюмина министру юстиции: «...Огонь сильно действовал круг Кремля, и Троицкая башня с часами уже выгорела, в рассуждении чего все старой гвардии солдаты..., коих было 5 000 человек высланы были к потушению огня» [20, с. 145]. Из воспоминаний москвича француза Вильфора: «В ночь с понедельника на вторник вспыхнул пожар – сначала на солянке, у ворот Воспитательного дома, но был потушен через несколько часов... Яузский же пожар был окончательно прекращен по приказанию Неаполитанского короля, который поместился в доме Баташева и желал обезопасить себя там» [20, с. 221]. Видя нежелание местных жителей спасать свои собственные дома, сами французы переставали бороться со стихией, что привело к соединению очагов пожара в более крупные, их тушение уже становилось опасным для жизни.

Пожар не дал вражеской армии комфортное размещение, но не лишил ее продовольствия. Большая часть хозяйских продовольственных припасов располагалась в погребах и подвалах, которые пострадали гораздо меньше строений, так же они годились и для проживания. По воспоминаниям сержанта Бургонья после пожара в городе оставалось еще достаточно жилищ для размещения армии, даже не используя подвалы [20, с. 262]. В самих подвалах помещались склады с продовольствием и большим ассортиментом алкогольных напитков [20, с. 282], потребление которых ослабевало бдительность военных в вопросах пожарной безопасности.

Всего в 1812 г. кроме церквей, монастырей и дворцовых зданий сгорело 6 532 дома из 9 158, бывших до пожара (70 %); из общего числа 2 567 каменных домов – 2 041 (77 %); из 6 591 деревянных домов – 4 491 (68 %); из 237 приходских церквей – 122 (51 %) [19, с. 30]. Большая часть центра Москвы и Немецкой слободы, где больше всего бушевало пламя, были застроены каменными строениями, этим и объясняется высокий процент сгоревших каменных домов.

Разрушительный пожар, ознаменовавший начало пребывания вражеской армии в Москве, наложил отпечаток на все время нахождения армии неприятеля в городе. Уже покидая древнюю столицу, Наполеон отдает приказ взорвать Кремль, в результате чего были разрушены Водовзводная, Петровская и 1-я Безымянная башни, а также стена от Беклемишевской до Спасской башни.

Пожары Смоленска и Москвы в 1812 г. имели важное историческое значение в ходе Отечественной войны. Разные по причине своего возникновения, имеющие различные разрушительные действия, они обозначили патриотичный подход к ходу войны, мобилизовали население, подняли самосознание русского народа на такую высоту, на которой потеря имущества и ценностей уже не воспринималась как бедствие. Смоленск принял на себя артиллерийский штурм, а Москва запылала без ведения боевых действий. Население Москвы во время вражеской оккупации практически полностью состояло из солдат императорской армии, оставшихся в городе иностранцев и немногочисленных людей низкого сословия, (Ростопчин организовал эвакуацию раненых из госпиталей) в отличие от большого количества русских, оставшихся в стенах Смоленска. Разрушительный пожар Смоленска свирепствовал 2 дня, но пощадил большую часть крупных каменных строений (церквей), сыгравших жизненно важную роль в обеспечении безопасности мирного населения. Население же Москвы во время пожара, видя огромное пространство города, просто покидало горящие участки, спасаясь в негоревших районах. Москва, бесспорно, была лучше под-

готовлена к эвакуации, поэтому большая часть архивов и ценностей была возвращена в город после отступления вражеской армии. Система пожарной безопасности Москвы была на более высоком профессиональном уровне, выведение этой системы из строя как раз и определило невозможность препятствовать распространению разрушительного пламени.

После окончания Отечественной войны 1812 г. в системе пожарной безопасности произошли существенные изменения. Градостроительство приобрело государственную важность, Смоленск и Москва стали застраиваться уже с учетом новых норм пожарной безопасности. Впервые появилась система обучения пожарной безопасности и технике обращения со средствами тушения пожаров.

Перед лицом общего бедствия – пожара – происходит объединение людей различных социальных групп, сословий и вероисповеданий. Подобное единоначалие подчеркивает смелость, патриотизм, самопожертвование. Пожары Отечественной войны 1812 г. – показательный пример преобразования общенационального бедствия во всенародную героическую войну.

Список литературы:

1. Авдеева А.А. Современная пожарная безопасность – актуальность, гуманизация и пути развития // *Материалы VIII международной научно-практической интернет-конференции «Проблемы и перспективы развития науки в начале третьего тысячелетия в странах СНГ. 2013 г.*
2. *Пожарная безопасность. Энциклопедия.* — 2-е изд., испр. и доп. — М.: ФГУ ВНИИПО МЧС России, 2010. — 476 с.: ил.
3. *Терминологический словарь по пожарной безопасности / Сост. М.С. Васильев, Н.В.Бородин.* — М.:ФГУ ВНИИПО, 2001. — 226 с.
4. Соколов О.В. *Битва двух империй. 1805–1812.* — М.: Астрель; СПб: Астрель-СПб, 2012. — 730 с.
5. Лашук А. *Гвардия Наполеона. М.: Изографус, ЭКСМО, 2003.* — 800 с.
6. Троицкий Н.А. *1812. Великий год России.* М.: Мысль, 1998, 348 с.
7. Грачев В.И. *Смоленск и его губерния в 1812 г.* Смоленск: Государственный архив Смоленской области, 2008, 192 с.
8. Вороновский В.М. *Отечественная война 1812 года в пределах Смоленской губернии, 1912.* — 428 с.
9. Лесли И.П. *Дворянское ополчение 1812г.* Смоленск: Губернская типография, 1912. — 62с.
10. Купченко К.В., Никитина Н.В. *История городского управления на Смоленщине в XVIII – первой половине XIX в. Монография.* Смоленск: Маджента. 2011. — 244 с.
11. Чехов А. *Исторический очерк пожарного дела в России.* СПб: Типо-Литография Р. Галике, 1892. — 196 с.
12. *Пожарное дело в Санкт-Петербурге. Исторический очерк.* С.-П.: Северная Электротепчатня, 1903. — 119 с.
13. Кононов В.А. *Смоленские губернаторы 1711–1917 г.* Смоленск: Маджента. 2004. — 400 с.
14. Федоров И.В. *Смоленск и его герои в 1812 году. Сборник стихотворений, рассказов и статей.* С.-П.: Губернская типография, 1912. — 153 с.
15. *Письма русского офицера. Мемуары участников войны 1812 года.* М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2012. — 416 с.
16. Пылевая динамика в угольных шахтах / С.Б. Романченко, Ю.Ф. Руденко, В.Н. Костеренко. М.: Изд-во «Горное дело» ООО «Киммерийский центр», 2011. — 256 с.
17. *Дневник священника Никифора Адриановича Мурзакевича 1776–Смоленск: «Годы», 2005.* — 60 с.

18. Федорченко В.И. *Императорский дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий.* Красноярск: Бонус, М.: Олма-Пресс. 2003. Т. 2.

19. Сытин П.В. *Пожар Москвы в 1812 году и строительство города в течение 50 лет. Под обрещ редакцией И.С. Романовского.* М.: Московский рабочий, 1972.

20. Васькин А.А. *Москва 1812 года глазами русских и французов.* М.:Издательство «Спутник+», 2012. 528 с.

21. Аскиноф С. *Московские французы в 1812 году. От московского пожара до Березины.* М.: Кучково поле. 2012. — 192 с.

Раздел 2

НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

ГЛАВА 6

Совершенствование концепции принципа правопреемства в гражданском праве

Многовековое развитие гражданских правоотношений вывело на первый план их имущественную сторону и привело к тому, что субъективное гражданское право и юридическая обязанность могут отделяться от своего носителя и становиться оборотоспособными. Как верно отмечает Б.Б. Черепяхин, с проблемой изменения субъективного состава правоотношений непосредственно связана проблема правопреемства [1, с. 311]. Ведь правопреемство обеспечивает стабильность правоотношений, «отвечает» за существование и динамику последних при изменении субъективного состава, что практически идентично движению гражданского оборота. Сам принцип непрерывности гражданского оборота требует также в определенной степени непрерывности его субъектов. Именно это и обеспечивает правопреемство.

Сегодня в цивилистике под правопреемством принято считать переход субъективных прав и обязанностей от одного лица (правопредшественника) к другому (правопреемнику) [1, с. 79; 2, с. 12; 3, с. 88]. К сожалению, такое понятие отображает лишь внешнюю сторону явления правопреемства, его отдельную часть, тогда как определение понятия должно охватывать саму сущность явления, явление в целом, внутреннюю связь явлений.

Следует отметить, что в современной литературе еще не в достаточной степени разработан вопрос о признаках правопреемства как сущности самого явления преемства. Авторы лишь ограничиваются общими фразами и формулировками. Исключением является выделение признаков наследственного правопреемства как разновидности правопреемства вообще. Очевидно, что по одному частному явлению, познать сущность более широкого и объемлемого не представляется возможным.

Познание сущности идет от явлений путем отсеечения второстепенного, особенного, до выделения *общего*, т.е. того, что является *неизменным* для всех явлений этой совокупности (курсив мой – В.В.). Сущность как общее для всех явлений отображает глубинные связи и отношения. Именно поэтому посредством

выделения признаков правопреемства можно понять сущность этого многогранного явления.

Для полного отображения категории правопреемства в гражданском праве необходимо, прежде всего, определить правовую природу этого явления.

Правопреемство не является правоотношением [5, с. 21], а уж тем более сделкой [6, с. 10; 7, с. 51], ведь оно представляет собой одномоментный акт при наступлении юридического факта либо окончательном накоплении элементов юридического состава. Как верно отмечает Н.Л. Дювернуа, «передача собственности всегда устанавливается с учетом полностью определенного материального основания – это ее естественная, прямо данная природой вещей связь» [8, с. 75].

В порядке правопреемства переходят как права, так и/или обязанности. По мнению О.С. Иоффе, субъективное гражданское право (юридическая обязанность) не может и не способно быть объектом правоотношения [9, с. 33]. Субъективное гражданское право как правовая возможность вместе с юридической обязанностью характеризуют содержание правоотношения, которое не может стать объектом иного правоотношения. Противоположное понимание приводит к существованию права на право. Однако при такой конструкции происходит умаление значения, «статуса» и роли обязательства в системе гражданских правоотношений и, собственно, нарушение системы гражданских правоотношений и гражданско-правового регулирования. Применение к объектам гражданских правоотношений деления вещей на телесные и бестелесные является неоправданным, потому что те же самые римские юристы не отождествляли бестелесные вещи с объектом правоотношения [10, с. 16; 11, с. 121]. Тут следует указать, что объект правоотношения и предмет сделки не являются равнозначными понятиями. Под объектом правоотношений сегодня понимается все то, на что направлены права и обязанности субъектов этих правоотношений (ст. 177 Гражданского кодекса Украины (ГКУ), ст. 128 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ)). Предметом же сделки (укр. – правочину) по действующему законодательству есть действие лица, направленное на приобретение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (ч. 1 ст. 202 ГКУ). При этом, исходя из содержания норм действующего украинского законодательства, «правочин»¹ является более широким понятием, чем соглашение, сделка в собственном узком смысле. И поэтому именно при правопреемстве субъективное гражданское право и/или юридическая обязанность находят свою оборотоспособность, т.е. становятся подвижными, приобретают возможность переходить от одного субъекта к другому.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 512 ГКУ (которая, кстати, не имеет аналогии ни в одном из зарубежных государств), кредитор в обязательстве может быть заменен другим лицом вследствие правопреемства. Отсюда видно, что правопреемство является основанием замены кредитора в обязательстве, т.е., по идее украинского законодателя, оно является юридическим фактом, порождающим такое изменение.

Под юридическими фактами в гражданском праве понимают обстоятельства, вследствие которых возникают, изменяются или прекращаются гражданские правоотношения, с которыми нормативные акты связывают юридические последствия [12, с. 64]. Но такое понятие юридического факта не является достаточно четким и точным, поскольку юридические факты могут влечь за собой

¹ *Правочин* (укр.) – сделка; от «чинити право» – совершать право, делать право, создавать право (посредством своих собственных действий).

последствия, которые не приобретают форму правоотношения [13, с. 75]. Например, в силу акта рождения или создания юридического лица возникает правоспособность, смерть физического лица или ликвидация юридического лица обуславливают прекращение право- и дееспособности и т.п. Таким образом, по мнению О.С. Иоффе, под юридическими фактами следует понимать «те факты, с которыми норма права связывает наступление указанных в ней юридических последствий» [14, с. 65-66].

В общем виде все юридические факты в гражданском праве в зависимости от наличия или отсутствия волевого элемента лица разделяются на действия и события. Ниже нами будет показано, что волевой элемент не является определяющей характеристикой наличия правопреемства. Таким образом, правопреемство не может быть ни действием, ни событием, т.е. под категорию юридических фактов это явление не попадает. К тому же правопреемство не может иметь место само по себе, без наступления определенных обстоятельств. Представляется, что в рассмотренном случае (при замене кредитора в обязательстве) под правопреемством законодатель имел в виду наследование или реорганизацию юридического лица. Однако и наследование, и реорганизация юридического лица своим основанием имеют совокупность юридических фактов (юридический состав), обуславливающий их наступление. Напрашивается следующий вывод: правопреемство опосредует изменение кредитора путем наследования или реорганизации юридического лица, однако не является его основанием (юридическим фактом). Учитывая сказанное, п. 2 ч. 1 ст. 512 ГКУ требует корректировки со стороны законодателя.

В литературе достаточно часто правопреемство называют либо методом, либо принципом гражданско-правового регулирования (последнее достаточно часто встречается в монографиях по проблемам наследственного права), либо институтом гражданского права. Так чем же является правопреемство в гражданском праве: методом, принципом или его институтом? От решения этого вопроса зависит правильное применение правопреемства к гражданско-правовым отношениям, которые оно опосредует.

Под методом гражданско-правового регулирования понимают способ влияния на поведение участников гражданских правоотношений, основанный на юридическом равенстве, которое признается за участниками правоотношений, на автономии их воли (независимости волеизъявления при вступлении в правоотношения, их изменении или прекращении), а также на имущественной самостоятельности [15, с. 22; 16, с. 371]. Специфика метода гражданско-правового регулирования находит свое проявление, в частности, в том, что субъекты гражданского права, будучи юридически равными, наделены как диспозитивностью, так и инициативой. Именно поэтому гражданскому праву присущ метод децентрализации (координации) [17, с. 16].

Принципы гражданского права (от лат. *principium* – основное, исходящее положение отдельной научной системы, теории, идеологии; основы) – это основные начала, выражающие характерные, коренные черты гражданского права, т.е. его сущность [15, с. 22; 18, с. 21], и имеющие в силу их правового закрепления общеобязательное значение [19, с. 49]. Ведь без принципов невозможно создавать право и совершенствовать правовое регулирование, поскольку непонятным будет его содержание [20, с. 26].

Принципы могут быть как глобальными и такими, которые покоряют целый ряд явлений, очень часто не похожих одно на другое и никаким образом не связанных, так и специфическими, которые свойственны какому-либо одному явлению или их однородной совокупности. Первые относят к отраслевым и меж-

отраслевым, вторые – к институциональным внутри одной отрасли права. В большинстве случаев институциональные принципы не имеют формального выражения, что достаточно усложняет их использование. Это обусловило разное видение взглядов как на классификацию самих принципов, так и на их конкретизацию. Именно поэтому нормы гражданского права, по нашему мнению, не содержат исчерпывающего перечня ни отраслевых, ни институциональных принципов. По этому поводу следует вспомнить высказывание С.Н. Братуся: «основные принципы любой отрасли права мы должны выявить в самих нормах, составляющих в совокупности данную отрасль; если же там принципы прямо не сформулированы, они должны быть выявлены, исходя из общего содержания норм» [21, с. 50]. Однако эта точка зрения в связи с вышеизложенными обстоятельствами не совсем полная. Относительно формирования принципов права В.М. Саменов в свое время указывал, что главным фактором формирования принципов права является сознательное творчество людей [22, с. 16]. В то же время, как верно отмечает О.Н. Садилов, «любой субъект права должен не привносить в гражданское право «свои» принципы, а соотносить свое поведение с содержанием существующих принципов» [23, с. 20].

Гражданское законодательство достаточно часто оперирует понятием правопреемства, стараясь таким образом урегулировать однородные по содержанию правовые явления – явления, следствием которых является прекращение права и/или обязанности у одного лица и возникновение того же по содержанию права и/или обязанности у другого путем его/их перехода. Это обстоятельство в совокупности с вышеизложенным дает нам возможность говорить о том, что правопреемство в гражданском праве выступает в качестве **институционального принципа**. Такой принцип присущ, например, институтам цессии и наследования.

Под институтом права понимают стойкую и объективно обособленную группу юридических норм, регулирующих однородные общественные отношения, которые входят в состав соответствующей отрасли права [15, с. 31]. В отличие от отрасли права институт права объединяет нормы, регулирующие лишь часть отношений определенного вида [24, с. 231]. Проведя системный анализ норм действующего гражданского законодательства, регулирующих реорганизацию юридических лиц, цессию, наследование, можно сделать следующий вывод: в нормативных актах Украины и России отсутствует гражданско-правовая норма, которая не только бы давала определение понятию правопреемства, но и в полном объеме и всесторонне регулировала *переход* прав и обязанностей от одного лица к другому. В то время, когда понятие «правопреемство» встречается в законодательстве, лишь доктрина (как видим, тоже неоднозначно и достаточно поверхностно) вырабатывает основы, на которых оно базируется. К тому же выше было определено, что правопреемство выступает институциональным принципом гражданского права. И, как верно заметил С.Н. Братусь, «правовой принцип нельзя смешивать с правовым институтом... Если бы принципы и институты были идентичны, тогда и незачем вообще говорить о правовых принципах» [21, с. 50].

Характеризуя правопреемство как институциональный принцип гражданского права, мы определили внешнюю сторону этого явления, его значение для гражданского права в целом. Однако исследование было бы неполным, если бы мы не сделали попытку изучить его изнутри, т.е. определить место правопреемства в структуре механизма гражданско-правового регулирования.

Как было показано выше, правопреемство является оценкой и интерпретацией объективно существующих элементов предмета гражданско-правового ре-

гулирования. Оно отображает категории и понятия, необходимые для толкования и применения определенной совокупности норм гражданского законодательства. Кроме того, ст. 512 ГКУ сформулировала правопреемство в качестве юридического факта, что составило гипотезу соответствующей гражданско-правовой нормы. Все указанное, а также то, что правопреемство является непосредственным отображением объективно сформированных фактических гражданских правоотношений, доказывает, что правопреемство является **гражданско-правовой дефиницией**.

Под дефиницией в гражданском праве понимают краткое определение понятия, отражающее существенные, качественные признаки элементов предмета гражданско-правового регулирования [25, с. 42]. Проблеме определения и структуре гражданско-правовых дефиниций посвящено немало научных работ. Гражданско-правовые дефиниции, закрепленные в статьях закона, приобретают нормативное значение как для участников гражданских правоотношений, так и для правоприменителей. Однако, как верно отмечает Ю.В. Кудрявцев, «не следует отождествлять нормы-дефиниции с гражданско-правовыми дефинициями, поскольку первые играют ведущую роль в системе гражданско-правового регулирования, а вторые лишь носят характер фактического утверждения» [26, с. 63-64].

Законы в континентальном праве (в частности, в Украине и России), как правило, содержат взвешенное количество правовых дефиниций, их нормы сформулированы в достаточно широких и общих фразах, поскольку целью в данном случае является регулирование достаточно широкого круга возможных ситуаций. Примером норм-дефиниций в отечественном праве могут служить нормы, содержащие в себе понятие физического лица, договора и т.д. Впрочем, как видим, такая правовая дефиниция, как правопреемство, не нашла своего законодательного закрепления что составляет большие трудности для ее правопонимания и правоприменения.

Именно неопределенность в правовой литературе признаков и правовой природы правопреемства, по нашему мнению, привела к острым дискуссиям также по поводу возможности правопреемства в любых правоотношениях, о чем уже упоминалось выше. Вернемся еще раз к этой дискуссии с целью всестороннего изучения правовой природы рассматриваемого явления.

Итак, традиционное учение о правопреемстве распространяет его полностью на все правоотношения. Между тем встречаются суждения, которые можно обобщить в три группы. Так, по мнению В.А. Лапача, В.А. Рясенцева и др., правопреемство тесно связано с правом собственности (вещным правом) – «преемство происходит в праве собственности как таковом по воле предшественника и с согласия преемника» [27, с. 91], а поэтому правопреемство является «характерным признаком производных способов приобретения права собственности» [28, с. 6].

В.А. Белов и др., наоборот, считают, что правопреемство возможно лишь в обязательственных правоотношениях. Объясняется это тем, что в вещных правоотношениях, в частности, в отношениях собственности, праву собственника противопоставлена обязанность неопределенного круга лиц, т.е. здесь налицо неопределенность субъективного состава правоотношения. А по содержанию правопреемство не может совершиться, если субъектный состав правоотношения неизвестен, конкретно не определен [10, с. 16].

В советское время такие известные ученые как В.П. Грибанов, И.Л. Брауде высказывали мнение о невозможности правопреемства в правоотношении вообще: в данном случае имеет место одновременное прекращение права соб-

ственности у одного лица и возникновение его у другого [29, с. 387]. Это объяснялось тем, что в то время государственная (социалистическая) форма собственности занимала ведущее место и могла «трансформироваться» в любую иную форму (коллективную, личную), которые по своему содержанию были более узкими [30, с. 61]. Эта концепция была поддана жестокой критике Д.М. Генкиным и Б.Л. Хаскельбергом.

Приведенные точки зрения, без сомнения, имеют право на свое существование ввиду своего достаточно серьезного обоснования. Однако, с учетом исторического аспекта возникновения и становления правопреемства, очевидным является тот факт, что правопреемство впервые нашло свое закрепление именно в обязательственном праве (уступка права требования и перевод долга), а потом распространилось и закрепилось в вещных правоотношениях (правоотношениях собственности). Также, по нашему мнению, отсутствуют достаточные основания для отрицания существования правопреемства как юридического механизма прав и обязанностей от одного лица к другому. Как было показано выше, правопреемство в правах и обязанностях является в большей степени теоретически разработанной категорией, изобретенной учеными-цивиристами не только для обеспечения существования и движения гражданских правоотношений, но и для практических потребностей, т.е. для стабилизации гражданского оборота.

Гражданскому правопреемству присущи следующие признаки:

1. К преемнику переходят лишь те права и/или обязанности, которые принадлежали предшественнику. Это правило впервые появилось и нашло свое закрепление в римском частном праве («Nemo plus juris ad alium transferre potest, quam habet»), откуда было реципировано большинством правовых систем современности.

2. Термин «переход прав и обязанностей» характеризуется *одновременной* утратой последних предшественником и приобретением их преемником. Достаточно часто в литературе встречается термин «одним актом», т.е. без передачи каждого отдельного права/обязанности или переписывания обязательства. Именно передача права/обязанности (а не просто его утрата) и преемство этого же права/обязанности другим субъектом определяет производный характер правоприсвоения и составляет, по нашему мнению, сущность категории правопреемства.

Традиционно ученые-цивилисты распространяют правопреемство абсолютно на все правоотношения. Одним из факторов такого распространения является слишком широкое понимание правоотношения, что достаточно наглядно проявилось в отношении к праву собственности.

Между тем встречаются мнения об отсутствии, невозможности правопреемства в правоотношениях и о наличии последовательных актов прекращения и возникновения правоотношений, а термины «преемство» и «переход прав и обязанностей» являются правовой фикцией или средством юридической техники, ознаменовывающие появление нового субъекта. В частности нельзя считать правопреемством, например, переход права собственности от продавца к покупателю по договору купли-продажи. В советское время это объяснялось тем, что лица, владеющие разными по форме (виду) правами собственности (что обусловлено абсолютно разными режимами этих форм (видов)), по сути не могут передать их другим, не изменив при этом содержание права собственности. «Четкое разграничение типов и форм права собственности, – указывал В.П. Грибанов, – дает обоснование утверждать, что изменение типа или формы права собственности при купле-продаже не приводит и не может привести к

«переходу» права собственности. В данном случае происходит одновременное *прекращение* права собственности продавца и *возникновение* права собственности у покупателя на приобретенное по договору имущество» [29, с. 287-288].

Таким образом, первые склоняются к утверждению о переходе субъективного вещного права не в порядке пространственного перемещения – передачи, а в силу сохранения правового режима вещи, зависимости права преемника от предшественника на основании закона якобы автоматически. Вторые в своих суждениях отталкиваются от момента передачи вещи и именно поэтому в качестве доводов приводят существование разных форм и видов права собственности. Другими словами, первые рассматривают правопреемство с позиции правопреемников, а вторые – с позиции правопреемников.

По нашему мнению, не следует отождествлять динамику правоотношения и юридические факты, его порождающие. Ведь для перенесения права собственности путем передачи необходимым является наличие воли как отчуждателя, так и приобретателя. Таким образом, следует различать термины «передача» и «правопреемство». Передаче соответствует такой особый акт как правопреемство, которые могут и не совпадать во времени. *Передача относится лишь к вещи, точнее, к фактическому владению вещью* (курсив мой. – В.В.).

Для правопреемства необходимым является элемент тождества. Производное правоприсвоение представляет собой осуществление правопреемником субъективного гражданского права, юридической возможности распоряжения (прекращения или изменения правоотношения). Производное правоприсвоение не всегда является правопреемством, но правопреемство всегда является производным правоприсвоением.

Существование ограниченных вещных прав, как верно указывает С.В. Тетерин, также не доказывает наличие правопреемства при переходе вещи или изменении носителя субъективного гражданского права на нее [31, с. 35]. При изменении субъекта права собственности (иного вещного права), обремененного вещным правом, последнее не переходит и не прекращается, потому что его управомоченный субъект остается. Изменяется лишь кто-то из неопределенного круга ограниченных лиц, чья правовая личность абсолютно безразлична. В обязательственных правоотношениях, существующих между субъектом ограниченного вещного права и субъектом, который создал такое право, существует «автоматическая» замена лиц благодаря существованию указанного ограниченного вещного права. При изменении носителя ограниченного вещного права оно возникает у нового лица в порядке производного правоприсвоения, в том числе как право, дополнительное к его праву собственности (иному вещному праву).

3. При правопреемстве наблюдается *связь* между приобретенными субъективными правами и обязанностями и правоотношениями, в которых находится их носитель – предшественник – с другими лицами, благодаря чему и было возможно их существование. Тут право/обязанность преемника как бы опирается на то право/обязанность, которое существовало у другого лица, как бы происходит от него. Эта связь означает прямую зависимость прав и обязанностей преемника от соответствующих прав и обязанностей предшественника и «составляет предварительное условие приобретения; приобретение зависит от этого права» [32, с. 48].

Некоторые авторы считают, что для производного возникновения права собственности характерной является зависимость возникновения права приобретателя от права предшественника и, как правило, от его воли [33, с. 144]. То есть право собственности приобретается по воле предшествующего собствен-

ника и при согласии нового приобретателя [14, с. 293]. Воля правопредшественника и правопробретателя, как видим, тут выделяется авторами в самостоятельный признак правопреемства. Действительно, в большинстве случаев воля предшественника и приобретателя имеют существенное значение (например, при двусторонних соглашениях). Однако в этих случаях, как мы определились ранее, не всегда имеет место правопреемство. К тому же при наследовании по закону, при законной цессии в странах обычного права и т.д. воля предшественника и приобретателя отсутствует. Указание О.С. Иоффе на замену воли указанных лиц волей законодателя не слишком убедительно, поскольку о воле законодателя речь может идти в случае установления им первичных способов приобретения права собственности (находка, клад и т.п.). Таким образом, третьим признаком правопреемства является *зависимость* прав и обязанностей преемника от соответствующих прав и обязанностей предшественника. При этом волевой момент присутствует при правопреемстве, но не всегда.

4. Правопреемство происходит в *правах и/или обязанностях* правопредшественника. В литературе встречаются мнения о правопреемстве в объектах этих прав – в имуществе (вещах) предшественника [34, с. 41]. Считается, что могут передаваться вещи, а не права, т.к. права и обязанности как категории идеологические не имеют способности перемещаться в пространстве, а потому переходить от одного лица к другому не могут [35, с. 66]. С такой позицией трудно согласиться, ведь с вещью тесно связано право на эту вещь, и это право является неотъемлемой ее составляющей. Невозможно передать вещь, не передав права (или какого-либо из его правомочий) на нее (будь то право собственности или обязательственное право). К тому же, некоторые вещи (в частности, недвижимые) могут переходить без пространственного перемещения. Как верно отмечает Б.Б. Черепяхин, в случае правопреемства «понятие перехода субъективного права и правовой обязанности является специальным правовым понятием» [1, с. 312], или, иными словами, юридической конструкции.

Итак, в порядке правопреемства передача самой вещи может не произойти, но право и/или обязанность на нее в том объеме, который существует у предшественника, переходит к преемнику.

В то же время с распадом СССР проблема тождества объема прав и обязанностей предшественника и преемника в случае правопреемства не исчезла, а приобрела иное содержание. Так, Л.В. Шевчук считает, что существует и такое правопреемство, при котором отсутствует тождество в объеме приобретаемого права и права предшественника [4, с. 152]. Конститутивное (правообразующее) приобретение имеет место, по мнению некоторых ученых, когда предшественник (ауктор) на основании своего права и сохраняя его за собой, устанавливает для приобретателя (сукцессора) иное право, которое в дальнейшем ограничивает права ауктора (например, при установлении права залога, сервитута, заключения договора имущественного найма и т.п.). Это происходит за счет принадлежащего собственнику права владения и распоряжения. Во всех этих случаях «на основе права праводателя («материнского права») у правопробретателя возникает право с иным, более ограниченным содержанием («дочернее право»)» [3, с. 89]. Таков взгляд на конститутивное преемство, на наш взгляд, не имеет достаточного обоснования. Ведь, как верно отмечает В.М. Хвостов, тут нет *successio* (преемства) в его полном понимании, т.е. отсутствует переход права от одного лица к другому. Установленное в пользу сукцессора право не является составной частью права, принадлежащего самому ауктору [36, с. 141]. А передача отдельных правомочий (как элементов субъективного права) не является передачей самого права, что противоречит четвертому признаку, опи-

санному выше. Таким образом, нельзя говорить, что, например, при заключении договора имущественного найма от наймодателя к нанимателю переходят права владения и пользования в порядке правопреемства. Это объясняется тем, что у нанимателя эти правомочия прекращаются лишь временно (на срок действия сделки), а на момент окончания действия договора имеет место «возврат права». Как отмечает Л. Эннекерус, «поворот права... к отчуждателю не есть преемство» [32, с. 88]. В противоположном случае мы должны были бы говорить о двойном правопреемстве одних и тех же правомочий, что по юридическому содержанию и природе этого понятия невозможно само по себе. В данном случае можно говорить лишь о *предоставлении осуществлению права или отдельных его правомочий* (курсив мой. – В.В.).

5. Права и/или обязанности правопредшественника переходят в порядке правопреемства к правопреемнику *как одно целое*. В связи с этим преемник не требует для приобретения каждого отдельного права/обязанности при наличии тех условий, которые необходимы для приобретения каждого отдельного права/обязанности (передача вещи, получение правоустанавливающих документов на каждую вещь отдельно и др.).

Исследовав правовую природу явления правопреемства и выделив характерные признаки, можно дать ему следующее определение. Под **правопреемством** в гражданском праве следует понимать переход прав и/или обязанностей от одного лица, которому эти права и/или обязанности принадлежали (правопродшественника, ауктора), к другому (правопреемнику, сукцессору) в полном объеме путем одновременной утраты их правопредшественником и приобретения их правопреемником.

От понятия «правопреемство» следует отличать понятие «преемство в праве» (сукцессия). Последнее характеризуется более узким содержанием, т.е. по сукцессии переходит лишь право (совокупность прав) или обязанность (совокупность обязанностей). Как указывает В. Нечаев, «передача тут осуществляется в виде уступки отдельных прав и обязанностей (права собственности, требований по обязательствам, искам)» [37].

Поскольку при правопреемстве обычно имеет место переход прав и/или обязанностей от одного лица к другому, такое правопреемство принято называть *транслятивным*, т.е. переносящим права и обязанности [1, с. 317; 35, с. 66]. В этом случае преемник приобретает те же самые права и обязанности (со всеми прилежащими к ним правами и обязанностями), которые принадлежали предшественнику. Подобное имеет место, например, при уступке права требования.

Вместе с тем, рассматривая понятие правопреемства в широком понимании (при этом не указывается содержание такого понимания), некоторые авторы выделяют также конститутивное (от лат. *constituere* – устанавливать, определять) правопреемство. В отечественной цивилистике понятие транслятивного и конститутивного правопреемства было развито Б.Б. Черепяхиным. Ученый считал, что помимо транслятивного правопреемства, обеспечивающего тождественность не только объекта, но и самого переходящего права, существует также производное правопреемство, имеющее место из-за отсутствия тождественности приобретаемого права с правом предшественника [1, с. 319-320].

Развивая выдвинутую Б.Б. Черепяхиным теорию, некоторые ученые все-таки различают два вида правопреемства – транслятивное и конститутивное. Так, Д. Новиков считает, что в договоре об установлении режима общей долевой собственности на имущество, которое полностью принадлежит собственнику, в результате вступления в правоотношение собственности другого лица

последнее приобретает право, которое не тождественно по содержанию праву отчуждателя. Иными словами, имеет место правопреемство не транслятивное, а конститутивное [38]. В свою очередь, А. Гросс считает, что распоряжением вещью будет первичное создание вещного права (конститутивное правопреемство), а уступка уже существующего ограниченного вещного права будет уже распоряжением только им (вещным правом) самим [39, с. 32]. К случаям конститутивного правопреемства также относят установление на недвижимую вещь прав, ранее не существовавших (права оперативного управления, сервитута, залога, пожизненного управления и т.п.). Основанием для такого разграничения указанные авторы считают наличие волевого характера правоприобретения. Так, вновь созданное дочернее право возникает только тогда, когда существовало материнское право, лишь в пределах последнего и лишь по воле правопреемственника [40, с. 78]. Однако волевой характер, как неоднократно указывалось выше, не является определяющим признаком правопреемства, т.к. последнее может происходить и вне воли предшественника.

Сторонники такой теории объясняют существование конститутивного правопреемства также тем, что в римском праве существовала так называемая конститутивная сукцессия. В случае возникновения ограниченного вещного права собственник передавал субъекту такого же права лишь часть своих правомочий (обязанностей) [41, с. 71].

Считаем, что указанная теория имеет ряд недостатков. В данном случае имеет место не передача права от правопреемственника к преемнику (хоть бы оно и более «слабое»), а предоставление осуществления права или отдельных его правомочий. Здесь отсутствует *переход* правомочий собственника права (курсив мой. – В.В.). Если же допустить такую возможность, то в будущем, когда правомочия возвращались бы к собственнику права, мы должны были бы считать, что имеет место правопреемство, что недопустимо. Такую теорию реститутивного правопреемства в свое время выдвинул немецкий цивилист Конрад Гельвиг в своей работе «Wesen und subjektive Begrenzung der Rechtskraft» [42]. Однако реститутивное преемство также нельзя считать разновидностью правопреемства вообще, т.к. при нем отсутствует переход права и не изменяется субъективный состав правоотношения.

В указанной работе К. Гельвиг пошел далее, обосновав наличие правопреемства и в том случае, когда происходит приобретение права при завладении бесхозной вещи после отказа от нее предыдущего собственника. Это он объясняет тем, что правоприобретение тут базируется на воле предыдущего собственника, которая нашла свое проявление в отказе от вещи [42, р. 281-285]. Достаточно трудно представить, каким образом можно увидеть правопреемство от лица, которое своим волевым актом (фактическим распоряжением вещью) избавилось от этой вещь, не предоставляя право собственности на нее любому другому лицу. Таким образом, приобретаемое право – это не старое, а новое право собственности, которое связано со старым лишь единством объекта. Тем самым ни конститутивное, ни реститутивное «правопреемство» не имеют никаких оснований считать их именно правопреемством в полном понимании этого термина. Именно поэтому достаточно удачным следует считать понятие *конститутивного правоприобретения*, при котором собственник на основании своего права, сохраняя его за собой, устанавливает или предоставляет управомоченному лицу осуществление права или отдельных его правомочий. При этом собственник становится ограниченным в осуществлении своего права до тех пор, пока управомоченное лицо осуществляет это право или отдельные его правомочия.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в гражданском обороте существуют два правовых явления – правопреемство и правоприобретение, не являющиеся тождественными. В правопреемстве акцент ставится именно на процесс перехода прав и/или обязанностей от одного лица к другому, а в правоприобретении нас интересует лишь его правомерный, основанный на законных основаниях результат – приобретение права (правомочия).

Исследовав правовую природу правопреемства, дав ему определение и выделив основные признаки этого явления, предлагается внести соответствующие дополнения в действующее гражданское законодательство. В частности, Гражданские кодексы Украины и РФ следует дополнить статьей «Гражданское правопреемство», в которых дать гражданско-правовую дефиницию правопреемства: «Правопреемством является переход прав и(или) обязанностей от одного лица, которому эти права и(или) обязанности принадлежали (правопреемственника), к другому лицу (правопреемнику) в полном объеме путем одновременной их утраты правопреемственником и приобретения преемником». Такая нормативная дефиниция должна, по нашему убеждению, найти свое место в Общих положениях Гражданских кодексов обеих стран – статья 3-1 ГКУ и статья 1-1 ГК РФ.

Считаем, что наличие нормативного определения понятия гражданского правопреемства на уровне закона поможет правильно и своевременно применять правопреемство как институциональный принцип в гражданском обороте. К тому же такая достаточно краткая и полная гражданско-правовая дефиниция предоставит возможность как теоретикам, так и практикам применять принцип правопреемства не только применительно к гражданским отношениям, но и, например, гражданским процессуальным, хозяйственным процессуальным и т.п. Ведь бесспорным является тот факт, что процессуальное законодательство неразрывно связано с материальным (в данном случае – с гражданско-правовым).

Список литературы:

1. Черепяхин Б. В. Труды по гражданскому праву [Текст] / Б. В. Черепяхин ; ред. кол.: С. М. Корнеев, Е. В. Кулагина, Н. В. Козлова, П. А. Панкратов. – М. : Статут, 2001. – 479 с. – («Классика российской цивилистики»).
2. Мельцов А. В. Наследственное правопреемство в современном российском праве [Текст] : дисс. ... канд. юрид. наук. : 12. 00. 03. / А. В. Мельцов. – М., 2006. – 174 с.
3. Строк С. В. Правопреемство в порядке наследования [Текст] : дисс. ... канд. юрид. наук. : 12. 00. 03. / С. В. Строк. – М., 2005. – 185 с.
4. Шевчук Л. В. Заповіт як підстава виникнення правонаступництва в цивільному праві України [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.03 / Л. В. Шевчук. – К., 2001. – 223 с.
5. Кожевина Е. В. Наследственное правопреемство [Текст] : дисс. ... канд. юрид. наук. : 12. 00. 03. / Е. В. Кожевина. – Екатеринбург, 2005. – 189 с.
6. Зыкова И. В. Юридические лица: создание, реорганизация, ликвидация [Текст] / И. В. Зыкова. – М.: Осъ-89, 2005. – 187 с.
7. Архипов Б. П. Юридическая природа фактического состава, опосредующего реорганизацию акционерного общества [Текст] / Б. П. Архипов // Законодательство. – 2002. – № 3. – С. 46-55.
8. Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву [Текст] / Н. Л. Дювернуа; Под ред., с предисл.: Томсинов В. А. – М. : Зерцало, 2004. – Т. 1 : Введение. Учение о лице. – 568 с. («Русское юридическое наследие»).
9. Иоффе О. С. Гражданские правоотношения [Текст] / О. С. Иоффе // Иоффе О. С. Избранные труды : в 4 т. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – Т. I. – 574 с.

10. Белов В. А. Сингулярное правопреемство в обязательстве : опыт исторического исследования, теоретической и догматической конструкции и обобщения российской судебной практики [Текст] / В. А. Белов. – 2-е изд., стереотип. – М. : ЮриИнфоР, 2001. – 288 с.

11. Орач С. М. Основы римского частного права [Текст]: курс лекций / С. М. Орач, Б. Й. Тицик – К. : Юринком Интер, 2000. – 272 с.

12. Гражданское право [Текст]: Учебник. В 4-х т. / Отв. ред. Е.А. Суханов; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. - 3-е изд.; перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2006. – Т.1. Общая часть. – 670 с. - («Классический университетский учебник»).

13. Иоффе О. С. Вопросы теории права [Текст] / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – М. : Юрид. лит., 1961. – 380 с.

14. Иоффе О. С. Советское гражданское право [Текст] / О. С. Иоффе. - М.: Юрид. лит., 1967. - 494 с.

15. Цивільне право України : підручник [Текст] : у 2 т. / за заг. ред. В. І. Борисової, І. В. Спасибо-Фатєєвої, В. Л. Яроцького. – К. : Юрінком Інтер, 2004. - Т.1.– 480 с.

16. Яковлев В. Ф. К проблеме гражданско-правового метода регулирования общественных отношений [Текст] / В. Ф. Яковлев // Антология уральской цивилистики, 1925-1989. – М., 2001. – С. 370-389.

17. Гонгало Б. М. Предмет гражданского права [Текст] / Б. М. Гонгало // Проблемы теории гражданского права. Институт частного права. – М. : Статут, 2003. – С. 3-23.

18. Заїка Ю. О. Спадкове право в Україні : становлення і розвиток [Текст] : монографія / Ю. О. Заїка. – 2-е вид. – К. : КНТ, 2007. – 288 с.

19. Толстой Ю. К. Принципы гражданского права [Текст] / Ю. К. Толстой // Изв. высш. учеб. заведений. – 1992. – № 2. – С. 49-53.

20. Свердлык Г. А. Принципы гражданского права [Текст] / Е.П. Губин, З.М.. Фаткудинов, Г.А. Свердлык. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 200 с.

21. Братусь С. Н. Принципы советского гражданского права [Текст] / С. Н. Братусь // Изд-во высш. уч. заведений. – 1960. – № 1. – С.47-52.

22. Семенов В. М. Принципы советского социалистического общенародного права [Текст] / В. М. Семенов // Изв. высш. учеб. заведений. – 1964. – № 1. – С. 16-26.

23. Садиков О. Н. Принципы нового гражданского законодательства СССР [Текст] / О. Н. Садиков // Советское государство и право. – 1991. – № 10. – С. 20-29.

24. Большой юридический словарь [Текст] / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфра-М, 2002. – 704 с.

25. Москаленко И. В. Методологические основы исследования функций гражданско-правовых дефиниций [Текст] / И. В. Москаленко // Юридический мир. – 2003. – № 2. – С. 41-43.

26. Кудрявцев Ю. В. Нормы права как социальная информация [Текст] / Ю. В. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1981. – 144 с.

27. Лапач В. А. Субъективные гражданские права и основания их возникновения [Текст] / В. А. Лапач // Журнал российского права. – 2001. – №10. – С. 90-106.

28. Рясенцев В. А. Наследование по закону и по завещанию в СССР [Текст] / В. А. Рясенцев. – М. : Знание, 1972. – 48 с.

29. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав [Текст] / В. П. Грибанов. – М. : Статут, 2001. – 411 с. – («Классика российской цивилистики»).

30. Брауде, И.П. Право на строение и сделки со строениями [Текст] / И.П. Брауде. - Изд. 2-е, исправ. и доп. - М.: Госюриздат, 1954. – 143 с.

31. Тетерин С. В. Некоторые аспекты понятия «правопреемство» [Текст] / С. В. Тетерин // Академический юридический журнал. – 2003. – № 3 (13). - С. 33-36.

32. Эннеккерус Л. Курс германского гражданского права: Введение и общая часть [Текст] / Эннеккерус Л. / Перевод с нем.; Под ред., с предисл.: Генкин Д.М., Новицкий И.Б. (Пер.) - М.: Иностр. лит., 1950. - Т. 1: Полут. 2. - 483 с.

33. Рясенцев В. А. [Рецензия] [Текст] / В. А. Рясенцев // Советское государство и право. – 1956. – № 4. – С. 144. – Рец. на кн. : Советское наследственное право / Б. С. Антимонов, К. А. Граве. – М. : Госюриздат, 1955. – С. 142-146.

34. Серебровский В. И. Очерки советского наследственного права [Текст] / В. И. Серебровский. – М. : АН СССР, 1953. – 240 с.

35. Грибанов В. П. Правовые последствия перехода имущества по договору купли-продажи в советском гражданском праве [Текст] / В. П. Грибанов // Советское государство и право. – 1955. – № 8. – С. 64-73.

36. Хвостов В. М. Система римского права [Текст] : учебник / В. М. Хвостов; ; авт. предисл.: Е. А. Суханов, В. А. Томсинов. – М. : Спарк, 1996. – 522 с.

37. Нечаев В. М. Преемство в праве [Текст] / В. М. Нечаев // Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон Энциклопедический словарь. – Спб., 1898. – Т. 23. – С.47.

38. Новиков К. Можно ли заложить ранее не существовавшую долю в праве собственности на объект недвижимости? [Электронный ресурс] / К.Новиков. – Электрон. дан. (1 файл). – Режим доступа: [http:// www.balfort.com](http://www.balfort.com). – Заглавие с домашней страницы Интернета.

39. Грось А. Защита вещных прав наследника на недвижимое имущество [Текст] / А. Грось // Российская юстиция. – 2000. – № 8. – С. 30-43.

40. Кот О. О. Перехід прав кредитора до третіх осіб в цивільному праві України [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – К., 2002. – 187 с.

41. Барон Ю. Система римского гражданского права : в 6 кн. [Текст] / Ю. Барон. – М. : Юрид. центр Пресс, 2005. – Кн. 1. – 1100 с.

42. Hellwig K. Wesen und subjektive Begrenzung der Rechtskraft [Text] / K. Hellwig. – Leipzig, 1901. – 354 s.

ГЛАВА 7

Муниципальная собственность и право муниципальной собственности: теоретический аспект

Несмотря на долгую историю изучения и осмысления явления собственности, оно продолжает оставаться предметом дискуссий и научных исследований. В период усиления роли публичного собственника в гражданских правоотношениях понимание муниципальной собственности становится особо актуальным.

Законодательное признание муниципальной собственности получила в Гражданском Кодексе РСФСР 1922 года, который не придал ей, однако, самостоятельного значения, и она рассматривалась как разновидность государственной собственности. Впоследствии ст. 5 Конституции СССР от 05.12.1936 [7] года назвала лишь государственную форму собственности, образующую единый неделимый фонд, упоминания о муниципальной собственности основной закон государства не содержал. Своим «воскрешением» эта форма собственности обязана Закону РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР»[8].

На доктринальном уровне отрицание самостоятельного характера муниципальной формы собственности в основном связывается учеными со свойством публичности, в силу чего она рассматривается как разновидность государственной [32, с. 77-79]. Однако, с середины девяностых годов появляются фундаментальные труды, представляющие собой теоретическое обоснование обособления муниципальной собственности. Так, вопросам правового регулирования отношений муниципальной собственности посвящается диссертационное исследование Е.А. Илюхиной [21]. Сторонниками признания муниципальной формы собственности в своих работах становятся В.К. Андреев [11], В.П. Мозолин [25], С.А. Зинченко, Н.С. Бондарь [18], Л.Ф. Писарькова [28], О.А. Камалов [22], не отрицают муниципальной формы собственности В.А. Тархов, В.А. Рыбаков [33], и многие другие ученые.

Вместе с тем, несмотря и на законодательное признание отдельных форм собственности, в науке гражданского права нет по этому вопросу единства мнений. Так, Л.В. Санникова не видит особой значимости в выделении «форм собственности»[30,с.265]. Е.А. Суханов признает формы собственности эконо-

мическими, а не юридическими явлениями [31, с. 475-484]. Напротив, теоретическому обоснованию выделения отдельных форм собственности и видов права собственности посвящены труды В.А. Тархова, В.А. Рыбакова [33]. Большой заслугой этих авторов, на наш взгляд, является тот факт, что они рассматривают собственность как целостную систему образованную связанными между собой составными частями: типом, формой и видом собственности. Ученые отталкиваются от того, что исходную природу собственности, напрямую связанную с характером присвоения, определяет тип собственности. Он же находит свое воплощение в формах собственности «где уровень (степень) обобществления приобретает конкретную форму реальных отношений государственной, муниципальной, коллективной (корпоративной) или частной собственности..... Именно тип собственности предопределяет в формах собственности их правовую природу и характер присвоения, а стало быть, особенности механизма возникновения (приобретения), осуществления и прекращения права собственности» [29,с.1]. Таким образом, по мнению авторов, высшим уровнем системы составляющих собственность звеньев является тип собственности, который может быть индивидуальным или общественным. Далее следует форма собственности, как связующее звено типа и вида. В контексте темы настоящей статьи значение описанной теории заключается в том, что она демонстрирует характер присвоения материальных благ отдельно взятой общностью людей, «территориально-обособленными коллективами», а не индивидуальными лицами, в силу чего авторы относят муниципальную форму собственности к обобщественному (общественному) типу. Ничуть не подрывая достоинств описанной теории, мы не можем согласиться с ней в полной мере. Как указывают авторы, критерием разграничения типов собственности является уровень обобществления средств производства: либо блага присваиваются обществом в целом (общественный тип собственности), либо отдельным лицом (индивидуальный тип собственности). То есть разграничение типов построено не на отличиях в субъектном составе, а на «уровне присвоения». Соответственно муниципальная форма собственности относится к первому типу, также как и государственная. В этой связи у нас возникает вопрос, в чем же тогда будет заключаться разница между муниципальной формой собственности и государственной, если и в том и в другом случае присвоение осуществляется обществом? При этом авторы обосновывают необходимость признания самостоятельного статуса муниципальной формы собственности. Более того, к этой же категории типизации относится и собственность корпоративная, хотя субъектом присвоения здесь является лицо юридическое! В этой связи позиция, сформулированная Е. А. Сухановым, видится нам в значительной степени более последовательной, поскольку основана на различии частного и публичного. Однако, ученый находит формы собственности сугубо экономическими, и, соответственно считает единственно возможным деление собственности на две формы: частную и публичную. Вероятно, по этой причине он предлагает рассматривать муниципальную собственность как разновидность государственной [15, с. 79]. Несмотря на тот факт, что в этой части выводов мы не согласны с авторитетным мнением профессора, нужно отдать должное тому, что данный вывод несколько не противоречит его теории о выделении типов в виде публичной и частной собственности, а скорее, напротив, логически из такого деления вытекает. Наше несогласие с ассоциацией муниципальной формы собственности как разновидности государственной связано с необходимостью различения субъектного состава соответствующих отношений, и объективно существующего различия в их правовом режиме.

Автор настоящей работы придерживается позиции необходимости обособленного существования муниципальной формы собственности как объективной реальности, вытекающей из конституционного положения о признании форм собственности как таковых, в том числе и муниципальной. Поскольку законодатель признает местное самоуправление, и соответственно, факт его автономного существования, наличие такой формы собственности как муниципальной следует рассматривать как данность, не требующую доказательств своей целесообразности. Муниципальное образование как субъект права собственности влияет на определение правового режима соответствующего имущества, выступающего в роли объекта права муниципальной собственности и тех возможностей, которыми этот субъект будет обладать.

В.П. Мозолин говорит о необходимости введения особой формы собственности «всенародного достояния». Практическая реализация такого нововведения становится возможной благодаря созданию общественных фондов потребления и направления в них прибыли от использования земли и других природных ресурсов, которая направляется на нужды бесплатного образования, медицины и т.п. [20]. При этом объектами такого права помимо природных ресурсов могут быть территории и места общего пользования граждан, культурные ценности, а функции по распоряжению данным имуществом необходимо возложить на общественный орган, избираемый населением на основе норм представительства. По замыслу автора управление будет осуществлять федеративное государство в лице Правительства РФ [24, с.29-30]. Возникают вопросы, кто будет субъектом права «народной собственности»? Вероятно, народ, население? Кто и в каком порядке будет контролировать поступление прибыли от использования природных ресурсов, которые должны по смыслу данной концепции поступать в «общественные фонды потребления»?

При этом, речь идет именно о форме собственности, а не о форме права собственности. В этом смысле положения Проекта ГК РФ [6] более последовательны в сравнении с действующей редакцией Гражданского Кодекса Российской Федерации [2], поскольку ст. 236 Проекта ГК РФ говорит не о признании частной, государственной, муниципальной форм собственности, а соответствия своему названию - о субъектах права собственности. Означает ли это необходимость признания того факта, что у права собственности в объективном смысле, одинаковом по своему содержанию, могут быть различные субъекты, от которых ни сама суть этого права, ни его содержание не меняется, и право собственности остается единым, а делению на формы подвергается собственность в экономическом ее выражении, определяющая формы присвоения, либо в зависимости от субъектного состава различно само право собственности? В.А. Дозорцев, фактически выстраивая такую дилемму в рамках действующей редакции ГК РФ, придерживается первого варианта: «...нет никакого права государственной собственности и права частной собственности в объективном смысле..., различающихся по содержанию..., есть «единое право собственности в объективном смысле, единая категория» [17, с. 230]. Напротив, к отдельным видам (а не формам) права собственности относит право муниципальной собственности авторский коллектив Попов Ю.Е., Рыбаков В.А., Соловьев В.Н., Шуман А.В. [29, с. 10], полагая, что этот факт с очевидностью следует из содержания ст. 215 ГК РФ и право муниципальной собственности обладает рядом особенностей, позволяющих говорить о самостоятельности такой разновидности права собственности.

Представляется, что ст. 212 ГК РФ все же дает основание для постановки обозначенного выше вопроса, поскольку в статье: «Субъекты права собствен-

ности» законодатель говорит о субъектах собственности. Реформация норм ГК РФ не оставляет оснований для утверждения о противоречии содержания статьи ее наименованию: ст. 236 Проекта ГК РФ указывает на возможность принадлежности вещи на праве собственности тому или иному субъекту, в том числе, муниципальному образованию. По нашему мнению, законодатель изначально не намеревался различать в зависимости от субъектного состава само право собственности. Наличие субъективного права собственности у различных субъектов не подрывает его единства как объективной категории. Вместе с тем, неверным было бы утверждение о том, что содержательное наполнение права муниципальной собственности идентично в равной степени содержанию права, скажем, частной собственности. Муниципальные образования осуществляют принадлежащие им правомочия такими способами, которые не предусмотрены для частного собственника [27]. Ясно, что от способа осуществления того или иного правомочия собственника, содержание права собственности в части составляющих его правомочий, не зависит. Вместе с тем, способ осуществления права определяется пределами того субъективного права, которое для этого субъекта предусмотрено законом. Для муниципальных образований такие субъективные права предусмотрены и они в корне отличны от тех, что предусмотрены для лица, например, физического.

Г.Н. Андреева, проводя соответствующее сравнительно - правовое исследование, отмечает, что в зарубежных странах термин «муниципальная собственность» на конституционном уровне используется в двух значениях. Под муниципальной собственностью понимается: а) имущество, принадлежащее муниципальным образованиям, его состав раскрывается через перечень объектов муниципальной собственности; б) отношения между людьми по поводу использования имущества муниципального образования [12, с. 288-291].

Причины, которые обуславливают существование муниципальной формы собственности, в конечном итоге, являются характерными для нее признаками (как и для права муниципальной собственности) и связаны с особенностями местного самоуправления.

Во-первых, муниципальная собственность призвана составлять экономическую основу местного самоуправления, обеспечивая тем самым решение вопросов местного значения, о чем не двусмысленно гласит ст. 49 Федерального Закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления на территории Российской Федерации» [5]. Согласно ст. 1 этого же нормативного правового акта, местное самоуправление в Российской Федерации – форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций.

Приведенная легальная дефиниция в целом соответствует Европейской хартии местного самоуправления [1], как общепризнанной европейской муниципальной концепции, где в самом общем виде заложена смысловая основа существования муниципальной собственности. Вместе с тем, собственно вопросы муниципального имущества Хартия вообще не регулирует. Если различные аспекты «финансовых ресурсов органов местного самоуправления», вопросы местных бюджетов, налогов, сборов и т. д., в Хартии представлены достаточно обширно (ст. 9), то «имущественная» сторона муниципальной собственности не упомянута. Поэтому как установление общих принципов в указанной сфере, так и непосредственное правовое регули-

рование являются продуктом творчества национального законодателя.

Во-вторых, одним из отличительных признаков местного самоуправления является тот факт, что осуществляется оно в пределах границ соответствующих муниципальных образований. Так, согласно п.1 ст. 10 Закона о местном самоуправлении местное самоуправление осуществляется на всей территории Российской Федерации в городских, сельских поселениях, муниципальных районах, городских округах и на внутригородских территориях городов федерального значения, то есть народ осуществляет в предоставленных ему законом формах власть в пределах территории муниципального образования, которая отличается своим незначительным размером в сравнении с территорией всего государства в целом. Соответственно, лишь в пределах данной территории население решает вопросы местного значения, под которыми Закон о местном самоуправлении понимает вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение по которым осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно. Совершенно очевидно при этом, что муниципальная собственность необходима для решения такого рода вопросов и направлена она на создание, воспроизводство и присвоение публичных благ в границах территории муниципального образования. Муниципальные образования для реализации своего права собственности обладают необходимым имуществом, общий перечень которого содержится в ст. 50 Закона о местном самоуправлении.

В-третьих, как уже было сказано выше, конституционное провозглашение местного самоуправления означает необходимость признания муниципальной формы собственности как автономной и отличной от государственной. С этой причиной неминусом связан и такой признак как осуществление права муниципальной собственности органами местного самоуправления, наделенными правами юридического лица. И наконец, в-четвертых, осуществление права муниципальной собственности социально ориентировано, поскольку направлено на удовлетворение жизненно важных потребностей населения муниципального образования, образующих собой вопросы местного значения.

Нам представляется, что если по отношению к частной собственности важнейшим смысловым оттенком словосочетания «право собственности» (и, соответственно, приоритетным направлением научных исследований) является значение «правомочия», т. е. юридически обеспеченных возможностей поведения собственника, то при исследовании права муниципальной собственности, с учетом ее публичного характера, на первый план выходит не субъективный, а объективный элемент – совокупность правовых норм, устанавливающих принципы, правила и порядок владения, пользования и распоряжения имуществом, принадлежащим муниципальным образованиям. В этой связи право муниципальной собственности, без всякого сомнения, обладает свойственной только ему спецификой по следующим причинам. Во-первых, преобладающим методом правового регулирования отношений муниципальной собственности все же является императивный метод, что в свою очередь опять таки вызвано публичным характером правовых актов, регламентирующих данные отношения. Так, Бюджетный Кодекс Российской Федерации [3], регулирующий деятельность казенных учреждений, посредством которых муниципальные образования осуществляют принадлежащее им право собственности, структуру бюджетной системы РФ, включая местные бюджеты т.п.; Закон о местном самоуправлении, устанавливающий правовые, территориальные и организационные принципы осуществления местного самоуправления на территории РФ, Федеральный закон от 07.02.2011 N 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципаль-

ных образований» [4], определяющий общие принципы организации, деятельности и основные полномочия контрольно-счетных органов муниципальных образований, содержат в основном нормы предписания, а диспозитивные правила поведения сводятся к минимуму. Во-вторых, глава 7 Закона о местном самоуправлении предоставляет муниципальным образованиям возможность правового регулирования на местном уровне путем издания муниципальных правовых актов. Согласно ст. 43 данного закона в систему муниципальных правовых актов входят устав муниципального образования, правовые акты, принятые на референдуме, правовые акты представительного органа, главы муниципального образования, местной администрации и иных органов и должностных лиц местного самоуправления, предусмотренных уставом соответствующего муниципального образования.

Таким образом, отношения муниципальной собственности регулируются как правовыми актами федерального уровня и уровня субъектов федерации, так и муниципальными правовыми актами, однако, независимо от того, относятся они к актам публичного или частного права, императивный метод является преобладающим в сравнении с диспозитивным, даже в том случае, когда муниципальные образования выступают в роли субъекта имущественных отношений.

Известно, что совокупность относительно обособленных правовых норм, расположенных внутри отрасли права и регулирующих качественно однородную группу общественных отношений, принято называть институтом прав [19, с.219]. Не сложно заметить, что настоящий период развития законодательства, регулирующего отношения собственности характеризуется разрозненностью составляющих его норм по различным отраслям права. Тот факт, что отношения собственности в целом и муниципальной собственности в частности регулируются сегодня различными отраслями права, позволил ученым говорить о праве муниципальной собственности как о «комплексном межотраслевом институте» [34, с. 8], о праве собственности как об «отрасли законодательства» [10] либо, напротив, заниматься «перетягиванием» института собственности и муниципальной собственности в рамки той или иной отрасли права. Так, спорную позицию высказала Е.В. Тovarова, причем выдвинула ее в своем диссертационном исследовании в качестве одного из положений на защиту: «Право муниципальной собственности следует рассматривать как институт муниципального права. Поскольку само муниципальное право является комплексной отраслью права, то и право муниципальной собственности представляет собой комплексный межотраслевой институт (выделено мной – Л.Ч), включающий в себя нормы конституционного, гражданского, административного и иных отраслей права» [34, с. 8].

Нам представляется, межотраслевых институтов права нет и быть не может. Тем более, не существует комплексных отраслей права. Их наличие сломало бы саму логику построения системы права, традиционно определяемую двумя критериями: предметом и методом правового регулирования. Так, Б.Н.Алейников, оспаривая один из аргументов Р.Г. Лившица в пользу содержательного равенства отраслей права и законодательства [23, с. 28], приходит к убеждению, согласно которому право собственности в объективном смысле выступает как институт каждой отрасли права и как отрасль законодательства. В обоснование своей позиции автор называет «критерии выявления отрасли законодательства о собственности», относя к ним: предмет отрасли, цель, принципы, функции и общую часть отрасли. Перечисленные критерии, за исключением, пожалуй, предмета отрасли не представляют нам отражающими суть «отрасли законодательства о собственности». Так, например, цель «законодательства о собственности», обозначенная Б.Н. Алейниковым как «достойное и свободное развитие человека» может являться целью любой отрасли законодательства, тоже

можно сказать и о принципах свободы и справедливости, на которые указывает автор как свойственные, по его мнению, «отрасли законодательства о собственности».

Напротив, выделение межотраслевого законодательного (не правового, а именно законодательного) института права собственности, по нашему мнению, вполне логично и обоснованно. Законодательство тем и отличается от системы права, что включает в себя, помимо обычных, соответствующих структурным элементам системы права, комплексные нормативно-правовые массивы. В рамках темы настоящей статьи следует говорить о наличии комплексного законодательного института муниципальной собственности, включающем в себя противоположения, расположенные в разных нормативных правовых актах и относящиеся, по признакам предмета и метода правового регулирования, к разным отраслям права (в основном к конституционному, гражданскому, муниципальному, административному, жилищному и земельному).

В.П. Мозолин нормы о праве собственности относит к особой разновидности внеотраслевых (реперных) правовых норм [26, с.21-31] и предлагает концепцию единого права собственности, основанную на образовании данных норм на базе уже существующих. Результатом такого образования должно стать «качественно новое понятие права собственности» [24, с. 28], в принципе исключающее любую возможность какого-либо противопоставления норм конституционного и гражданского права. По мнению ученого, «в связи с появлением, наряду с имуществом, новых объектов субъективных прав собственности... общее межотраслевое понятие права собственности следует считать родовым понятием, применяемым ко всем ... объектам права собственности» [24, с.29]. В свою очередь полноправному субъекту собственности в условиях рыночной экономики необходима сложноструктурная модель права собственности предполагающая принадлежность одного и того же имущества одновременно нескольким собственникам. Такая модель, распространенная на деятельность государственно-публичных юридических лиц, по мнению профессора, будет способствовать положительному воздействию на экономику страны [24, с. 29].

Как мы можем наблюдать, признание права собственности межотраслевой категорией или муниципального права институтом и конституционного, и муниципального, и гражданского права выглядит весьма соблазнительным с точки зрения унификации подхода к определению сущности этих явлений. Однако, собственность проявляет свою природу в процессе достижения конечного результата - присвоения, равно как и право собственности получает юридическое признание и формализацию в рамках отрасли гражданского права. Гражданское право вполне приспособлено для любых способов осуществления права собственности, в том числе права муниципальной собственности, гражданское законодательство предусматривает основания возникновения и прекращения права собственности, его содержание, позволяющее обозначить меру возможного поведения собственника, равно как и его обязанности, все эти вопросы входят в предмет правового регулирования данной отрасли права. Вместе с тем необходимо учитывать тот факт, что отношения по поводу осуществления права собственности настолько многогранны и разнообразны в виду того, что затрагивают различные сферы деятельности субъекта этого права, что они оказываются урегулированными нормами различных отраслей права, а не только гражданского.

С момента приобретения субъектом права собственности, собственник состоит с другими субъектами, с обществом в целом, в так называемом абсолют-

ном правоотношении. В начале 80-х гг. с критикой по поводу этой теории выступил в своем специальном исследовании Ю.И. Гревцов [16, с. 67, 69-70]. В.К. Бабаев считает, что выделение абсолютных, равно как и так называемых «общих (общерегулятивных)» отношений «недостаточно убедительно и практически бесполезно. Какой смысл в конструировании правоотношений, где субъекты не определены, не связаны между собой четкими взаимными правами и обязанностями? Правоотношение всегда конкретно, субъекты его всегда индивидуализированы. ... конструкция абсолютного и общего правоотношений не отвечает такому признаку правоотношений, как взаимодействие субъектов, а введение в юридическую науку концепций абсолютного и общерегулятивного правоотношений сегодня начинает препятствовать более глубокому познанию проблемы осуществления права» [13, с. 409-410].

Не можем себе позволить согласиться с такой позицией автора. Д.М. Генкин, рассуждая об отличительных признаках правоотношений собственности, говорил о том, что такие отличия, имея ввиду неопределенный круг обязанных лиц, не дают «никаких оснований утверждать, будто право собственности находится вне правоотношения» [14, с. 34]. Установленная нормой объективного права мера возможного поведения субъекта правоотношения – это субъективное право. А субъективное право – суть элемент содержания правоотношения, которому корреспондирует юридическая обязанность другой стороны в правоотношении. При этом факт неопределенности субъекта объясняется тем, что право собственника может быть нарушено любым лицом, значит и защищаться оно должно от нарушений со стороны любого, то есть всех лиц, не определенных на данный момент

В свете сказанного, муниципальная форма собственности представляет собой такую форму организации присвоения имущества, которая выражает собой принадлежность этого имущества муниципальным образованиям как субъектам права собственности.

Специальная дефинитивная норма, образующая ст. 2 Закона о местном самоуправлении, не содержит понятий «муниципальная собственность» и «право муниципальной собственности». В условиях отсутствия легальной дефиниции необходимо выработать определение доктринальное.

Муниципальная собственность – это социально-экономические отношения по поводу присвоения муниципальным образованием в лице своих органов и (или) созданных им организаций материальных благ, необходимых для решения вопросов местного значения в интересах населения соответствующей территории муниципального образования.

Право муниципальной собственности в субъективном смысле – это обеспеченная законом и гарантированная государством возможность муниципального образования в лице органов местного самоуправления и (или) созданных им организаций владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом в пределах, установленных законом и назначением этого имущества, по усмотрению и в интересах населения муниципального образования.

Право муниципальной собственности в объективном смысле – это комплексный законодательный институт, нормы которого в императивно-диспозитивном порядке регулируют отношения по владению, пользованию и распоряжению муниципальными образованиями в лице органов местного самоуправления и (или) созданных ими организаций имуществом в интересах и по усмотрению населения муниципального образования.

Список литературы:

1. Европейская хартия местного самоуправления (ETS N 122) (Принята в г. Страсбурге 15.10.1985) // Дипломатической вестник. 1998. N 10. С. 25 - 29. (далее – Хартия)
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст.330. (далее – ГК РФ)
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. ст. 3823. (далее – БК РФ).
4. Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: федеральный закон от 07.02.2011 N 6-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 14.02.2011. № 7. ст. 903.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления на территории Российской Федерации: федеральный закон от 06.10. 2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 06.10.2003, № 40, ст. 3822. (далее – Закон о местном самоуправлении)
6. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект федерального закона № 47538-6 // URL:сайт Исследовательского центра частного права при Президенте Российской Федерации: <http://www.privlaw.ru/> (далее– Проект ГК РФ).
7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) (утратила силу) // СПС Консультант Плюс.
8. О собственности в РСФСР: закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР", 1990, N 30, ст. 416. (утратил силу).
9. В частности, такого рода позиция была выдвинута Е.А. Сухановым. См., например, Суханов Е.А. Лекции о праве собственности.- М.,1991. С. 77-79.
10. Алейников Б.Н. Право собственности как отрасль законодательства // Современное право. 2008. № 10. С. 14.
11. Андреев В.К. Право собственности в России. - М.: Бек, 1993.
12. Андреева Г.Н. Институт собственности в конституциях зарубежных стран и Конституции Российской Федерации. - М.: Норма, 2009. С. 288–291
13. Бабаев В.К. Виды правоотношений // Теория государства и права: учебник / под ред. В.Я. Кикотя, В.В. Лазарева. - М.: ИД «Форум. -М., 2008. С. 409–410.
14. Генкин Д.М. Право собственности в СССР. – М., 1961. – 222 с.
15. Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сб. памяти С.А. Хохлова / Отв. ред. А.Л. Маковский. М., 1998. С. 79.
16. Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. - Л., 1981. С. 67, 69–70.
17. Дозорцев В.А. Принципиальные черты права собственности в гражданском кодексе // Цивилистическая практика. Вып. 4. - Екатеринбург, 2004. С. 230
18. Зинченко С.А., Бондарь Н.С. Собственность – свобода – право. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост.ун-та, 1995. 160с.
19. Иванов А.А. Теория государства и права / под ред. В.П. Малахова. - М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. С. 219.
20. Идея всенародной собственности не является новой для науки гражданского права, но ее теоретическое обоснование проводилось в исторически другое время, характеризуемое своими политическими и социально-экономическими явлениями.
21. Илюхина Е.А. Правовое регулирование отношений муниципальной собственности в РФ: Автореф. дис. канд. наук. - М., 1996.
22. Камалов О.А. Гражданская правосубъектность муниципальных образований. Автореф.дис.канд.юрид.наук. -Екатеринбург, 2001.
23. Лившиц Р.З. Отрасль права - отрасль законодательства // Советское государство и право. 1984. № 2. С. 28. По мнению автора, установление данного тождества «связано с преодолением устоявшихся представлений об отличии отрасли права от отрасли законодательства».

24. Мозолин В.П. Модернизация права собственности в экономическом измерении // Журнал российского права. 2011. № 1. С. 29-30.
25. Мозолин В.П. Право собственности в Российской Федерации в период перехода к рыночной экономике. – М., 1992.
26. Мозолин В.П. Роль гражданского законодательства о регулировании комплексных имущественных отношений // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 21-31.
27. Например, создание предприятий на праве оперативного управления, участие в имущественных правоотношениях органов местного самоуправления от имени муниципального образования, наделенных статусом юридического лица
28. Писарькова Л.Ф. Муниципальная собственность в России // Собственность в XX столетии.- М., 2001
29. Попов Ю.Е., Рыбаков В.А., Соловьев В.Н., Шуман А.В. Право муниципальной собственности (цивилистические и социальные аспекты): Монография, - М.: Юрист, 2009, С. 10.
30. Санникова Л.В. Гражданское право. Часть первая. 2-е изд. / Под ред. А.Г. Калпина и А.И. Масляева. М., 2000. С. 265
31. Суханов Е.А. Гражданское право. Учебник.2-е изд. / Отв.ред. Е.А. Суханов. Т.1. С. 475-484.
32. Суханов Е.А. Лекции о праве собственности.- М.,1991. С. 77-79.
33. Тархов В.А., Соловьев В.Н., Рыбаков В.А. Тип собственности в системе собственности (цивилистический аспект) // Гражданское право, 2008, N 3.
34. Товарова Е.В. Органы местного самоуправления и их полномочия в сфере управления муниципальной собственностью.: Автореф. дис. канд. юрид. наук. - СПб., 2006. С. 8.

ГЛАВА 8

Морально-этические и политико-культурные аспекты формирования и реализации политических механизмов парирования рискованных факторов в современной российской экологической политике

В первое десятилетие XXI века человечество уже в полной мере ощутило надвигающийся экологический кризис, который приводит к появлению самых серьезных и разнообразных политических последствий. Уже в середине нашего столетия стало очевидно, что возникающие проблемы роста численности населения, истощающего природопользования, загрязнения окружающей среды обретут в дальнейшем еще большую остроту.

В этих условиях одной из важнейших задач, встающих перед обществом на современном этапе его развития, является изучение проблем взаимодействия общества и природы, человека и природной среды, экологии и политики с морально-нравственных позиций [1. С.95]. Глобальное влияние деятельности человека породило проблемы, связанные с истощением озонового слоя, опустыниванием земель, изменением климата и т.д. В этой связи первостепенное значение в настоящее время приобретает совершенствование механизма управления деятельностью людей в глобальной экологической системе, учитывающей неоднозначность последствий принимаемых решений и необходимость принимать во внимание не только краткосрочную экономическую или политическую выгоду. Она не сводится к бережному отношению к природе, а предопределяет также и воспроизводство природной среды. Забота об окружающей среде становится важнейшей социальной функцией политики государственных органов, различных групп интересов, общественных организаций и просто неравнодушных и политически активных людей.

Рассмотрим следующие вопросы:

1. Гуманитарные и социально-политические проблемы экологии.
2. Социально-экологическая политика.

Сам термин «экология», в том числе и с учетом его политически актуально-го морально-нравственного значения, был введен в 1866 г. Э. Геккелем. Он употребляется в настоящее время в двух основных значениях – классическом и

модернистском. Классическое толкование экологии определяет ее как раздел биологии, изучающий взаимодействие биосистем различных уровней организации с окружающей средой. Но впоследствии границы данного понятия существенно раздвинулись и постепенно в контексте экологии все более важную роль начали играть социальные и политические факторы и связанные с ними морально-нравственные факторы [2. С.37].

Рассматривая значение морально-этических аспектов в формировании и деятельности политических механизмов парирования рискованных факторов в современной экологической политике, мы должны сначала определить методологические аспекты и соотнести их с применяемыми научными подходами к анализу экологической политики.

Согласно модернистскому подходу, экология – междисциплинарный комплекс знаний о проблемах взаимодействия общества и природы, охраны окружающей среды и регулирования использования природных ресурсов. Модернистское толкование экологии в нашей стране практически не отличается от принятого на Западе и сегодня является наиболее распространенным. В связи с этим широкое распространение получили и производные понятия – «экологический кризис», «экологические проблемы», «экологическая обстановка», «экологическое движение», «социально-экологическая политика» и т. п.

Социальная экология – теория, изучающая закономерности и формы взаимодействия общества со средой обитания, многообразие связей социальных изменений с изменениями в жизнеобеспечивающих материальных предпосылках социальных процессов. Уже в XIX в. американский ученый Д. П. Марш, проанализировав многообразные формы разрушения человеком природного равновесия, сформулировал программу охраны природы.

Мы видим, что для обоих доминирующих подходов к изучению экологической политики морально-этические нормы имеют значение, связанное с попытками преодолеть заметные в эколого-политической сфере кризисные и проблемные явления и включить морально-этический фактор, связанный с экологической политикой, в качестве системного элемента механизмов парирования рискованных факторов.

Интенсивное изучение гуманитарных аспектов экологических проблем началось в нашей стране в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. В этой области проявили себя такие выдающиеся ученые, как П. Л. Капица, Н. Н. Моисеев, Е. К. Федоров, И. Т. Фролов, В. А. Энгельгардт, А. Л. Яншин и др.

Учитывая общечеловеческий характер экологической безопасности, важно знать уровень понимания этого вопроса и в других странах, особенно индустриально развитых, где воздействие на природу достигло максимальных масштабов. О необходимости решительных мер в защиту окружающей среды высказались западные исследователи и общественные деятели: А. Горц, И. Илиш, Э. Дамман, А. Ренн, П. Рассел и др. [3. С.2].

Конференция ООН по проблеме окружающей среды в Стокгольме (1972) впервые привлекла серьезное внимание мировой общественности к глобальной деградации и разрушению природы в ходе развития цивилизации.

Изучение гуманитарных проблем экологии включает различные аспекты: технические, экономические, социально-политические, эстетические, этнические, психологические и др., формирующие определенный психологический климат, важный для различного рода политических экологических движений, которые часто носят протестный и достаточно агрессивный характер и тем самым являются серьезным рискованным фактором.

Проблема взаимоотношений общества с природой внутренне связана с проблемой человека как центральной во всем комплексе глобально-экологических проблем современности. Необходимо сказать, что в ходе общественного развития XIX-XX вв. оказались в значительной мере утраченными основополагающие принципы бытия человека в мире, выработанные человеком на протяжении своей истории. Сюда нужно отнести и многие идеи, развивавшиеся как до марксизма, так и в марксизме с момента его возникновения. Во многом они оказались мировоззренчески извращены в угоду волюнтаристским представлениям о необходимости «покорения природы», ее «переделки» [4. С.11].

До последнего времени преобладали подходы, в которых человеческое измерение было представлено в самом общем виде, без прямого обращения к анализу основных мотивов, целей и задач материально-технической деятельности человека, взятой в ее связи с духовно-гуманистическим пониманием полноты человеческой жизни.

Однако в истории ряд культур традиционно формировал положительное, жизнеутверждающее отношение человека к миру, к самому себе, к другим людям, к обществу в целом, к природе. Мы нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим природе и находимся внутри ее и в отличие от всех других существ умеем познавать ее законы. В связи с этим нельзя не вспомнить, что в российской политической традиции обращение к проблематике, связанной с экологией, восходит еще к словам великого революционного демократа Н. Г. Чернышевского, который писал, что «свободное действие человека возмущает естественный ход природы; природа и ее законы восстают против оскорбителя своих прав; следствием этого бывают страдание и гибель действующего лица, если действие было так могущественно, что вызванное им противодействие было серьезно: потому все великое подлежит трагической участи. Природа здесь представляется живым существом, чрезвычайно раздражительным, чрезвычайно щекотливым насчет своей неприкосновенности. Неужели в самом деле природа оскорбляется? Неужели в самом деле природа мстит? Нет, она продолжает вечно действовать по своим законам, она не знает о человеке и его делах, о его счастье и гибели; ее законы могут иметь и часто имеют пагубное для человека и его дел действие; но на них же опирается всякое человеческое действие. Природа бесстрашна к человеку; она не враг и не друг ему: она то удобное, то неудобное поприще для его деятельности» [5. С.96-97].

Действительно, самое страшное, к чему может привести пренебрежение заботой о гармонии человека и природы, – это исчезновение духовности, без которой человек не может быть человеком.

Экологическая деятельность предполагает коренное изменение содержания труда с точки зрения экологических императивов, рационализацию потребления и сохранение здоровья людей. Говоря о воздействии человека на природу, уместно обратить внимание на то трагическое противоречие, которое сложилось к концу века в результате стихийного развития. Только за последние 150 лет, на которые приходится наибольший «расцвет» индустрии, природа понесла больший урон, чем за все 3-4 млн. лет существования рода человеческого.

Человек не смог предвидеть разрушительной силы своего могущества и наращивал его, не понимая губительных последствий этого. Так, например, за последние 30 лет было уничтожено 50% тропических лесов Азии и Латинской Америки, которые уже не смогут поглощать углекислый газ, что, соответственно, повышает его содержание в атмосфере. Из-за загрязнения атмосферы повреждено более половины деревьев в ФРГ. Страны Европейского Союза еже-

годно выбрасывают в атмосферу 18 млн тонн диоксида серы и 10 млн тонн оксидов азота. «Кислотные дожди» наносят непоправимый урон лесным богатствам многих стран, отравляют озера и реки. В результате гибнут промысловые породы рыб, заражаются флора и фауна.

Необходимо преодолеть устоявшиеся стереотипы мышления относительно того, что экологический кризис охватил только Запад, а у нас государство осуществляет экологическую политику, отводя и парируя возникающие рискогенные факторы в ином поле координат и в иной политической логике. На Западе, в развитых и сложившихся демократических странах, данная экологическая проблема связана с проблемой человека как центральной во всем комплексе глобально-экологических проблем современности. Необходимо сказать, что в ходе общественного развития XIX-XX вв. оказались в значительной мере утраченными основополагающие принципы бытия человека в мире, выработанные человечеством на протяжении своей истории [6. С.142].

В настоящее время средства массовой информации с подачи весьма авторитетных ученых и специалистов, а вслед за ними и представители законодательных и исполнительных органов государственной власти говорят чуть ли не о приближении экологического краха, результатом которого является резкое снижение уровня средней продолжительности жизни человека. Так, прямо указывается на то, что экологическая безопасность становится препятствием социально-экономического развития общества в России. Это не совсем так.

В самом ходе изменения окружающей среды под влиянием хозяйственной деятельности человека нет ничего катастрофического. Это не оптимальный процесс проб и ошибок, которому созвучна деятельность самой экологической системы. В результате, с одной стороны, сокращается традиционная экологическая система, уменьшается разнообразие видов, с другой, создается новая экосистема как совокупность биотопов и биоценозов, сопровождающих созидательную (для своего блага) и разрушительную (для экологической системы) деятельность человека. Но остановить сам процесс воспроизводства живого ему не под силу. Экология как система, воспроизводящая саму себя, весьма инерционна, поскольку насчитывает 4 млрд лет, человек же – не более 2 млн лет.

Однако трансформация природной среды в антропогенную – неизбежность развития цивилизации. Остановить развитие – значит вымереть, ибо человечество утратило ту экологическую систему, которая обеспечила ему выживание путем собирательства. Оно обречено на вечное развитие, но в рамках коэволюции с природой [7. С.79].

Другое дело, что социально-экономическое развитие должно происходить с учетом возможностей природной среды восстанавливать свои качества.

До последнего времени преобладали подходы, в которых человеческое измерение было представлено в самом общем виде, без прямого обращения к анализу основных мотивов, целей и задач материально-технической деятельности человека, взятой в ее связи с духовно-гуманистическим пониманием полноты человеческой жизни.

Благодаря открытости современных информационных систем завеса секретности вокруг экологических проблем спала. Средства массовой информации дали много сведений о кризисной либо тяжелой экологической обстановке во многих городах и целых регионах, таких как Поволжье, Урал, озеро Байкал.

Большой урон природе был нанесен неограниченной властью государственных монополий – отраслевых министерств и ведомств, которые десятилетиями проводили в жизнь политику индустриального экоцида, подлинными масштабами которого еще предстоит оценить. Примерами ведомственного экоцида являются

ся строительство каскадов ГЭС-гигантов на равнинных реках Волге, Енисее, Ангаре (что привело к затоплению территории, равной всей Франции), планы дальнейшего строительства аналогичных объектов на Алтае, Севере, Дальнем Востоке. А что стало бы с экологией природы при осуществлении проекта пресловутой переброски части стока северных и сибирских рек на юг? Экологическая обстановка в нашей стране коренным образом отличается от современного положения на Западе, где на протяжении последних 10-15 лет планомерно осуществляются экологизация природопользования и энергосбережение, существует хорошо организованное и мощное «зеленое» движение. Это уже означало создание напряженной обстановки, характеризующейся сильным моральным напряжением, имеющим негативную эмоциональную окраску по отношению к органам государственной власти.

Важнейшим звеном системы обеспечения экологической безопасности должна стать государственно-правовая политика и внедрение морально-нравственных норм в экологически ориентированное мышление [8. С.89].

По современным понятиям, экологических «проступков» страх жестокого наказания, то теперь этого страха нет, зато появился ужас от масштаба и последствий самих экологических катастроф. Два фактора – экологический кризис и неадекватность политического регулирования неотложного решения проблемы охраны окружающей среды посредством создания правового механизма экологической безопасности приводят к состоянию неуверенности и повышенной восприимчивости к различным рискогенным факторам экологической политики имеющим политическую окраску.

Политический механизм включает в себя следующие аспекты экологической безопасности:

а) предметом политического регулирования являются не отношения между природой и человеком, а сам человек, его права и экологические интересы, деятельность общественных организаций, национальностей и народов, территориальных образований;

б) основу экологической безопасности составляет право человека на благоприятную окружающую среду. Этому праву должна соответствовать обязанность государства обеспечить рациональное, экологически целесообразное, эффективное использование природных ресурсов в интересах людей;

в) необходим серьезный пересмотр, а может быть и вообще новая разработка основ экологической безопасности и ее неотъемлемой части базовой – международной экологической безопасности. Требуется проработка международно-политических и правовых аспектов концепции международной экологической безопасности. Прежде всего речь идет о комплексе норм предупредительного характера: системе правовых предписаний сотрудничества в чрезвычайных экологических ситуациях; системе международного мониторинга и контроля, включая проведение международных инспекций на местах; порядке обмена экологически безопасными технологиями и др. [9. С.11.].

Следует кардинально изменить философию и механизм принятия решений по глобальным и локальным модернизационным проектам в отношении их экологической составляющей. Должна быть дана оценка того, насколько полно в них реализованы синхронность и симметричность экономического, научно-технического, социального и культурного прогресса как в пределах отдельных стран и регионов, так и в общепланетарном масштабе. Любой технологический процесс не может считаться совершенным с экологической точки зрения, если он не основан на малоотходной или безотходной технологии, тем более что попытки реализации таких проектов всегда попадут под сильную критику со сто-

роны активистов различных политико-экологических движений и создадут угрозу политической стабильности общества.

Особую актуальность в современных условиях приобретает разработка основ социально-экологической и гуманитарной экспертизы. Например, практическое отсутствие в течение нескольких десятилетий развитого механизма независимой экспертизы в СССР нанесло тяжкий урон экономике общества, деформировало общественное сознание, привело к экологической катастрофе в ряде регионов. Необходимость научного определения места человека, выражения его социальных интересов, духовных запросов и потребностей в общей системе социального проектирования остро проявилась при рассмотрении проектов, строительстве крупных АЭС, ГЭС, водохранилищ, предприятий, затрагивающих коренные интересы отдельных народов и страны в целом [10. С.12].

Важной проблемой является улучшение экологического воспитания, регулярное информирование населения об экологической обстановке в мире, стране и на местах, формирование соответствующего общественного мнения. Надо отказаться от устаревших стереотипов, главной идеей которых является «покорение природы». В экологическом воспитании участвуют все существующие структуры: государство, политические партии, семья, школа, высшие учебные заведения, средства массовой информации. Цель такого экологического воспитания – изменение общественного и индивидуального сознания в сторону более разумного, по-настоящему гуманного отношения к природе, что отразится не только на производстве, но и на образе жизни, потребностях людей.

Экологизация сознания, а следовательно, и политики – не простое накопление знаний, с помощью которых декларируется необходимость защиты и восстановления природной среды существования человеческой цивилизации. Этот сложнейший процесс означает расширение горизонта нравственных отношений, распространение моральной санкции на весь мир живого, всю природу. Экологизация предполагает и фундаментальное изменение в характере мышления. Экологическое мышление в сфере политики – это мышление с иной, современной рациональностью, в соответствии с которой политика с позиции силы должна быть заменена силой политических аргументов.

В связи с тем, что не разработана модель устойчивой мировой системы, не создана наука, изучающая глобальную экологию на основе синтеза экологии, политологии и экономики, предлагается наполнить новым содержанием понятие «политика». Во-первых, она как наука должна изучать отношения между классами, нациями и другими социальными группами на основе синтеза экологии и политологии, а также наиболее общие закономерности развития человеческих обществ, мировой системы и государств в условиях антропогенно перегруженной Земли, модели их оптимального, устойчивого развития; во-вторых, она должна охватывать сферу практической деятельности, связанную с отношениями между социальными группами, реализующую модели оптимального, устойчивого развития человеческого общества, мировой системы и государств при помощи государственной власти и международных институтов [11. С.210].

Экологизация политики – это достаточно длительный, трудный и противоречивый процесс, требующий для своего осуществления многих объективных предпосылок, создание которых диктует необходимость коренной модернизации всех сфер общественной жизни.

Наиболее радикальный путь экологической безопасности предложен западногерманским идеологом правых экологов Г. Грулем и французским теоретиком экологизма А. Горцем. Он сводится к строгой регламентации выпускаемой крупной индустрией продукции и развитию самостоятельного производ-

ства. Подобные представления отражают озабоченность западных идеологов экологического движения последствиями, к которым ведет безграничное развитие «потребительского общества», и являются попыткой найти ему альтернативу. По мере распространения этих взглядов в западных странах встает вопрос о том, насколько возможна реализация предлагаемой концепции обеспечения экологической безопасности.

Следующий путь обеспечения экологической безопасности посредством эффективного парирования политическими механизмами различных рискованных факторов характеризуется некоторыми представителями альтернативного движения на Западе как революционный. Примером такого подхода могут служить взгляды норвежского теоретика-эколога Э. Даммана, который считает, что необходима революция в «обществе изобилия», о приближении которой, с его точки зрения, свидетельствуют стихийные социальные движения последних 10-15 лет. Ее основу должна составить революция ценностей [12. С.33].

Интересным представляется подход к экологической безопасности через процесс формирования глобального сознания. С такими идеями выступил американский исследователь П. Рассел. Он рассматривает человечество как формирующийся целостный социальный организм. Для превращения его в единую систему, с точки зрения П. Рассела, необходима не только физическая и биологическая эволюция, но и формирование глобального, или планетарного, сознания. Качественно новый уровень эволюции человека П. Рассел вслед за В. И. Вернадским назвал ноосферой. Такое сознание, по мнению американского ученого, формируется в процессе взаимодействия и многочисленных обменов информацией между людьми различных стран. В результате, считает он, возникает чувство взаимосвязанности, общности подходов к решению назревших проблем, в том числе и экологических.

Таковы некоторые пути обеспечения экологической безопасности, которые требуют не только национального, но и интернационального признания и использования. Это объясняется взаимосвязанностью природы и человека, гуманизмом экологических проблем, целостностью нашего мира.

Экологический кризис оказывает все более осязаемое воздействие на мировоззренческие ориентации и деятельность политических сил. Экология превращается в политический фактор, который все сильнее влияет на общественные процессы. Осознание этого идет противоречиво, так как требует кардинальной смены не только мировоззренческих стереотипов, но и политических традиций, моделей экономического и социального развития, на которых десятилетиями основывались программные и стратегические установки государств и политических партий [13. С.187].

Социально-экологическая политика направлена на выбор и реализацию определенного типа взаимосвязей между политическим сообществом и природой. В ее задачу входит целенаправленное воздействие на систему «общество – природа» с целью своевременного разрешения возникающих в ней противоречий и обеспечения наиболее благоприятных естественных условий развития человека как в данный момент, так и в отдаленной перспективе.

Стратегическая цель экологической политики – обеспечение гармонизации взаимоотношений общества и природы, благоприятных естественных условий жизни и труда людей, а также совокупность задач по совершенствованию тех или иных направлений и форм природопользования и отведения угрозы актуализации различного рода рискованных факторов через использование эффективных политических механизмов их парирования.

Необходимо обратить внимание на действительную, а не декларативную реализацию закрепленного в Конституции Российской Федерации права граждан на благоприятную окружающую среду, и тем самым прав будущих поколений на пользование природно-ресурсным потенциалом в целях поддержания устойчивого развития, а также на решение текущих социально-политических и экономических задач в неразрывной связи с осуществлением адекватных мер по защите и улучшению окружающей среды, сбережению и восстановлению природных ресурсов. Государственная стратегия включает следующие основные положения: обеспечение экологически безопасного устойчивого развития в условиях рыночных отношений; охрану среды обитания человека; оздоровление (восстановление) нарушенных экосистем в экологически неблагоприятных регионах России; участие в решении глобальных экологических проблем [14. С.3].

Действенная политико-экологическая стратегия призвана согласовать местные, региональные и глобальные, экономические, экологические и социокультурные цели развития общества. Пренебрежение хотя бы одной из целей ведет к неполноценности принимаемых решений. Таким образом, рассматриваемая под этим углом зрения экологическая политика представляет собой многоуровневую сложную систему. Она структурируется по уровням экологических интересов. Экологическая политика может быть глобальной (планетарной), региональной, транснациональной, общенациональной, локальной и т. д. Уровням целей экологической политики должны соответствовать по масштабу органы управления и контроля, содержание и особенности решаемых задач. Так, общенациональную экологическую политику призваны решать органы высшей законодательной и исполнительной власти, руководство государственными экологическими программами. Для выполнения решаемых проблем разрабатываются программы необходимых мероприятий и ищутся источники финансирования.

Для глобальной экологической политики принципиальным является уяснение основных истоков обострения экологической проблемы. Ими может быть ряд процессов, к которым можно отнести противоречия в общественной жизни, прежде всего экономические и политические, носящие непримиримый характер и обеспечивающие смену фаз общественного развития. Далее, стихийное или недостаточно сознательное присвоение человеком богатств природы и динамика демографических процессов. Чрезмерный рост населения может оказать негативное воздействие на глобальные процессы [15].

В основе разработки социально-экологической политики лежит совокупность определенных принципов:

- учет конкретных внутренних и внешних условий развития общества и его реальных возможностей;
- сочетание общественного, коллективного и частного производства в процессе взаимодействия человека и природы;
- единство экологической, экономической, социальной и других сторон жизни общества;
- разумное сочетание решения экологических задач с обеспечением возможностей рационального хозяйствования, необходимостью непрерывного развития производства, удовлетворения материальных и духовных потребностей общества;
- учет влияния внутренних экологических мероприятий на глобальные процессы и высшего экологического фактора на внутреннюю экономическую жизнь.

Как и любая другая форма политики, социально-экологическая политика конкретна. Она определяется степенью знания объекта (биосоциальной системы), спецификой внутренних и внешних условий существования государства, материальными возможностями, которыми располагает общество для проведения такой политики [16].

Практическая деятельность людей во многом оценивалась по превратно истолкованной идее господства человека над природой, поэтому зачастую люди не задумывались над последствиями покорения природы. Эта тенденция во многом усиливалась под воздействием литературы, искусства, средств массовой информации. Негативные последствия такого подхода из-за специфики естественных процессов сразу проявиться не могли и оказались ощутимыми через несколько десятилетий. Перекосы в экологической политике, нацеленность только на утилитарное использование природы и недостаточное внимание к ее охране привели в последнее время к ряду негативных последствий: усилилось загрязнение атмосферы и внутренних вод, особенно реки Волги, Каспийского моря, в несколько раз сократился улов ценных пород рыб, усилились эрозийные процессы сельскохозяйственных угодий, имели место перерубы лесов в Европейской части страны, нерациональная разработка месторождений полезных ископаемых. В нашем регионе в 50-е гг. прошлого века был построен Волго-Донской судоходный канал, строительство которого было начато не только с экономическим, но и с политическим обоснованием, но до сих пор морально-нравственная травма местного населения, согнанного с родных мест, продолжает сказываться и проявляется на уровне локальной и региональной политики. Практика показала, что экономическая эффективность канала вошла в противоречие со сложившейся экологической ситуацией в районе Волго-Донского водного пути. Цимлянское водохранилище затопило ценнейшие плодородные сельскохозяйственные земли в долине Дона, в том числе 160 станиц и хуторов. Обводнение степи не компенсировало загубленной земли. Не оправдывает себя и речная перевозка грузов, т.к. параллельно работают железнодорожные пути.

Развал СССР усугубил кризисное состояние природной среды и природопользования. Накапливаясь десятилетиями, экологические проблемы привели к деградации экосистем большей части регионов страны.

В современный период к постоянно действующим факторам разрушения экологической системы прибавились новые, среди них: политическая дезинтеграция Союза, межнациональные конфликты и войны, разрушение экономического пространства, социальная напряженность в обществе, незаинтересованность коммерческих структур во вложении денежных средств, экологические последствия демилитаризации, деатомизации. Вместе с тем появились новые факторы, имеющие положительное значение для экологии страны: прекращение разрушительных «великих строек», пересмотр политики в этой области; утверждение концепции платности земли, воды и других природных ресурсов; начало формирования новой налоговой экологической политики; начавшееся осознание населением (благодаря гласности) жизненной важности защиты природы, создание фондов, обществ и других экологических организаций; усиление внимания Запада к нашим экологическим проблемам [17].

Меняющаяся социально-политическая обстановка требует глубокой корректировки экологической политики России. Отметим несколько моментов в ее разработке.

Во-первых, ведущую роль в разработке и реализации экологической политики призвано играть государство. Это в полной мере относится как к России,

так и к другим странам. В США, например, в правительстве около 30 государственных учреждений участвуют в разработке и реализации экологической политики. Наилучшая экологическая политика обречена на неудачу, если не разработан действенный правовой механизм защиты среды обитания, включающий в себя определенный морально-нравственный и этический заряд, поскольку только на рационально-политическом уровне экологическая проблема не может получить удовлетворительного решения [18.С.89].

Во-вторых, в разработке долговременной экологической политики важнейшее значение имеет определение этапов ее реализации в тесной взаимосвязи с социально-экономическим развитием. Исходя из прогноза развития экономики и общества выделяется три временных этапа экологической политики. На первом этапе экополитика сводится к замедлению процесса дальнейшего разрушения природы, а в кризисных регионах – к его приостановке. Главным содержанием второго этапа является осуществление экономически выгодных природоохранных и природовосстановительных проектов на средства как отечественных, так и зарубежных предпринимателей. Важнейшим направлением этого этапа будет применение новых комфортных с морально-этической точки зрения экологических технологий. Третий этап долгосрочной экологической политики охватывает период послекризисного восстановления и устойчивого экономического роста. Главным содержанием третьего этапа станет восстановление природной среды – экологическая реконструкция с учетом значения морально-нравственных политических аспектов.

В-третьих, важным элементом долгосрочной экологической политики России должна стать оценка состояния ландшафтов и возможности их восстановления. Экологические программы по этой проблематике предполагается разрабатывать по следующим направлениям: сохранение естественных ландшафтов; минимизация антропогенных нагрузок на природную среду; реконструкция и восстановление естественных ландшафтов крупных промышленных центров.

Острота экологической ситуации вызывает и на Западе самые противоречивые планы научно-технических и социально-экономических преобразований, а зачастую и активное сопротивление технике, страх перед нею. Опыт показывает, что ощутимая корректировка негативной экологической политики в индустриальных странах началась с большим опозданием, лишь под напором существовавшего в них движения в защиту окружающей среды. В возникновении и развитии этого движения можно выделить ряд этапов. Во-первых, период формирования любительского и общенаучного интереса к экологии (конец XIX – начало XX вв.). Во-вторых, этап массового «экологического протеста» (игравший видную роль в мировой политике со второй половины 60-х гг. XX в., активно возрождается и в современных условиях). На третьем этапе произошло осознание широкой общественностью недемократического характера иных аспектов экологической политики правящих кругов (конец 70-х гг. XX в.). Четвертый этап, который характеризуется значительным расширением географических рамок деятельности независимых экологических движений СССР и стран Восточной Европы, начался на рубеже 1990-2000-х годов [19.С.23].

В 80-е гг. прошлого века началось активное освоение экологической проблематики движениями нового типа, формирование экологических партий, которые стали оказывать значительное влияние на экологическую политику правительства в развитых странах, основывая свое мировоззрение на морально-этическом и нравственном значении политических механизмов парирования рискованных факторов в современной экологической политике. Подобные партии «зеленых» действуют в Германии, Англии, Ирландии, Нидерландах, Бель-

гии, Дании, Люксембурге, Франции, Италии, Испании, Австрии, Швейцарии, Швеции, Финляндии, Греции. В последние годы они превратились в довольно влиятельные европейские партии, завоевавшие от 5 до 10% голосов избирателей. В политическом спектре они определенно заняли левый фланг, о чем свидетельствует политическая ориентация их избирателей, развитие их программ и ценностно-мировоззренческих установок. Состав «зеленых» партий самый разнообразный: экологи, феминистки, пацифисты, анархисты, сторонники альтернативного образа жизни и др. Каждая партия раньше или позже приходит к необходимости определить свое отношение к доминирующим идейно-политическим течениям. Внутри многих из них происходят трения между радикалами, левыми и консервативно-либеральными «зелеными». Идеологический комплекс «зеленых» экологического движения не представляет собой какого-то целостного феномена. В нем есть и экоконтсерватизм, и экореволюционаризм, и экореформизм с сильной социалистической или либеральной окраской, но практически всегда предполагающий наличие значимых для сторонников данных политических направлений морально-этических факторов, связанных с актуальными проблемами современной экологической политики [20].

Главное место в программах этих партий отведено задачам коренного изменения экономической политики и снижения экономического роста до нулевого с целью восстановления природного баланса, а также конкретным мерам по охране окружающей среды [21. С.65]. Большое внимание уделяется идее распространения моральных норм на сферу политики через демократизацию всех уровней общественной жизни. Эти положения программных документов развиваются и наполняются все более конкретным содержанием.

Ключом к пониманию характера и деятельности «зеленых» партий является осознание противоречия между так называемыми «фундаменталистами» и «реалистами» в идеологии и практике этих партий. Это противоречие вытекает из столкновения наивысших устремлений с существующими общественными реальностями, с местом «зеленых» в политической жизни, с их возможностями влиять на другие партии, на правительство и общественное мнение.

Сквозной идеей партий «зеленых» является «базисная демократия», которая выдвигается в программах в качестве принципа функционирования социальных структур всех видов и уровней общности. Так, в программе партии «зеленых» ФРГ (2010 г.) указывается, что главным является постоянный контроль над всеми носителями административной и представительной власти, над всеми учреждениями, чтобы каждый гражданин имел представление о политике и мог влиять на нее [22. С.461].

Для партий «фундаменталистской» ориентации характерны утопические антитехнистские представления о современной цивилизации. Они призывают отказаться от индустриальной стадии развития общества. Распространенность антитехнических мотивов в экологическом движении, несмотря на его гуманистическую направленность в целом, в идеологическом плане сближает его с романтизмом XIX в. Подобное эмоциональное настроение может явиться серьезным препятствием для реализации рациональной и взвешенной политики в процессе парирования рискованных факторов, связанных с экологической средой, и стать достаточно питательной средой для различного рода экстремистских организаций.

Таким образом, в числе глобальных проблем на первый план выдвигается экологическая проблема, включающая в себя гуманитарно- и социально-политические аспекты, имеющие значительную морально-этическую и эмоциональную окраску, задающую тон и текущей политике. Социально-

экологическая политика находит свое отражение в деятельности партий и государств и реализуется в различных сферах общества [23. С.11]. Однако она требует внимания к морально-этической стороне, так как экологические проблемы уже по своей сути всегда имеют значительную эмоциональную составляющую, поскольку они не только так или иначе затрагивают всех людей, которые сейчас живут на земле, но и обязывают думать о судьбе будущих поколений. Это заставляет соответствующим образом ориентировать и политические механизмы парирования рискованных факторов в современной экологической политике в сторону их большей гибкости, деликатности, ориентированности на консенсус политических интересов и сотрудничество.

Список литературы:

1. Подлесная М. Экологические проблемы и местные СМИ // *Участие. Социальная экология регионов России*. М.: ИС РАН, 2004, вып. 13.
2. Кушлин В.И. Основные принципы и условия осуществления экологического менеджмента в современной России // *Проблемы окружающей среды и природных ресурсов*. 1996. № 4.
3. Шмидхейни С. Смена курса. Перспективы развития и проблемы окружающей среды: подход предпринимателя. М.: Наука, 1994.
4. Горелов А.А. Современные политические проблемы глобальной экологии. // *Экология*, М., Юрайт, 2010.
5. Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности // *Соч.: в 2 т. Т. 1*. М., 1986.
6. Scott Cato, M. *Green Economics*. London: Earthscan, 2011.
7. Злотникова Т.А. Экологическая безопасность (соотношение экономики, экологии, права) // *Экономика*. 1996. № 10.
8. Данилов-Данильян В.П., Горшков В.Г., Арский Ю.М., Лосев К.С. *Окружающая среда между прошлым и будущим: мир и Россия (эколого-экономический анализ)*. М.: Перспектива, 1994.
9. Бауман З. *Глобализация. Последствия для человека и общества*. М.: Весь мир, 2004.
10. Митева Л.Д. Экологическая проблема и позиции левых сил Западной Европы // *Социально-политические науки*. 2010. № 5.
11. Федотов А. П. Глобальный кризис и новое содержание понятия «политика» // *Социально-политический журнал*. 1995. № 2.
12. Уатт К. Экология и управление природными ресурсами. Количественный подход. М., «Мир», 2011.
13. Харрел Э. *Международная политическая теория и глобальная окружающая среда // Теория международных отношений на рубеже столетий*. М., 2002.
14. Jackson T. Tim Jackson, Roland Clift, "Where's the Profit in Industrial Ecology?" *Journal of Industrial Ecology*. February 2008.
15. Black Richard "Recession and policies cut carbon". BBC. <http://news.bbc.co.uk/1/hi/sci/tech/8267475.stm>. 21 September 2009.
16. "Key Messages from the Congress" News item on Copenhagen Climate Congress in March 2009.
17. McMichael A.J., Powles J. W., Butler C. D., Uauy R. http://www.eurekalert.org/images/release_graphics/pdf/EH5.pdf. (September 2007).
18. Батурин Я.А Игнатов В.Г., Кокин А.В. *Экономика и управление природопользованием*. Ростов н/Д: СКАГС, 1996.
19. Ясвин В.А. *Формирование экологической культуры как приоритет региональной экологической политики // Развитие региональных систем экологического образования: Материалы Всероссийской конференции*. - Пермь, ПГПУ, 2000.
20. United Nations General Assembly (March 20, 1987). "Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future; Transmitted to the General Assembly as an Annex to document A/42/427 - Development and International Co-operation:

Environment; Our Common Future, Chapter 2: Towards Sustainable Development; Paragraph 1". United Nations General Assembly. <http://www.un-documents.net/ocf-02.htm>. Retrieved 1 March 2010.

21. Уатт К. Экология и управление природными ресурсами. Количественный подход. / Пер. с англ. М.: «Мир», 2011.

22. Holmgren D. "Retrofitting the suburbs for sustainability." CSIRO Sustainability Network. 2011.

23. Шмидт Г. Бремя глобальной ответственности. // Россия в глобальной политике. № 4, 2002.

*Аминов С.Р., Авдеева А. А., Валах В. В., Гусев А. В., Кошелева А.И.,
Соловьев А.А., Чердакова Л. А., Уварова Г.Г.*

Коллективная монография

**ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536

Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано в печать 06.11.2013. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,75. Тираж 300 экз. Заказ 105.